

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Гермотим Клазоменец как предшественник Анаксагора <i>Матвейчев О.А.</i>	355	Hermotimus of Clazomenae as Anaxagoras's predecessor <i>Oleg A. Matveychev</i>
Римские социальные «общности» в эпиграммах Марциала (аксиология социально дифференцированного целого) <i>Мисюрлов Н.Н.</i>	365	Roman social «community» in epigram of Martialis (axiology of the socially differentiated whole) <i>Nikolay N. Misyurov</i>
Человеческая телесность в гетерологии Ж. Батая <i>Горчакова С.А.</i>	375	Human corporeality in Georges Bataille's heterology <i>Svetlana A. Gorchakova</i>
Ключевые понятия и идеи концепции бытийной истории Мартина Хайдеггера <i>Митлянская М.Б.</i>	384	Key notions and ideas of Martin Heidegger's «history of being» concept <i>Maria B. Mitlyanskaya</i>
Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М.К. Мамардашвили) <i>Поляков А.В.</i>	395	Culture infantilism and demonization of being (concerning clarification of M.K. Mamardashvili's heroic art project) <i>Alexander V. Polyakov</i>
Методологические особенности субстанциального объяснения в современном материализме <i>Лоскутов Ю.В.</i>	404	Methodological features of substantial explanation in contemporary materialism <i>Yuri V. Loskutov</i>
Диалектика формирования и развития пространственно-временной структуры человеческой личности. Первоначальное становление личностного мира в-себе и приобщение его к социальной сфере для-другого <i>Политов А.В.</i>	418	Dialectics of the formation and development of the human personality's spatiotemporal structure. The initial becoming of the personal world in-self and its introduction to the social sphere for-other <i>Andrey V. Politov</i>
Определения научных и околонаучных понятий в философии на примере понятия «врожденное» <i>Булов И.Ю.</i>	430	Definitions of scientific and semiscientific concepts in philosophy through the example of the «innateness» concept <i>Ilya Yu. Bulov</i>
Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ <i>Арутюнян К.С.</i>	438	The problem of consciousness management in the information society: socio-philosophical analysis <i>Karine S. Arutiunian</i>
«Лишние люди» — социально- философская проблема XXI века <i>Пахарь Л.И.</i>	448	«Superfluous people» as social and philosophical problem of the 21st century <i>Lyudmila I. Pakhar</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Ролевые игры живого действия и ролевые онлайн-игры: психологические функции в современном социокультурном контексте <i>Цыганкова П.В., Суворова Е.Ю.</i>	459	Live-action role-playing games and online role-playing games: psychological functions in the modern sociocultural context <i>Polina V. Tsygankova, Ekaterina Yu. Suvorova</i>
Особенности академической и спортивной мотивации студентов, занимающихся и не занимающихся спортом <i>Кондратьев И.М., Дудорова Е.В.</i>	475	Special features of academic and sports motivation of students engaged and not engaged in sports <i>Igor M. Kondratev, Ekaterina V. Dudorova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Миграция и религиозность <i>Вукчевич Н.</i>	486	Migration and religiousness <i>Nemanja Vukcevic</i>
Барьеры и стимулы развития медиации (примирительных процедур) в социальной сфере <i>Марголина Т.И., Суровяткина П.А.</i>	494	Barriers and incentives in the development of mediation (conceptional procedures) in the social sphere <i>Tatyana I. Margolina, Polina A. Surovyatkina</i>
Самоинформирование населения по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в современной России в условиях цифровизации общества <i>Гасумова С.Е.</i>	506	Self-informing of the population on social welfare and social services in modern Russia under the digitalization of society <i>Svetlana E. Gasumova</i>
Информация для авторов	520	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-355-364

**ГЕРМОТИМ КЛАЗОМЕНЕЦ
КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК АНАКСАГОРА***Матвейчев Олег Анатольевич**Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

Анализируется свидетельство Аристотеля о возможной преемственности между учениями Гермотима из Клазомен и его соотечественника Анаксагора. Это свидетельство останется одиноким среди более поздних античных сообщений о Гермотиме, представляющих его скорее как волшебника и духовидца, нежели философа. В этом виде его образ сохраняется и до XIX в.; Гегель, Целлер, Виндельбанд и другие относятся к его фигуре с нескрываемым скепсисом. Положение дел начало меняться к концу XIX – началу XX в., когда интерес исследователей стала привлекать иррациональная сторона античной мысли. Э. Роде обращает внимание на глубокую трансформацию в VII–VI вв. до н.э. представлений о душе, которая представляется теперь существующей отдельно от тела в качестве особой, не сводимой к телу субстанции. Э. Доддс обнаруживает истоки этой новой концепции в северных странах, открывшихся греческому миру в связи с колонизацией побережья Черного моря и обогативших культуру Эллады элементами шаманизма. Способность переживать разделение души и тела была отличительной чертой особого рода магов и духовидцев, появившихся именно тогда, в VII–VI вв.: Абариса, Аристея, Эпименида и других. Наиболее ярким примером такого мага Роде считает Гермотима, и именно из своего личного опыта Гермотим мог сделать вывод о несводимости друг к другу материи и духа и, как следствие, сепаратности Ума как мирового принципа. Различение духа (души) и материи (тела) станет основополагающим принципом греческой философии, понятие Ума (Нуса) выступит фундаментом для системы Анаксагора, первого афинского философа, с которого, собственно, и начнется история классической греческой философии.

Ключевые слова: история философии, Древняя Греция, Гермотим Клазоменский, Анаксагор, Нус, проблема духовного и материального, шаманизм, Э. Роде, Э. Доддс.

HERMOTIMUS OF CLAZOMENAE AS ANAXAGORAS'S PREDECESSOR*Oleg A. Matveychev**Financial University under the Government of the Russian Federation*

The article analyzes Aristotle's testimony of a possible continuity between the teachings of Hermotimus of Clazomenae and his compatriot Anaxagoras. This testimony will remain the only one among the later ancient reports concerning Hermotimus, representing him more as a wizard and a seer than a philosopher. In this way, his image is presented until the 19th century; Hegel, Zeller, Windelband and others showed undisguised skepticism towards this figure. The state of affairs began to change at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, when the irrational aspects of ancient thought started to attract researchers. Rohde draws attention to the profound transformation of ideas about the soul in the 7th – 6th centuries BC, when the soul started to be perceived as existing separately from the body, as a special substance not reducible to the latter. E. Dodds discovers the origins of this new concept in the northern countries that opened up to the

Greek world due to the colonization of the Black Sea coast and enriched the culture of Hellas with elements of «shamanism». The ability to experience the separation of soul and body was a hallmark of magicians and seers of a special kind that appeared in the 7th – 6th centuries BC — Abaris, Aristaes, Epimenides, and others. Rohde considers Hermetimus to be the most notable example of such a magician. It was from his personal experience that Hermetimus could draw a conclusion about the irreducibility of matter and spirit to each other, and, as a consequence, of the separateness of Mind as a universal principle. The distinction between spirit (soul) and matter (body) will become the fundamental principle of Greek philosophy; the concept of Mind (Nous) will serve as the foundation for the system of Anaxagoras, the first Athenian philosopher, from whom, in fact, the history of classical Greek philosophy begins.

Keywords: history of philosophy, Ancient Greece, Hermetimus of Clazomenae, Anaxagoras, Nous, problem of the spiritual and material, shamanism, E. Rohde, E. Dodds.

Вопрос об учителях и предшественниках великого философа малоазийского происхождения Анаксагора до сих пор остается дискуссионным. Отмечено воздействие на его учение идей Парменида и Зенона¹, однако ознакомился с ними Клазоменец, очевидно, уже по прибытии в Афины, тем более что Зенон несколько моложе Анаксагора. Но кто обучал Анаксагора на его родине и какие философы оказали на него влияние в ранний период жизни?

Версии относительно истоков учения Анаксагора существовали уже в древности, не всегда, впрочем, лестные для одного из величайших философов человечества. Демокрит, например, намекал на некие «древние мнения», которые якобы присвоил себе Анаксагор (Favorin. Hist. = D. L. IX 34) Бытописатель философов Диоген Лаэртский высказывался более определенно, утверждая, что заимствование было из Лина: тот изрек, что «было время, когда все в мире явилось вместе», и тем упредил учение великого клазоменца: «Отсюда и взял Анаксагор свое учение, что все в мире возникло совокупно, и лишь потом явился Ум и внес в это порядок» (D. L. I 4) [Диоген Лаэртский, 1986, с. 56].

Для Древней Греции упреки в заимствовании идей были общим местом. Такого рода обвинения не имели в виду покушение на источник благосостояния (понятие авторского права, поддающегося монетизации, появится только в Новое время), а касались лишь вопросов первенства и престижа, к которым греки относились, однако, очень ревниво. Хрестоматийным случаем являются инсинуации Гераклита в адрес Пифагора: «Пифагор, Мнесархов сын,

больше всех людей на свете занимался учеными разысканиями и, выбрав эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мошенничество» (D. L. VIII 6 = 22 (12) В 129 ДК) [Лебедев А.В., 2014, с. 152]. В плагиате у Пифагора, в свою очередь, были уличены Эмпедокл (D. L. VIII 54) и Энопид Хиосский ([Galen.] Hist. phil. 55). Но, пожалуй, чаще всего греки и римляне злословили в адрес Платона, считая, что свой диалог «Тимей» он списал из пифагорейских книг, купленных в Сицилии (Gell. N. Att. III 17, 4; D. L. III 9, VIII 85). Кроме того, Платона обвиняли в неатрибутированных заимствованиях у Протагора и Демокрита².

Намеки Диогена Лаэртского на Анаксагоров плагиат из Лина, вероятнее всего, беспочвенны: лишь с большим трудом можно предположить, что произведения столь древнего автора (еще и при отсутствии в «темные века» у греков письменности) сохранились за несколько столетий и попали в Малую Азию. Скорее стоило бы допустить, что Анаксагора «окормляла» ионическая школа.

Собственно, доксографическая традиция и называет Анаксагора слушателем Анаксимена (D. L. II 6; Strab. XIV C 645), однако это было невозможно, поскольку Анаксимен умер около 525 г. до н.э., т.е. за 25 лет до рождения Анаксагора. Тем не менее Анаксагор, безусловно, вполне мог быть знаком с трудами философийцев: от них он, видимо, перенял саму форму изложения своего учения — космогоническую гипотезу. «Судя по всему, в Милете в это время философской школы уже не было (в 494 г. до н.э. Милет, как известно, был взят и

¹ О текстуальных заимствованиях Анаксагора из Парменида и Зенона см. [Рожанский И.Д., 1972, с. 26–28].

² Феномен плагиата в Древней Греции анализируется в широком историческом контексте в одной из наших статей [Матвейчев О.А., 2018].

разрушен персами) (Геродот, VI, 18–20); но люди, которые встречались с Анаксимандром и Анаксименом, еще могли существовать — как в Милете, так и в других городах Ионии. Сочинения этих двух философов, вероятно, переписывались и передавались из рук в руки; тем или иным способом они могли попасть и к Анаксагору и были им тщательно изучены» [Рожанский И.Д., 1972, с. 67].

Достаточно надежное предположение можно сделать, используя хронологически-географический принцип изучения античной философии³. Исходя из этого принципа, можно заключить, что если 1) какой-то философ жил географически близко от другого, 2) он несколько старше его по годам жизни, 3) имеет общую с ним философскую проблематику, то с большой вероятностью первый является учителем второго⁴.

В случае с Анаксагором все эти условия выполняются для Гермотима Клазоменского. Несмотря на то что он был старше Анаксагора на 50 лет [Detienne M., 1964, p. 174], он вполне мог знать его лично и, если и не давать ему персональные уроки, то как минимум излагать в его присутствии свое учение.

Что касается вопроса о наличии общей философской проблематики, то он решается утвердительно еще со времен Аристотеля. Именно у него впервые встречается упоминание о том, что автором теории Мирowego ума (Нуса) как несводимого к материи мирообразующего принципа в действительности является Гермотим Клазоменец.

Рассказывая историю философии как знания причин и начал, Стагирит критикует своих далеких предшественников — представителей ионийской натурфилософии — за их стремление наделить статусом первопринципа ту или иную материальную стихию. «После этих философов с их началами, так как эти начала были недостаточны, чтобы вывести из них природу

существующего, — пишет Аристотель, — сама истина ... побудила искать дальнейшее начало. Что одни вещи бывают, а другие становятся хорошими и прекрасными, причиной этого не может, естественно, быть ни огонь, ни земля, ни что-либо другое в этом роде, да так они и не думали; но столь же неверно было бы представлять такое дело случаю и простому стечению обстоятельств. Поэтому тот, кто сказал, что ум находится, так же как в живых существах, и в природе, и что он причина миропорядка и всего мироустройства, казался рассудительным по сравнению с необдуманно рассуждениями его предшественников⁵. Мы знаем, что Анаксагор высказал такие мысли, но имеется основание считать, что до него об этом сказал Гермотим из Клазомен» (Met. 984b 10–20) [Аристотель, 1976а, с. 73].

Сходное утверждение мы находим в трактате «О душе», где Гермотим не называется по имени, однако мало кто сомневается, о ком идет речь: «Анаксагор говорит, что душа — это то, что движет, и как будто еще кто-то сказал, что ум привел все в движение» (De an. 404a 25–26) [Аристотель, 1976b, с. 376].

И, наконец, третий фрагмент Аристотеля, где упоминается Гермотим в качестве автора концепции Ума как причины миропорядка, содержится в «Протрептике», сохраненном в небольших отрывках у Ямвлиха: «В человеке нет ничего божественного и блаженного, кроме ... того в нас, что относится к сфере ума и духа... И хотя по природе [человеческая] жизнь несчастна и тягостна, все-таки, благодаря возможности быть причастной к такой [т.е. интеллектуальной] способности, она устроена столь благодатно, что по сравнению со всеми остальными существами человек кажется богом. “Ибо наш ум (νοῦς) есть бог” — кто бы это ни сказал, Гермотим, или Анаксагор — и “есть в жизни смертных доля бога некого”» (Arist. Protr. fr. 10c Ross = Iambl. Protr. 8) [Фрагменты ранних..., 1989, с. 97–98].

³ Этот принцип проявляется еще у Диогена Лаэртского. Учеными, исходящими из примата источниковедческой стороны изучения истории философии, он, однако, отвергается [см., напр.: Лосев А.Ф., 1986, с. 14].

⁴ О законах хронотопа, позволяющих составить с достаточной степенью достоверности до сих пор отсутствующую в современной истории философии (в силу немногочисленности и противоречивости источников) духовную генеалогию греческих мыслителей [см.: Матвейчев О.А., 2015, с. 43–44].

⁵ Экспрессию данного отрывка лучше передает перевод А.В. Лебедева: «Поэтому сказавший, что в природе (как в живых существах) содержится Ум и что это он причина космоса и всего [миро]порядка, явился словно трезвый по сравнению с прежними [философами], говорившими [пьяную] чушь (εἰρήνη)» [Фрагменты ранних..., 1989, с. 520].

Таким образом, мы видим, что Аристотель, склонный считать практически всю предшествующую ему философию «похожей на лепет» (Met. 993a 15), весьма высокого мнения о Гермотиме как о мыслителе, предвосхитившем учение о Нусе самого Анаксагора, единственного «трезвого» философа среди его «пьяных» коллег. Более того, он со всей очевидностью считает «заслуживающей доверия традицию, которая представляла Гермотима истинным предшественником Анаксагора» [Detienne M., 1964, p. 174].

Однако традиция эта, судя по всему, была прервана уже в эпоху эллинизма. Во всяком случае, Секст Эмпирик, перечисляя философов древности, придерживавшихся дуалистической теории материи и активного принципа, передает сведения о Гермотиме именно со слов Стагирита: «Анаксагор говорит: “Все вещи существовали вместе. Ум же, придя, привел их в порядок”, предположив, что ум, который, по его мнению, есть бог, является действующим началом, а многообразие гомеомерий — материальным. Аристотель говорит, что таким образом мыслили Гермотим Клазоменский, Парменид Элейский и гораздо раньше их Гесиод. Конструируя происхождение Целого, они приняли Любовь в качестве двигательной и собирательной причины сущего» (Sext. Adv. math. IX 1, 6–8) [Секст Эмпирик, 1976: с. 245].

Чем дальше уходило в древность учение Гермотима, тем сильнее оно забывалось. Уже в I в. н.э. Гермотим предстает лишь как сказочный колдун с аномальными способностями, но не как философ, изучающий «причины и начала вещей». Именно в этом амплуа он фигурирует у Аполлония Парадоксографа, затем — у Плиния Старшего, у Плутарха, чуть позже — у Лукиана, Тертуллиана, Оригена. В этом виде его образ доносится и до XIX–XX вв.

Рационалистичный XIX в. относится к Гермотиму явно свысока. Заметного интереса к нему не проявляет никто, кроме разве что профессора Лейпцигского университета Ф.А. Каруса, собравшего коллекцию фрагментов Гермотима и сопроводившего ее дотошными комментариями и попутными размышлениями в стиле эпохи Просвещения [Carus F.A., 1809: S. 330–392]. Гегель отмечает, что о философии Гермотима известно очень мало, и относится к ней с заведомым скепсисом: «...вероятно, она не

многого стоила» [Гегель Г.В.Ф., 1993, с. 320]. Фактически игнорируют Гермотима Т. Гомперц, а также В. Виндельбанд, называющий его мифологическим персонажем [Виндельбанд В., 1995, с. 37].

Персонального места не нашлось Гермотиму и в фундаментальном труде Э. Целлера, который, впрочем, дает по легендарному мудрецу в главе об Анаксагоре развернутую подстрочную справку, основанную на исследовании Каруса, где подчеркивает, что Гермотим — не более чем волшебник из древних легенд, и объявляет свидетельства Аристотеля «лишенными всякой исторической основы» [Zeller E., 1881, p. 386]. Да и в более поздней литературе Гермотим появляется, как правило, как участник списка магов и мистиков VII–VI вв. до н.э., которые даже не наделяются статусом предфилософов. Даже в собрании Дильса для Гермотима не находится отдельной статьи⁶: все упоминания о нем рассредоточены по разным разделам издания.

Однако к концу XIX – началу XX в. положение дел начало меняться. К этому времени истории философии уже удалось преодолеть стойкий стереотип о сверхрационализме греков. Интерес исследователей стала привлекать иррациональная сторона античной мысли, прежде совершенно игнорировавшаяся наукой. В античной философии начинают видеть не нечто отживающее, реакционное, стихию мракобесия и суеверий, в борьбе с которыми происходило становление эллинской философии, но равноправный источник философии, генезис которой оказался более многоплановым явлением, чем описываемое формулой В. Нестле целенаправленное движение «от мифа к логосу»⁷.

В своей знаменитой книге «Psyche» (1890–1894)⁸ Эрвин Роде до известной степени реабилитирует магов и мантисов VII–VI вв.

⁶ Это упущение Дильса восполняет А.В. Лебедев в своем собрании фрагментов досократиков, по большей части основанном на коллекции Дильса-Кранца [Фрагменты ранних..., 1989, с. 97–98].

⁷ О дискуссиях по поводу генезиса древнегреческой философии [см.: Матвейчев О.А., 2016а, 2016б].

⁸ Этот основополагающий труд до сих пор не переведен на русский язык, и это несмотря на то, что его влияние на последующую мировую литературу по древнегреческой религии было исключительным.

до н.э., указывая на их особую роль в истории греческой мысли. Возможно, с точки зрения современного человека, их можно отнести к мудрецам лишь с известной натяжкой: не все они занимались преимущественно тем, что изрекали умные мысли и учили правильной жизни. Однако необходимо понимать историчность подобных представлений. Роде напоминает, что у каждой эпохи — свой идеал мудрости и в указанную эпоху его воплощали именно они, экстатические провидцы и чудотворцы, способные, по мнению древних, общаться с самим Универсумом, с всеохватывающим духовным миром [Rohde E., 1925, p. 299] и доказывающие это на практике, исцеляя недужных и охраняя целые народы от грядущих бед, несомых безжалостной природой.

Именно с ними Роде связывает глубокую трансформацию представлений о душе, которая представляется теперь существующей отдельно от тела в качестве особой, не сводимой к телу субстанции.

Выражение этих новых представлений о душе германский филолог находит у Пиндара:

*...В блаженной доле
Все минуют конец, избавляющий от трудов;
И тело их следует за всемогущею смертью,
Но жив остается облик бытия,
Ибо только он — от богов.
Он спит, когда члены наши — при деле их;
А когда на них скатывается дрема,
Он в несчетных снах
Являет нам близящийся суд
Меж теми, кому радость и кому беда...
(Pind. fr. 131 Snell) [Пиндар, 1980, с. 213].*

В этом фрагменте Пиндар отражает уже утвердившееся к V в. до н.э. представление о фундаментальном противостоянии души и тела, при котором их активности оказываются еще и обратно пропорциональными друг другу: душа наиболее деятельна именно тогда, когда тело спит; в этом состоянии она способна даже отправляться в самостоятельное путешествие, посещая отдаленные места и заглядывая в будущее.

Такая способность души была отличительной чертой особого рода магов и провидцев, появившихся в Греции в VII–VI вв. до н.э. и снискавших огромную славу. К ним Роде отно-

сит, в частности, уроженца легендарной страны Гиперборей⁹ Абариса, который, держа в руке золотую стрелу как знак жреца Аполлона, прошел через многие земли, изгоняя болезни и останавливая эпидемии, предупреждая о грядущих землетрясениях и других бедствиях¹⁰.

С Абарисом, по словам Роде, схож Аристей Проконнеский, более всего известный своим знаменитым путешествием к северным землям, совершенным по приказу Аполлона. По результатам своего похода он составил поэму «Аримаспея», ставшую для эллинов главным источником сведений о Гиперборее¹¹. Аристей обладал рядом феноменальных талантов, в том числе исключительным долголетием, умением перевоплощаться в птицу (ворона), а также находиться одновременно в двух местах (дар биллокации). Причем если Геродот рассказывает о способности Аристея в одно и то же время находиться в разных местах телесно (Hdt. IV 14), то позднейшая традиция, представленная, в частности, философом-стоиком Максимом Тирским, настаивает на путешествиях его души отдельно от тела (Max. Tug. X 2).

Величайшим мастером Роде называет критянина Эпименида, участника списка семи мудрецов (Plut. Sol. 12; Clem. Strom. I 59, 2), эпического поэта, провидца и магаврачевателя, воздействием на трансцендентные силы очистившего Афины от Килоновой скверны и спасшего от моровой язвы Делос. Суда передает, что его душа могла выходить из тела на какое угодно время, а затем в него возвращаться (Suda = DK 3 A 2).

Но «наиболее ярким примером» [Rohde E., 1925, p. 300] среди прочих Роде называет случай Гермотима из Клазомен, также умевшего, как говорят, странствовать в духе и наблюдать за происходящим в далеких местах, а возможно (как предположил французский историк философии М. Детьен), просто владеющий способ-

⁹ Историографический и теоретический обзор античных и более поздних представлений о Гиперборее содержится в книге «Гиперборея: приключения идеи» [Беляков А.В., Матвейчев О.А., 2019].

¹⁰ О развитии образа этого прославленного провидца в греческой литературе см. нашу статью «Семь чудес гиперборейца Абариса» [Матвейчев О.А., 2016с].

¹¹ Об авторе «Аримаспеи» и его невероятных способностях см. нашу статью «Аристей Проконнеский, духовидец, свидетель Гиперборей» [Матвейчев О.А., 2017].

ностью переживать в состоянии катаlepsии разделение души и тела [Detienne M., 1964, p. 174].

Историю его рассказывает Плиний Старший: «...душа Гермотима Клазоменского, оставив тело, блуждала, одиноко скитаясь, и возвестила ему издали о том многом, что не может знать человек, не присутствовавший там, ... пока, наконец, его враги, которых звали кантаридами, не кремировали тело и тем не лишили ее той оболочки, куда она могла бы возвращаться» (Plin. Hist. VII 174) [Плиний Старший, 2009, с. 240].

Плутарх уточняет: секрет духовидца Гермотима выдала врагам его жена-предательница, и те не просто кремировали бездыханное тело духовидца, а сожгли его вместе с домом, за что «несут наказание в Тартаре еще и поныне» (Plut. De genio 22) [Плутарх, 1983, с. 527]. В память о ее вероломстве клазоменские граждане отказывались пускать женщин в храм, который они воздвигли в честь предательски убитого Гермотима (Tert. De an. XLIII 12)¹².

Надо сказать, что сюжет о странствиях души Гермотима пользовался большой популярностью и нередко привлекался авторами для иллюстрации тех или иных идей. Так, Лукиан Самосатский в шуточной «Похвале мухе» вспоминает случай с Гермотимом в связи со своим рассуждением о возможном бессмертии мушиной души, коль скоро, покидая на зиму тело своей шестилапой хозяйки, она, «удалившись, вновь возвращается, узнает и воскрешает тело и возвращает мухе полет» (Luc. Musc. Enc. 7) [Лукиан Самосатский, 2001, с. 79]. А африканский апологет Тертуллиан в трактате «О душе» приводит историю о Гермотиме Клазоменце для доказательства тезиса о деятельной и беспокойной душе, не прекращающей своей активности и в те часы, когда тело отдыхает: ее беспрестанное движение, по мнению африканского апологета, служит доказательством ее божественности и бессмертия (De an. XLV 1). Да и, собственно, что, как не сон, может дока-

зать возможность воскресения во плоти в конце времен? «Через этот образ смерти ты посвящаешься в веру, размышляешь о надежде, учишься умирать и жить, учишься бодрствовать, пока спишь» (Tert. De an. XLIII 12) [Тертуллиан К.С.Ф., 2004, с. 116].

Э. Роде обращает внимание на инородность «мистической» доктрины противостояния души и тела для греческой ментальности. Называя ее «каплей чуждой крови в греческих жилах»¹³ [Rohde E., 1895, S. 27], немецкий ученый, однако, обнаруживал очертания этой доктрины еще у Гомера. Другие предпочитали искать источник этой чужеродной «капли» в восточном направлении: в Малой Азии и пр. Автор книги «Греки и иррациональное» (1951) Э. Доддс категорически не согласен ни с Роде, ни с этими «ориенталистами» [Доддс Э.Р., 2000, с. 206, 232]. Исток указанной концепции он находит в северных странах, открывшихся греческому миру в связи с колонизацией побережья Черного моря в VII в. до н.э., т.е. не ранее чем через век после смерти аэда¹⁴, и обогативших культуру Эллады элементами шаманизма¹⁵.

Плодом этих контактов и становится появление в конце архаического века перечисленных Роде хранителей сверхъестественной мудрости, каждый из которых демонстрирует отчетливо шаманские черты: Аристея, Абариса, Анахарсиса, Гермотима, Эпименида. Как считает Доддс, «можно предположить существование некой линии духовной передачи, которая начинается в Скифии, пересекает Геллеспонт и

¹³ В оригинале – труднопереводимая игра слов: «ein fremder Blutstropfen im griechischen Blute».

¹⁴ О полемике относительно личности Гомера и времени его жизни [см.: Беляков А.В., Матвейчев О.А., 2014, с. 122–169].

¹⁵ Понятия «шаманизм», «шаманский», прежде носившие четко этнографический характер и географически ограниченные Сибирью и Центральной Азией, закрепляются в вокабуляре исследователей, занимающихся генезисом греческой философии, в начале-середине XX в. Уже К. Мейли, находя известное сходство между уральско-сибирским шаманизмом и религиозными воззрениями скифов, всерьез рассуждал об определяющем влиянии скифского шаманизма на целый ряд греческих мыслителей, провидцев, поэтов и чудотворцев, не исключая даже Гомера [Meuli K., 1935]. Мейли, чуть позже В. Шмидт, а вслед за ними и М. Элиаде рассматривали шаманизм чуть ли не как некое универсальное явление, элементы которого (в частности, экстатические техники, способность к целительству, биллокацию и др.) можно найти в любой культуре.

¹² Английский историк оккультизма Дж. Стреттон-Кент, впрочем, считает, что запретным для женщин храм Гермотима в действительности сделали «по примеру орфиков, которые, в отличие от последователей дионисийских культов, не допускали женщин к своим обрядам» [Стреттон-Кент Дж., 2019, с. 365].

выходит в азиатскую Грецию, соединяясь при этом, вероятно, с остатками минойской традиции, все еще бытовавшими к тому времени на Крите, затем эмигрирует на Дальний Запад вместе с Пифагором и имеет своего последнего знаменитого представителя в лице сицилийца Эмпедокла; эти мужи распространили веру в автономное существование души, или “я”, которое с помощью соответствующих техник может быть отделено от тела еще при жизни — “я”, которое старше, чем тело, и которое переживет его» [Доддс Э.Р., 2000, с. 217].

По мнению Доддса, эти новые представления о душе привились на греческой почве, поскольку отвечали духовным нуждам эпохи. Истокованные в нравственном смысле, они, в частности, стали основой теории реинкарнации, развивавшейся в учениях пифагорейцев и Платона. Эта теория, пишет британский филолог, «предлагала более удовлетворительное решение позднеархаической проблемы божьего суда, чем теория наследственной вины или посмертного наказания в другом мире. С ростом независимости индивида от гнетущей опеки традиционной семьи, с увеличением его прав как юридического “лица” понятие замещающей расплаты за чью-то ошибку стало уже непригодным. ... Что касается посмертного наказания, то оно объясняло, и довольно неплохо, почему боги терпимо относились к мирским успехам злодея. ... Однако посмертное наказание не объясняло, почему боги столь терпимы к человеческому страданию, и, в частности, к несправедливому страданию невинного. Реинкарнация же объясняла. С ее точки зрения, ни одна человеческая душа не являлась невинной: все в той или иной степени расплачивались за разные преступления, совершенные в прошлых жизнях» [Доддс Э.Р., 2000, с. 223].

С неизбежностью встает вопрос: могло ли это новое для греков представление о сепаратности души и тела стать источником определенных философских обобщений уже в эпоху архаики? Мог ли столь абстрактный теоретический вывод, как постулирование несводимости друг к другу материи и духа, быть извлечен магами и чудотворцами той поры из личного опыта? Э. Роде уверен, что, по крайней мере, в случае с Гермотимом все именно так и обстояло: «Что касается Гермотима, который, как позднее и его соотечественник Анаксагор, предпринял

попытку развести чистый “Ум” и материю, мы можем очень ясно увидеть, как эта теория могла возникнуть из его особого “переживания”. Экстазы души, в которых и сам Гермотим, и все это поколение имели такой богатый опыт, указывали на отделение души от тела и, более того, на превосходство души в ее отделенном состоянии над телом — как на твердо установленный факт» [Rohde E., 1925, p. 301–302].

Гермотим и Анаксагор — люди совершенно разных типов: один — маг и экстатический провидец, по сути, социальный маргинал, если выразиться в современных понятиях, другой — философ-рационалист, представитель политического истеблишмента. Однако, как пишет Детьен, ментальные структуры обоих мыслителей находятся в прочной взаимосвязи: «...отделимость Нуса, выработанная в практике мага, позволяет ответить на новую проблематику — проблему единого и множественного, поставленную рациональным мышлением. Кроме того, ... Нус Анаксагора сохраняет фундаментальный характер бытия “отдельной” души, как у его согражданина по Клазоменам Гермотима» [Detienne M., 1964, p. 178]. И если между Гермотимом и Анаксагором как историческими типами личности — огромная пропасть, то в их учениях и Карус, и Роде, и Детьен обнаруживают явную преемственность, которая, как мы видим, доказывается не только свидетельствами Аристотеля — древнейшего историка греческой философии.

Выходец из Клазомен, Анаксагор стал фактически родоначальником философии в Афинах — города, прежде славящегося законодателями, полководцами, торговцами, но никак не метафизиками. «Анаксагор был первым, кто приобщил бурно развивавшуюся общественную жизнь Афин к ионийской учености и таким образом явился основоположником афинской философской школы. В этом состоит его величайшая культурно-историческая заслуга» [Рожанский И.Д., 1972, с. 5]. Учениками его были великие Перикл и Еврипид, а также Архелай, который в свое время обучит Сократа, а тот — Платона, примечаниями к учению которого многими веками позже назовут всю последующую философскую традицию. Где-то у истоков этой традиции, как можно предположить на основании всего вышесказанного, и находился Гермотим Клазоменец.

Сохранившихся данных о Гермотиме слишком мало, чтобы можно было хотя бы попытаться реконструировать его учение. Да и сведения о философии Гермотима как о возможном источнике Анаксагора донес до нас лишь один-единственный автор — Аристотель, что и дало критически настроенному Целлеру основание сомневаться в их надежности.

В условии удручающего дефицита античных текстов, 95 % которых было утеряно еще в древности, мы можем выносить лишь вероятностные суждения относительно отношений преемственности между двумя философами, даже если принять во внимание гипотезу Родэ-Доддса о шаманизме психических странствий Гермотима как прототипа будущего учения Анаксагора об Уме. Однако сама тематизация этой возможной преемственности позволяет актуализировать ряд давних вопросов о путях становления философии как новой для своего времени формы общественного сознания.

Является ли генезис философии поступательным процессом либо же его более точно описывает формула Эрнеста Ренана о греческом чуде?

Коренится ли философия в дофилософских формах, таких как магия, мантика, миф, экстатические практики, либо же философия рождалась в борьбе с этими отживающими явлениями?

Можно ли назвать единой традицию, породившую как духовидцев и шаманов VII–VI вв. до н.э., так и собственно философов? И если да, то какие ментальные структуры связывают между собой рациональную мысль и стихию мифа и религиозного экстаза?

Одной из ключевых фигур, изучение которой дало бы возможность приблизиться к решению этих проблем, является Гермотим Клазоменский, личность которого, впрочем, сама по себе ставит перед исследователями множество вопросов. И эти вопросы еще ждут ответа.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–367.
- Аристотель*. О душе // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–448.
- Беляков А.В., Матвейчев О.А.* Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 416 с.

Беляков А.В., Матвейчев О.А. Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014. 224 с.

Виндельбанд В. История древней философии. Киев: Тандем, 1995. 368 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 1. СПб.: Наука, 1993. 352 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 3–54.

Лукиан Самосатский. Похвала мухе // Лукиан Самосатский. Соч.: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. С. 78–80.

Матвейчев О.А. Аристей Проконнеский — духовидец, свидетель Гипербореи // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 256–266.

Матвейчев О.А. К вопросу о малоазийских корнях ранней греческой философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 41–66.

Матвейчев О.А. К дискуссии о генезисе древнегреческой философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 5–16.

Матвейчев О.А. К дискуссии о происхождении древнегреческой философии в русской и советской философской мысли // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 185–199.

Матвейчев О.А. Плагиат Древней Греции // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 188–202.

Матвейчев О.А. Семь чудес гипербореяца Абариса // Философская мысль. 2016. № 5. С. 26–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.5.18701>

Пиндар. Отрывки // Пиндар. Ваххилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980. С. 275–284.

Плиний Старший. Естественная история. Кн. VII // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 211–242.

Плутарх. О демоне Сократа // Плутарх. Сочинения. М.: Худ. лит., 1983. С. 501–536.

Рожанский И.Д. Анаксагор. У истоков античной науки. М.: Наука, 1972. 320 с.

Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 61–376.

Стреттон-Кент Дж. Геософия: магия подземного мира. М.: Телема, 2019. 720 с.

Тертуллиан К.С.Ф. О душе. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 256 с.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.

Carus F.A. Nachgelassene Werke. Bd. IV: Ideen zur Geschichte der Philosophie. Leipzig: I.A. Barth und P.G. Kummer, 1809. 766 S.

Detienne M. Les origines religieuses de la notion d'intellect: Hermodotimus et Anaxagore // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1964. Т. 154. P. 167–178.

Meuli K. Scythica // Hermes. 1935. Bd. 70. S. 121–176.

Rohde E. Die Religion der Griechen. Heidelberg: Universitäts-Buchdruckerei von J. Hörning, 1895. 47 S.

Rohde E. Psyche: The Cult of Souls and the Belief in Immortality among the Greeks. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1925. 650 p.

Zeller E. A history of Greek philosophy from the earliest period to the time of Socrates. Vol. II. London: Longmans, Green, and Co, 1881. 541 p.

Получено 30.04.2020

References

Aristotle (1976). *Metafizika* [Metaphysics]. *Aristotel' Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Aristotle. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 63–367.

Aristotle (1976). *O dushe* [On the soul]. *Aristotel' Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Aristotle. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 369–448.

Belyakov, A.V. and Matveychev, O.A. (2019). *Giperboreya: priklyucheniya idei* [Hyperborea: idea's adventures]. Moscow: Knizhnyy Mir Publ., 416 p.

Belyakov, A.V. and Matveychev, O.A. (2014). *Troyanskiy kon' zapadnoy istorii* [Trojan horse of western history]. Saint Petersburg: Piter Publ., 224 p.

Carus, F.A. (1809). *Nachgelassene Werke. Bd. IV: Ideen zur Geschichte der Philosophie* [Postponed works. Vol. 4: Ideas on the history of philosophy]. Leipzig: I.A. Barth und P.G. Kummer Publ., 766 p.

Detienne, M. (1964). *Les origines religieuses de la notion d'intellect: Hermodotimus et Anaxagore* [The religious origins of the notion of intellect: Hermodotimus

and Anaxagora]. *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger* [Philosophical Review of France and Abroad]. Vol. 154, pp. 167–178.

Diogenes Laertius (1986). *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [Lives, teachings, and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 571 p.

Dodds, E.R. (2000). *Greki i irratsional'noe* [The Greeks and the irrational]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 507 p.

Hegel, G.W.F. (1993). *Lektsii po istorii filosofii. T. 1* [Lectures on the history of philosophy. Vol. 1]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 352 p.

Lebedev, A.V. (ed.) (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. I* [Fragments of early Greek philosophers. Pt. 1]. Moscow: Nauka Publ., 576 p.

Lebedev, A.V. (2014). *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova* [The logos of Heraclitus. A reconstruction of thought and speech]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 533 p.

Losev, A.F. (1986). *Diogen Laertsy i ego metod* [Diogenes Laertius and his method]. *Diogen Laertsy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [Diogenes Laertius. Lives, teachings, and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 3–54.

Lucian of Samosata (2001). *Pokhvala mukhe* [The fly (praising a fly)]. *Lukian Samosatskiy. Sochineniya: v 2 t.* [Lucian of Samosata. Works: in 2 vols]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., vol. 1, pp. 78–80.

Matveychev, O.A. (2017). *Aristey Pro-konneskiy — providets, svidetel' Giperborei* [Aristeus Prokonnessky — visionary, witness Hyperborea]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 4, pp. 256–266.

Matveychev, O.A. (2016). *K diskussii o genezise drevnegrecheskoy filosofii* [To discussion on genesis of Ancient Greek philosophy]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 16, iss. 4, pp. 5–16.

Matveychev, O.A. (2016). *K diskussii o proiskhozhdenii drevnegrecheskoy filosofii v russkoy i sovetskoy filosofskoy mysli* [To the discussion of genesis of Ancient Greek philosophy in Russian and soviet philosophical thought]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 6, pp. 185–199.

Matveychev, O.A. (2015). *K voprosu o malo-aziyskikh korniyakh ranney grecheskoy filosofii* [On the problem of Asia minor's origins of early Greek philosophy]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i*

prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 15, iss. 4, pp. 41–66.

Matveychev, O.A. (2018). *Plagiat Drevney Gretsii* [Plagiarism of Ancient Greece]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 1, pp. 188–202.

Matveychev, O.A. (2016). *Sem' chudes giperboreysa Abarisa* [Seven wonders of Abaris the Hyperborean]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 5, pp. 26–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.5.18701>

Meuli, K. (1935). *Scythica* [Scythian]. *Hermes*. Vol. 70, pp. 121–176.

Pindar (1980). *Otryvki* [Excerpts]. *Pindar. Vakkhiliid. Ody. Fragmenty* [Pindar. Bacchilides. Odes. Fragments]. Moscow: Nauka Publ., pp. 275–284.

Pliny the Elder (2009). *Estestvennaya istoriya. Kn. VII* [The natural history. Book 12]. *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii* [Adam and Eve. Almanac gender history]. Moscow: IGH RAS Publ., no. 17, pp. 211–242.

Plutarch (1983). *O demone Sokrata* [On the Daimonion of Socrates]. *Plutarkh. Sochineniya* [Plutarch. Essays]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., pp. 501–536.

Rohde, E. (1895). *Die Religion der Griechen* [The religion of the Greeks]. Heidelberg: Universitäts-Buchdruckerei von J. Hörning Publ., 47 p.

Rohde, E. (1925). *Psyche: the cult of souls and the belief in immortality among the Greeks*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co Publ., 650 p.

Rozhanskiy, I.D. (1972). *Anaksagor. U istokov antichnoy nauki* [Anaxagoras. At the origins of ancient science]. Moscow: Nauka Publ., 320 p.

Sextus Empiricus (1976). *Protiv uchenykh* [Against the scientists]. *Sekst Empirik. Sochineniya: v 2 t.* [Sextus Empiricus. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 61–376.

Stratton-Kent, J. (2019). *Geosofiya: magiya podzemnogo mira* [Geosophia: The argo of magic]. Moscow: Telema Publ., 720 p.

Tertullian, K.S.F. (2004). *O dushe* [On the soul]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko's Publ., 256 p.

Windelband, W. (1995). *Istoriya drevney filosofii* [History of ancient philosophy]. Kiev: Tandem Publ., 368 p.

Zeller, E. (1881). *A history of Greek philosophy from the earliest period to the time of Socrates*. London: Longmans, Green, and Co Publ., vol. II, 541 p.

Received 30.04.2020

Об авторе

Матвейчев Олег Анатольевич

кандидат философских наук, профессор
Департамента массовых коммуникаций
и медиабизнеса

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
125993, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: matveyol@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

About the author

Oleg A. Matveychev

Ph.D. in Philosophy, Professor of the Department
of Mass Communications and Media Business

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
49, Leningradskiy av., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: matveyol@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Матвейчев О.А. Гермотим Клазоменец как предшественник Анаксагора // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 355–364. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-355-364](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-355-364)

For citation:

Matveychev O.A. [Hermotimus of Clazomenae as Anaxagoras's predecessor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 355–364 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-355-364](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-355-364)

УДК 1(091):316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374

**РИМСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ «ОБЩНОСТИ»
В ЭПИГРАММАХ МАРЦИАЛА (АКСИОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ЦЕЛОГО)**

Мисюров Николай Николаевич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Предметом исследования являются дифференцированные социальные общности, характерные для римского общества позднего времени (эпохи империи), формировавшие смысловые содержания конструкторов культуры повседневности; в качестве одного из типичных «артефактов» рассматриваются книжные тексты (эпиграммы Марциала — одного из «школьных» классиков) в коммуникативном контексте, отразившие в своем художественном содержании «малые» события общественной и семейной жизни Рима. Тема и цель исследования — увидеть и понять трансформацию традиционных социальных сообществ (сословного, семейного, политического, профессионального, этнического типов), обусловленных исторической общественной практикой, римской идеологией, ментальными концептами и стереотипами социального поведения. Методология исследования определена взаимосвязями эпистемологических полей смежных дисциплин, в рамках которых в разных аспектах представлены изучаемые феномены. Работа выполнена на стыке философии, социологии (в том числе социологии культуры) и текстологии; особое значение приобретает аксиология исследуемой проблемы. Наглядность результатов исследования определена обращением к литературным источникам, позволяющим проследить статику и динамику повседневной культуры античности, отражающим глубокие изменения, произошедшие как в формационных структурах великого Рима, так и в социокультурном пространстве римской античности. Область применения результатов не ограничивается только лишь гуманитарным знанием: возможные последующие наблюдения предполагают расширение круга источников (вплоть до материальных, например, археологических, статистических) и специализацию в одном из обозначенных статьей направлений. В выводах акцентируется внимание на перспективности аксиологического (в соединении с философией культуры и социальной психологией) подхода к изучаемым социальным и культурным феноменам.

Ключевые слова: общности, дифференциация, социальные идентичности, единичное и общее, культура повседневности, смысловые структуры, образы жизни.

**ROMAN SOCIAL «COMMUNITY» IN EPIGRAM OF MARTIALIS
(AXIOLOGY OF THE SOCIALLY DIFFERENTIATED WHOLE)**

Nikolay N. Misyurov

Dostoyevsky Omsk State University

The study deals with differentiated social «communities» peculiar to the Roman society of the late period (Empire era), which formed the «meaningful contents» of the everyday life culture constructs. As one of the typical «artifacts» there are considered «book» texts (epigrams of Martialis), reflecting «small» events of social and family life of Rome. The study aims to trace the transformation of traditional social communities (of the class, family, political, professional, ethnic types) caused by historical social practice, Roman ideology, mental concepts and stereotypes of social behavior. The methodology of the study is determined by the interrelations of the «epistemological fields» of related disciplines within which the stud-

ied phenomena are represented in different aspects. The research is conducted at the intersection of philosophy, sociology (including sociology of culture) and textual criticism; the axiological aspect of the problem under discussion acquires a special meaning. The analyses of literary sources allows to trace the static and dynamics of the daily culture of antiquity, reflecting the profound changes that occurred both in the formation structures of the «great» Rome and in the sociocultural space of Roman antiquity. The scope of application of the research results is not limited to the field of humanities; possible follow-up may involve expansion of the range of sources (up to material sources, such as archaeological, statistical) and specialization in one of the areas indicated in the paper. The conclusions demonstrate the potential of the axiological approach (in conjunction with the philosophy of culture and social psychology) to the studied social and cultural phenomena.

Keywords: community, differentiation, social identities, single and common, culture of everyday life, semantic structures, lifestyles.

Введение. Общество и социальные общности

Общности у Аристотеля рассматриваются так: «Все сообщества — это как бы члены государственного сообщества: они промышляют что-то нужное, добывая что-нибудь из необходимого для жизни... Это значит, что другие взаимоотношения в сообществах преследуют цель частной полезности; так, моряки имеют целью пользу в смысле зарабатывания денег; соратники на войне стремятся к пользе с точки зрения войны: захватить имущество, завоевать победу, взять город; соответственно обстоит дело и у членов филы. Иные сообщества возникают ради удовольствия; их цель — жертвенные пиры и пребывание вместе» [Аристотель, 1983, с. 233]. «Неклассическая» эпистемология новейшей социологии акцентирует внимание на нелинейности процессов, абсолютизируя «субъективное» [Синергетическая парадигма..., 2000; Синергетическая парадигма..., 2002; Синергетическая парадигма..., 2009]. Сообщества подчиняются государству, цель которого — общественное благо. Римское обожествление государства (в идеологии и на ментальном уровне) — классический пример.

Общество в современной научной парадигме рассматривают в качестве объективной реальности, человека — как социальный продукт общества (осознанное социальное действие индивидов, совокупная производственная и духовная деятельность социальных групп оформляют отношения социальных идентичностей и структурируют дифференцированное целое). Социальная реальность состоит из определенных объективных структур, находящихся отражение в субъективном опыте индивида; это могут быть формальные общественные институ-

ты, общепринятые модели социального поведения, стереотипы суггестивных рецепций определенных культурных смыслов, а также принявшие идеологические формы концепты коллективной памяти, накладывающие отпечаток на действия субъектов. «Междисциплинарный инструментализм» считается важнейшим достижением современного гуманитарного знания [Синергетическая парадигма..., 2002, с. 75].

1. Эпистемология и методология исследования

Проблема социальной дифференциации (параллельно стратификации) давно известна социальной науке, задача которой — исследование типов систем социальных отношений («сети организованных групп»), природы их изменений, динамики интегрированной культуры (не истории культуры, а социологии ее изменения), процессов, тенденций, ритмов и темпов долговременных и «спазматических», краткосрочных изменений [Сорокин П.А., 2006, с. 26, 637]. Решение задачи определения причин разнообразия типов социального поведения должно учитывать самые различные мотивации, влияния, реакции («плюрализм фактов», по П.А. Сорокину). Все великие социологические системы испытали влияние философии истории, большая часть философских учений в определенной мере близка социологии культуры. Такова методологическая основа принятого нами исследования обозначенной проблемы на конкретном (в данном случае — литературном) материале.

Формы дифференциации при всем различии социальных групп схожи: «отношения простой конкуренции, соединение многих слабых про-

тив одного сильного, избыток входящих в группу индивидов, последовательное усиление установленных индивидуальных отношений», «определенное социальное положение как формальный факт соотносит между собой членов самых разнообразных групп, для которых характерно это социальное положение» [Зиммель Г., 2015, с. 52]. Процессы социальной дифференциации размывают изначальные границы, маркированные экономически и духовно.

Смысловой основой поведения самому действующему или наблюдателю представляется мотив как смысловая структура социальной мобильности. Последовательное поведение субъективно адекватное в той степени, отмечал М. Вебер, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается как типичная («правильная») смысловая связь; напротив, каузально адекватна последовательность процессов в той степени, в какой, согласно данным опыта, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом. «Правильная каузальная интерпретация конкретного действия означает, что правильно познаны его внешнее течение и мотив. Правильная каузальная интерпретация типичного действия означает, что считающийся типичным процесс является адекватным в смысловом отношении» [Вебер М., 2016, с. 74]. Вопрос об утилитарности ценностного выбора индивидом (не всегда осознанного) тех или иных концептуальных элементов общественной практики составляет существо аксиологического аспекта исследования.

2. Философские и социологические основания исследования

Итак, мы определились с как объектом исследования (общности), так и с его предметом (продуцирование ценностями социокультурных образов жизни дифференцированного социума).

Методические (когнитивные) основания исследования таковы: основой всех человеческих поступков, утверждал М. Вебер, является смысл, — «фактически подразумеваемый действующим в исторически конкретном случае или подразумеваемый действующими в массе конкретных случаев либо содержащийся в понятийно сконструированном чистом типе действующего или действующих субъективно»; граница между осмысленным действием и просто реактивным поведением, не связанным с

«субъективно подразумеваемым смыслом», подвижна; «значительная часть всего социологически релевантного поведения, особенно традиционное действие, лежит на границе между ними» [Вебер М., 2016, с. 68].

Существует ли наряду с философией истории «опытная наука о человеческом общежитии»? Отвечая на этот вопрос, В. Зомбарт указывал на ошибку тех, кто подобно М. Шелеру считал, что «метаисторическое» рассмотрение человеческой культуры вынуждает «всякую опытную науку о культуре» по необходимости раствориться в истории. Немецким романтикам решение вопроса виделось так: «История никоим образом не может быть отделена от фактов, но всецело основана только на действительности; философия истории должна вытекать из действительных исторических событий, из описания и исторической характеристики самих фактов как их чистый результат, должна быть выведена из них как из целого и существенной взаимосвязи этого целого» [Шлегель Ф.В.К., 2015, с. 358]. Объект опыта научной социологии и исторической науки единый, но разграничение необходимо «вследствие различного подхода к объекту» [Зомбарт В., 2003, с. 13]. Исторический подход — исследование единичного, однократного, социологический — повторяющегося, типического; специальное рассмотрение областей культуры синтезирует именно философия.

Многомерное пространство социального мира выстаивается по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в социальном универсуме; в той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, это пространство можно описать как поле сил, совокупность объективных отношений, которые «навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же только к их непосредственным взаимодействиям» [Бурдьё П., 2007, с. 15]. Это конструкция внешняя. Уточним теперь характер внутренней конструкции (понятийной модели). Социальное поле — продолжим принятую за основу схему — можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором агенты определяются объективно по их конкретной позиции в этих отношениях (по П. Бурдьё, устойчи-

вых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах). «Экстенсивность социальной системы тотальна; она охватывает все взаимосвязи своих членов, полностью регулирует их поведение и все их взаимоотношения, число социальных взаимосвязей, вовлеченных в такую систему, чрезвычайно велико; каждый шаг человека приводит ее в действие» [Сорокин П.А., 2006, с. 632].

Во всякой активности общностей структуры социальной «стратификации» и механизмы социализации индивида определяются хозяйственными причинами, вытекающими из экономической ситуации; всякое действие является экономически детерминированным. Что же такое социальное действие (не только указавший на решающее значение протестантской этики для упрочения экономического базиса западноевропейской цивилизации М. Вебер, но уже Аристотель не сомневался, что дух капитализма в неразрывном единстве с полисной этикой обеспечил расцвет афинской демократии) и как оно соотносится с хозяйством? Позволим себе обширную цитату, поскольку вряд ли кто-то скажет об этом лучше самого М. Вебера: «Рационально организуемое действие по субъективно подразумеваемому смыслу участниками может быть нацелено на хозяйственный результат — удовлетворение потребности или получение дохода. Тогда оно ложится в основание хозяйственной общности. Также оно может использовать хозяйствование как средство для достижения других результатов, на которые нацелено. Тогда это хозяйствующая общность. Хозяйственные и нехозяйственные цели в действительности связаны друг с другом. Строго говоря, первое относится только к тем общностям, которые хотят извлечь выгоду из специфической экономической ситуации, к хозяйственным общностям, ориентированным на получение дохода. Общности, ориентированные на удовлетворение потребностей, прибегают к хозяйствованию ровно в той мере, в какой оно неизбежно при имеющемся соотношении потребностей и имеющихся для их удовлетворения благ» [Вебер М., 2017, с. 62]. Это объяснение — основа анализа литературного источника (сборника эпиграмм Марциала), «блеск и нищета» великого Рима (имущественное расщепление «народа римского» — предельно дифференцированного социального целого) — ве-

дущая тема его эпиграмм (жанра специфического; о природе смеха написано филологами немало). Культура отражает «экспрессивную» сторону социальной жизни, ее символы репрезентируют образ мыслей, чувствований, стереотипы социального поведения членов общества [Griswold W., 2013, p. 12].

3. Историко-литературные и текстологические основания исследования

Эпиграммы классика древнеримской литературы Марка Валерия Марциала до сих пор остаются одним из важнейших литературных источников по истории римского быта эпохи Империи; возможности жанра позволяли оперативно откликаться на значимые и «малые» события, разнообразные явления римской жизни (греческая эпиграмма сродни эпитафии, это действительно «надпись»; римская сатира же — в первую очередь социальная инвектива). Дошедшая до нас без потерь «Книга эпиграмм» — полное собрание сочинений модного в столичном обществе (культурной среде «вечного города») поэта, имевшего влиятельных друзей при дворе бесконечно менявшихся Цезарей (которых, по словам Плутарха, «приводили и уводили, точно актеров в театре») [Плутарх, 1964, с. 403]. Скромную оценку его творчества предопределило суждение именитого современника Плиния Младшего, полагавшего, что «эпиграммы Марциала не будут вечными» [Плиний Младший, 1982, с. 60]. Между тем его талант был высоко оценен и классицистами, и романтиками. В оправдание «игривой правдивости слов» он писал: «Надеюсь, в своих книжках держался я такой меры, что всякий, кто правильно о себе судит, не может на них пожаловаться» [Марциал М.В., 1968, с. 29]. Начитанность поэта позволяет предположить, что с учением стоиков (философов, популярных в эллинистический период) он был знаком. Контрапунктом античной аксиологической мысли является «преимущественно универалистская трактовка ценностного», предполагающая иерархичность всеобщих имущественных, телесных и душевных ценностей (следует различать зачастую смешиваемые понятия «предпочтения», «благо» и «ценности», которые на самом деле по значимости располагаются на различных уровнях шкалы, а потому должны отделяться от составляющих шкалы интенций, не

отождествляясь с общечеловеческими потребностями) [Шохин В.К., 2006, с. 126]. Это не означает индифферентности поэта (уроженца провинции) к ценностным предпочтениям социально близких ему общностей (это верхи римского общества, для которых он был все-таки «чужаком»).

В описываемую эпоху «плохих императоров» римское государство и общество пережили глубокий системный кризис; падение «отеческих» нравов было следствием экономического застоя. «Римская держава испытывала потрясения и муки, схожие с муками и борьбой титанов» [Плутарх, 1964, с. 402]. Историческая картина взлета и падения великого Рима описана в фундаментальном труде Т. Моммзена (1854), до сих пор не утратившем своей научной значимости; именно тогда «намечены были все пути, по которым с тех пор идет человечество» [Моммзен Т., 1997, с. 19]. Однако нас интересует не историко-культурный, а социологический аспект проблемы: что является причиной далеко зашедшей дифференциации все еще монолитного социального целого? Классики науки объясняют: «Многие конечные цели и ценности, на которые ориентировано человеческое действие, мы часто не можем понять с полной очевидностью... В зависимости от сложности случая нам придется удовлетвориться их интеллектуальной интерпретацией» [Вебер М., 2016, с. 69].

Почему выбран в качестве источника литературный материал? Культура — центральная тема современных общественных наук; чтобы понять, как люди думают, чувствуют, действуют и выражают себя, необходимо изучить культуру, которую они создают и которой они создаются; необходимо сосредоточить внимание на культурных силах, структурирующих повседневную деятельность индивидов [Ingliš D., 2005]. Сущность культуры повседневности описывается ключевыми теоретическими моделями, применяемыми при изучении традиционных культурных обычаев или же современных контркультурных идеологий и движений; таким образом выявляется различие «социальных идентичностей» [Bennett A., 2005]. Что касается статуса выбранного нами римского классика, то его принадлежность к авторам второго плана сказывается на его научной репрезентативности; Марциал обделен внимани-

ем современных исследователей античной литературы, а новейшие работы, посвященные его творчеству, носят прикладной характер [Котова А.В., 2018; Мельцер Р.И., Недбайлик С.Р., 2019]; зарубежные исследования в основном продолжают академическую традицию [Holzberg N., 2002; Fitzgerald W., 2007; Sullivan J.P., 2005]; до конца не сформировался корпус переводимых сочинений поэта: авторы дискутируют о принципах перевода [Martialis M.V., 2012]. В этом смысле данная статья обладает несомненной новизной, поскольку возвращает поэта в центр общественной жизни позднего Рима.

4. Аксиологический аспект исследования

Римское общество эпохи империи (в особенности столичное), столь ярко, живо и в таких подробностях сатирически описанное Марциалом, уподобим буржуазному (имея в виду проникновение денежных отношений во все сферы публичной и даже семейной жизни захватившего все сословия духа «торгашества»). Человеческие отношения принимают меркантильный характер (подобно буржуазной одержимости собственностью, охватившей общество XIX в.); высвобожденный из социальных пут позитивно понимаемый индивидуализм прилагает всю свою негативно оцениваемую энергию для достижения собственных целей, успех повышает его социальный статус [Штирнер М., 2017]. Всякое понимание такого рационально ориентированного целевого действия характеризуется высшей степенью очевидности [Вебер М., 2016, с. 69]. На материале нашего времени (общества эпохи индустриализма) модель поведения индивида в разрушающихся традиционных общностях Э. Фромм описывает так: «Наше “эго” имеет много разных аспектов; оно включает: тело, имя, социальный статус, имущество (включая наши знания), наше представление о себе и то впечатление, которое мы хотим произвести на других. Эго — смесь из реальных качеств (знаний, умений, навыков) и определенных фиктивных качеств, которые мы стараемся сгруппировать вокруг некоторого реального ядра» [Фромм Э., 2018, с. 111].

Диалектически противоречивое ядро (римский дух, «исчисление» ценностей) под сатирическим пером Марциала начинает обретать вид аксиологической дихотомии: с одной стороны,

поэт дорожит дружбой с редчайшими теперь людьми, «если кто и учен и притом истинно скромн и прост, если кто правду блюдет и честность кто почитает и потихоньку от всех не умоляет богов, если кто духом велик и в нем находит опору», сам гордится тем, что «тога потерта на мне, но своя» [Марциал М.В., 1968, с. 77]; с другой стороны он, пусть и иронично, но весьма любопытно саморазоблачается: «Не виноградником мне, водоемом владеть бы в Равенне, больше нажиться я там мог бы продажей воды» [Марциал М.В., 1968, с. 99]. Эго его, как видим, катастрофически раздваивается.

Не моралистическая (не забудем о его неприятии чрезмерной «серьезности» Ювенала), а аксиологическая по сути установка типизирует большинство «зарисовок», жизненных наблюдений и суждений поэта; эту установку можно выразить крылатым изречением: *vanitas vanitatum et omnia vanitas* (ветхозаветное «суета сует» в латинском тексте Библии переведено именно языком римской толпы). Вот дружеский совет приятелю: «Хочешь ты быть независимым? Этого можно достичь: ты независим, коль ты в гостях не обедаешь, Максим, коль тебе блюда смешны золоченые жалкого Цинны, коль обойдешься такой тогой, какая у нас... Если ты волей такой обладаешь и силою духа, то независимей ты будешь парфянских царей» [Марциал М.В., 1968, с. 76]. Вот упрек тщеславному общему знакомому: «В день рождения сенат у тебя за обедом, ты приглашаешь к себе всадников чуть ли не всех, в тридцать сестерциев всем раздаешь ты щедро подачку. Но родовитым тебя все ж не сочтут!» [Марциал М.В., 1968, с. 289]. А вот снисходительное наставление простаку из деревни: «Честен ведь ты и бедняк, ты правдив на словах и на деле, так почему ж тянет в столицу тебя? Ты никогда не сойдешь ни за сводника, ни за гуляку, робких ответчиков в суд грозно не сможешь ты звать, ты не решишься жену соблазнить кадычного друга и не сумеешь прельстить ты одряхлевших старух, всякий рассказывать вздор...» [Марциал М.В., 1968, с. 114]. И наконец, о самом себе: «Спросите вы, почему мне не надо богатой супруги? Да не хочу я совсем замуж идти за жену. Надобно, чтоб жена была в подчиненье у мужа. Иначе равенства между супругами нет» [Марциал М.В., 1968, с. 225].

5. Результаты исследования (данные литературного источника)

Дифференцированные общности, с которыми контактирует, к которым принадлежит поэт, представляют собой весьма разноликую публику (выходцы из всаднического сословия, отпрыски благородных семейств, клиенты знатных фамилий, разбогатевшие вольноотпущенники, слуги и приспешники «отцов-сенаторов», приближенные к императорскому двору фавориты и домочадцы Цезарей, авантюристы неизвестного происхождения). Вот несколько в социологическом смысле ценных зарисовок: «Что за причина тебя иль надежда в Рим привлекает, Секст? И чего для себя ждешь там иль хочешь, скажи?» [Марциал М.В., 1968, с. 95]; «В пору, когда посещал друзей он достойных и честных, в тоге холодной ходил нищим он, бедняк. С той же поры как заискивать стал у развратников гнусных, земли, столы, серебро он покупает себе» [Марциал М.В., 1968, с. 179]; «Предками ты и громкими их именами хвалишься все, и совсем всадник не пара тебе: все говоришь, что лишь за сенатора замуж вышла бы. Ну, а глядишь, за коробейником ты» [Марциал М.В., 1968, с. 147].

Еще одна злободневная тема — деньги: «По судам заставляет Тит таскаться, говоря мне частенько: “Выгод много”. Много выгод, мой Тит, у земледельца» [Марциал М.В., 1968, с. 34]; «И судье надо дать, и адвокату... Секст, да ты уплати заимодавцу!» [Марциал М.В., 1968, с. 67]; «Приторговав для себя дорогую в деревне усадьбу, дать мне сто тысяч займы я прошу. Не отвечаешь ты мне, но ответ я в молчании слышу: “Ты не отдашь!” Для того и прошу» [Марциал М.В., 1968, с. 168]; «Если ты дал мне займы полтораста каких-нибудь тысяч из сундука твоего, что до отказа набит, другом великим себя ты за это считаешь?» [Марциал М.В., 1968, с. 95]; «Что получил от друга тысяч ты двести, на этих днях довольный ты хвастал... Вчера ты из театра вдруг пустился вон с криком, что получил в наследство тысяч ты триста, а рано утром — сто, да и в обед сотню. Скорей смолкни! А если уж не может твой язык стихнуть, то ври такое, что приятно нам слушать» [Марциал М.В., 1968, с. 130]. Однако богатство, как и иное благо, не впрок: «Дали бы мне миллион сестерциев вышние боги, — Сце-

вола, ты говорил, — как бы я зажил тогда, как широко и как беззаботно! На смех и дали тебе боги, о чем ты просил. Тога гораздо грязней после этого, трижды, четырежды твой заплатан башмак» [Марциал М.В., 1968, с. 55]. «Ловкий аукционист продавал на холмах виноградник и еще чудный участок земли и говорил: “Ошибается тот, кто считает, что Марий из-за долгов продает”. “Ради чего ж этот торг?” — “Да рабы его там перемерли, сгинул весь скот, урожай”. Кто же тут цену надаст?» [Марциал М.В., 1968, с. 51]. Не в богатстве достоинство человека: «Беден я, Каллистрат, всегда, признаюсь, был я беден, но безупречным всадником я остаюсь. Все и повсюду меня читают, и слышится: “Вот он!” То, что немногим дала смерть, подарила мне жизнь. А у тебя-то на сотню колонн опирается кровля, доверху полон сундук нажитым в рабстве добром; с нильской Сиены полей ты обширных имеешь доходы... Вот каковы мы с тобой, но быть, чем я, ты не можешь, стать же подобным тебе может любой из толпы» [Марциал М.В., 1968, с. 145].

Самым значительным фактом изменений в социальной структуре античного общества эллинистической эпохи (когда пытавшиеся противостоять эллинофилам консервативно настроенные представители политических элит потерпели поражение, космополитизм как господствующее умонастроение и индивидуалистичное отношение к миру проник в Рим) стало появление многочисленной и зажиточной «буржуазии»; она извлекала доходы из торговли и ремесел, не пренебрегала скупкой общинных земель; ее материальный и интеллектуальный уровень повысился в сравнении с предыдущей эпохой, в результате образовался дискурс моды; произошли глубокие изменения в быту [Левек П., 1989, с. 76]. В панегирике Марциала очередному Цезарю мы читаем: «Всю столицу себе захватил было лавочник наглый, так что нельзя и пройти было нам к нашим домам. Ты же, Германик, велел расширить все переулки: вместо тропинок теперь всюду дороги ведут. Нет уже больше столбов, увешанных цепью бутылок, и не приходится лезть претору в самую грязь. Стиснутый всюду толпой не бреет цирюльник вслепую, не занимает теперь улицы грязный кабак. Повар, мясник, брадобрей, трактирщик сидят по порогам: Рим возродился...» [Марциал М.В., 1968,

с. 209]. Лучшим людям «триумфами Рим обязан, возрождением храмов, театрами, богами, главное — чистотой нравов» [Марциал М.В., 1968, с. 168]. Однако лучших людей мало.

Многое кардинально менялось в функционировании традиционных социальных структур (не только римских, но и греческих, сирийских, африканских, «варварских»). К примеру, коллегия понтификов и коллегия ремесленников имели разную динамику трансформации (античные коллегии иногда рассматривают как союзы социальной взаимопомощи), но участь стратифицированных индивидов даже наиболее статусных общностей была одинаковой. Великий Рим клонился к своему закату.

Заключение

Итак, «капиталистический» меркантилизм, радикально изменивший экономическую жизнь всего эллинистического мира под римским владычеством, пронизывал все сферы общественной жизни и нашел свое адекватное отражение в повседневной культуре (соответствующих образов жизни и стилей жизни в литературе). Менялась форма и содержание дифференциации общностей. Внутри общности возникли классовые положения: «...их порождает совокупное действие общности, которое есть взаимное действие людей, принадлежащих к разным классам» [Вебер М., 2017, с. 301].

Выделяемые обычно (вслед за Г. Зиммелем) две логически взаимоисключающие характеристики человеческого бытия — продукта и содержания общества и автономного бытия — ставят вопрос об общих значениях социальных общностей. Неслучайно античная мысль (в дискуссиях стоиков с платониками и их совместном противостоянии скептикам) в «исчислении» иерархически организованных ценностей обозначила проблему эгоизма человека в его межличностных отношениях и в социальном поведении. Проблематику ценностей необходимо отделять от «вечных проблем» (метафизики, политики, этики и эстетики), но аксиологический дискурс — фундаментальная область философствования.

Прерогатива здесь принадлежит уже не социологии, а этике. Материальная этика есть однозначно этика успеха, формальная этика рассматривает убеждение (и соответствующее ему желание) в качестве отправной точки системы

ценностей. «Всякая материальная этика необходимо есть гедонизм и связана с наличным бытием чувственных состояний удовольствия от предметов», считал М. Шеллер; материальная этика видит основание этических оценок в «инстинктивном эгоизме человеческой естественной организации»; «формальная этика обосновывает нравственный закон, независимый от эгоизма человеческой естественной организации» [Шеллер М., 1994, с. 263].

Социальные ценностные суждения затрагивают саму сущность ценностной материи благого; задача этики состоит в том, чтобы понять объективное содержание блага и зла вообще (а не то, что имеется в виду, что считается благом или злом). Вопрос о нравственной интенции всякого социального ценностного суждения, считал М. Шеллер, предполагает сущностное познание такой интенции: «Если же быть последовательным, подвергать критике обыденную мораль “здорового человеческого рассудка”, то тем большую значимость (в категориальном качестве опоры) обретает “интуитивное усмотрение” того, что польза является высшей ценностью» [Шеллер М., 1994, с. 264]. Проиллюстрируем сказанное цитатой из Марциала: «То, что Катон завещал безупречный, ты соблюдаешь, но сам жизнью не жертвуешь ты и не бежишь на мечи обнаженные... Так поступая, ты прав, тот не по мне, кто добывает кровью известность; тот, кто без смерти достиг славы, — вот этот по мне» [Марциал М.В., 1968, с. 31]. Эпиграмма обращена к одному из «новых людей»; имя «пламенного идеалиста» Марка Порция Катона Младшего (правнука легендарного Катона Старшего), до конца противостоявшего в гражданской войне «узурпатору» Цезарю, выстраивает нравственную интенцию, осуждающую жалких потомков, утративших статус истинного римлянина; в сопоставлении нравов прошлого и настоящего всплывает еще одно имя — Публия Трасея Петы, покончившего самоубийством в правление «чудовища» Нерона; здравый смысл подсказывает поэту, что ему самому нечем особо похвастаться, но слава «первого поэта» смутного времени — не меньшее «благо», нежели слава предков.

Список литературы

Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с фр. СПб.: Алетей, 2007. 288 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 445 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 2: Общности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 432 с.

Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии: пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга: Центр гуманит. инициатив, 2015. 416 с.

Зомбарт В. Социология: пер. с нем. М.: Единториа УРСС, 2003. 138 с.

Котова А.В. Источники и рецепция Catull. 3 как средства определения интонации текста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.7>

Левек П. Эллинистический мир: пер. с фр. М.: Наука, 1989. 252 с.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. М.: Худ. лит., 1968. 488 с.

Мельцер Р.И., Недбайлик С.Р. Эпиграммы как малый литературный жанр: обзор античных традиций // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 1(41). С. 145–150.

Моммзен Т. История Рима: пер. с нем. СПб.: Наука: Ювента, 1997. Т. 1. 732 с.

Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1982. 408 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1964. 546 с.

Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 536 с.

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве: сб. ст. / отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс–Традиция, 2002. 496 с.

Синергетическая парадигма. Социальная синергетика: сб. ст. / отв. ред. В.В. Василькова. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 688 с.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. М.: АСТ, 2018. 320 с.

Шеллер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Шлегель Ф.В.К. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философия истории. М.: Quadrivium, 2015. 816 с.

Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

Штурнер М. Единственный и его собственность: пер. с нем. М.: Рипол-Классик, 2017. 464 с.

Bennett A. Culture and everyday life. Brisbane, AU: SAGE Publications, 2005. 216 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446219256>

Fitzgerald W. Martial: the world of the epigram. Chicago, IL; L., UK: University of Chicago press, 2007. 258 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226252568.001.0001>

Griswold W. Cultures and societies in a changing world. Lincoln, NE: SAGE Publications, 2013. 228 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452240534>

Holzberg N. Martial und das antike Epigramm. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 168 S.

Inglis D. Culture and everyday life. Abingdon, UK: Routledge Publ., 2005. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203005200>

Martialis M.V. Epigrammata. Ducenti epigrammata obscena selecta. Toronto, CA: Aeterna Publ., 2012. 192 p.

Sullivan J.P. Martial: The Unexpected Classic. L., UK: Cambridge University Press, 2005. 420 p.

Получено 30.04.2020

References

Aristotle (1983). *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 830 p.

Arshinov, V.I., Budanov, V.G., Voytsekhovich, V.E. (ed.) (2000). *Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podkhodov* [Synergistic paradigm. A variety of searches and approaches]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 536 p.

Bennett, A. (2005). *Culture and everyday life*. Brisbane: SAGE Publ., 216 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446219256>

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Per. s fr.* [Social space and symbolic space. Trans. from French]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 288 p.

Fitzgerald, W. (2007). *Martial: the world of the epigram*. Chicago, London: University of Chicago press Publ., 258 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226252568.001.0001>

Fromm, E. (2018). *Imet' ili byt'?* Per. s nem. [To have or to be? Trans. from Germ.]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Griswold, W. (2013). *Cultures and societies in a changing world*. Lincoln: SAGE Publ., 228 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452240534>

Holzberg, N. (2002). *Martial und das antike Epigramm* [Martial and the Ancient epigram]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 168 p.

Inglis, D. (2005). *Culture and everyday life*. Abingdon: Routledge Publ., 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203005200>

Koptsik, V.A. (ed.) (2002). *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergistic paradigm. Nonlinear thinking in science and art]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 496 p.

Kotova, A.V. (2018). *Istochniki i retseptsiya Catull. 3 kak sredstva opredeleniya intonatsii teksta* [Sources and reception Catull. 3 as means of defining the text's mood]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. No. 1(170), pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.7>

Leveque, P. (1989). *Ellinisticheskiy mir. Per. s fr.* [The Hellenistic world. Trans. from French]. Moscow: Nauka Publ., 252 p.

Martialis, M.V. (1968). *Epigrammy* [Epigrams]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 488 p.

Martialis, M.V. (2012). *Epigrammata. Ducenti epigrammata obscena selecta* [Epigrams]. Toronto: Aeterna Publ., 192 p.

Meltzer, R.I. and Nedbailik, S.R. (2019). *Epigrammy kak malyy literaturnyy zhanr: obzor antichnykh traditsiy* [Epigrams as small literary genre: review of antique traditions]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University]. No. 1(41), pp. 145–150.

Mommzen, T. (1997). *Istoriya Rima. Per. s nem.* [History of Rome. Trans. from Germ.]. Saint Petersburg: Nauka Publ., vol. 1, 732 p.

Plinius (1982). *Pis'ma Pliniya Mladshego*. [Letters]. Moscow: Nauka Publ., 408 p.

Plutarchos (1964). *Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 3 t.* [Comparative biographies: in 3 vols]. Moscow: Nauka Publ., vol. 3, 546 p.

Scheler, M. (1994). *Izbrannye proizvedeniya. Per. s nem.* [Selected works. Trans. from Germ.]. Moscow: Gnozis Publ., 490 p.

Shlegel, F.W.C. (2015). *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Filosofiya istorii* [Works: in 2 vols. Vol. 1: Philosophy of history]. Moscow: Kvadrivium Publ., 816 p.

Shokhin, V.K. (2006). *Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl'* [Philosophy of values and early axiological thought]. Moscow: RUDN Publ., 457 p.

Simmel, G. (2015). *Izbrannoe. Problemy sotsiologii. Per. s nem.* [Selected works. Problems of sociology. Trans. from Germ.]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 416 p.

Sombart, W. (2003). *Sotsiologiya. Per. s nem.* [Sociology. Trans. from Germ.]. Moscow: Editorial URSS Publ., 138 p.

Sorokin, P.A. (2006). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel' Publ., 1176 p.

Stirner, M. (2017). *Edinstvennyy i ego sobstvennost'. Per. s nem.* [The only one and his property. Trans. from Germ.]. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 464 p.

Sullivan, J.P. (2005). *Martial: The unexpected classic.* London: Cambridge University Publ., 420 p.

Vasil'kova, V.V. (ed.) (2009). *Sinergeticheskaya paradigma. Sotsial'naya sinergetika* [Synergistic paradigm. Social synergies]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 688 p.

Weber, M. (2016). *Hozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 1: Sotsiologiya* [Economics and society: Essays of understanding sociology: in 4 vols. Vol. 1: Sociology]. Moscow: HSU Publ., 445 p.

Weber, M. (2017). *Hozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 2: Obshchnosti* [Economics and society: Essays of understanding sociology: in 4 vols. Vol. 2: Community]. Moscow: HSU Publ., 432 p.

Received 30.04.2020

Об авторе

Мисюров Николай Николаевич
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры журналистики
и медиалингвистики

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира, 55а;
e-mail: misiurovnn@omsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

About the author

Nikolay N. Misyurov
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of of Journalism
and Media Linguistics

Dostoyevsky Omsk State University,
55a, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: misiurovnn@omsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мисюров Н.Н. Римские социальные «общности» в эпиграмах Марциала (аксиология социально дифференцированного целого) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 365–374. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374

For citation:

Misyurov N.N. [Roman social «community» in epigram of Martialis (axiology of the socially differentiated whole)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 365–374 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374

УДК 141.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-375-383

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ГЕТЕРОЛОГИИ Ж. БАТАЯ*Горчакова Светлана Александровна**Курский государственный университет*

В гетерологии Ж. Батая человек предстает как существо, обреченное на смерть и обнаруживающее в глубине себя разрывы, а потому представления о человеческой телесности оказываются связанными с идеей внутреннего опыта, который являет собой движение на «край возможного» и в котором открывается смерть. Именно смерть и способность ее открытия делают человека тем, кем он является, полагая трансгрессивность человеческого тела и существа вообще. Смерть, будучи абсолютно гетерогенной, конституирует человека как я-которое-умирает, обнажая разрыв, составляющий его природу. Осознание смерти приводит к чувству эротики, которая содержит в себе одновременное утверждение жизни с признанием смерти; более того, смерть составляет смысловое ядро эротизма. Человек есть распахивающаяся навстречу иному «зияющая брешь», а все его существование предполагает разорванность и экстатичность. Это означает, что только эксцесс доводит до предельных состояний, позволяя переступить всякие границы. Внутренний опыт при этом во многом оказывается опытом телесным, ведь гетерогенное постоянно проявляется в предельных переживаниях тела и предельных проявлениях человеческой телесности, где слиты воедино ужас и вожделение, притягательность и отвращение. Человеческий опыт есть опыт пределов и разрывов, в котором человек стремится выйти из себя, превзойти свои антропоморфные и телесные границы в акте саморастраты. Так, оказываясь на самом краю, через трансгрессию человек обнаруживает смерть, но именно в осознании и признании смерти он обретает подлинное бытие и преодолевает собственную телесность.

Ключевые слова: гетерология, гетерогенное, трансгрессия, телесность, трансгрессивное тело, эротизм, смерть.

HUMAN CORPOREALITY IN GEORGES BATAILLE'S HETEROLOGY*Svetlana A. Gorchakova**Kursk State University*

In the heterology of G. Bataille, a person appears as a being doomed to death and revealing gaps in the depths of himself. That is why the idea of human corporeality turns out to be connected with the idea of inner experience, which represents a movement to the «edge of the possible» and through which death is revealed. It is death and the ability to discover it that makes a person who he is, affirming the transgressiveness of the human body and human being. Death, being absolutely heterogeneous, constitutes a person as a self-that-dies, revealing the gap that comprises its nature. Awareness of death leads to a feeling of eroticism, which contains the simultaneous affirmation of life in combination with the acceptance of death. Moreover, death is the semantic core of eroticism. The human is a «gaping hole» opening wide to the other, and all his being presupposes discontinuity and ecstasy, which means that only excess puts a man on the edge, allowing him to transcend all boundaries. In this case, the inner experience turns out to be in many ways a body experience, because the heterogeneous is constantly manifested in the ultimate experiences of the body and the ultimate manifestations of the human corporeality, where horror and lust, attractiveness and disgust are fused together. Human experience is the experience of the limits and gaps in which a person seeks to get beyond his limits, to surpass his anthropomorphic and body boundaries in an act of self-waste. Thus, being on the extreme edge, the human discovers death through transgression, but exactly in the understanding and acceptance of death he acquires true being and overcomes his own corporeality.

Keywords: heterology, heterogeneous, transgression, corporeality, transgressive body, eroticism, death.

«И вот с определенного момента у вашей чувственности появляется потребность в боли, страдании. Вы не можете испытывать эмоций, если не испытываете боли».

Ж. Батай [«Жорж Батай...», 1997]

Введение

Вопрос о человеческой телесности и об отношении человека к своему телу является одним из наиболее обсуждаемых в философском дискурсе XX в. Не обошел вниманием эту тему и Жорж Батай, рассматривающий ее в гетерологической перспективе, где в едином контексте представлены общая экономика, сакральная социология, эротософия и т.д., и таким образом выводящий ее за рамки только лишь антропологической проблематики.

Выйдя из сокровенной непрерывности и отделившись от состояния зверя, человек стал дискретным и индивидуализированным, но он навсегда сохранил двойственность своего существа, ибо в нем присутствует божественность духа и у него есть тело как свидетельство его животности и вещественности, т.к. он навсегда вовлечен в игру жизни и смерти. Человеческое существование характеризуется разорванностью, ведь жизнь в своем разворачивании стремится утвердить себя в качестве непрерывного процесса: будучи живыми существами, мы хотели бы иметь возможность жить, как если бы не собирались умирать, однако «смерть нарушает эту континуальность, грубо вставляя разрыв в структуру вселенной» [Richardson M., 1994, p. 104]. Внутренний опыт обнажает этот разрыв, за которым кроется неизбежность смерти, а потому он оказывается предельным опытом, опытом переживания невозможного, что составляет основу бытия человека. Внутренний опыт ведет к открытию и признанию смерти, он подразумевает падение в смерть, приводящее человека к освобождению, обретению суверенности. Именно смерть возвращает нам утраченную сокровенность, утверждая подлинность нашего бытия, даруя нам сообщение с другими и соединяя нас со всей вселенной. С этой точки зрения смерть есть одновременное утверждение жизни и ее отрицание, освящение жизни и ее разорение. Тем самым смерть выступает в качестве абсолютно гетерогенного, равно как и сакрального,

она вырывает нас из привычной повседневности, указывает нам на наши собственные пределы, призывая к трансгрессии.

Предельный опыт делает существование человека экстаичным, поскольку только эксцесс может довести до дионисийского разгула и ярости, сопровождающих всякое предельное переживание. Глубокая связь духа и тела в человеке обуславливает то, что предельное состояние выражается через телесность: смех и слезы как ее крайние манифестации, наготу и боль, возбуждение и вождление и даже различного рода «низшие» материальные субстанции, которые уже оказываются инородными элементами. Гетерогенное при этом нарушает течение обыденной жизни и толкает человека к преодолению запретов и границ, вырывая его из профанного мира и доводя до головокружения и обморока, а «спазматическое и конвульсивное ведет на край смерти» [Пази К., 2006, с. 139]. Тело, переживая предельный опыт, двигаясь к невозможному, а значит, бестелесному, сакрализуется и становится инородным.

Гетерология и гетерогенное

В конце 1920–30-х гг. Жорж Батай предпринимает попытку создания новой науки — гетерологии — «науки об ином», которая противопоставлена как привычной научной рациональности, так и академической философии в целом, являя собой альтернативную точку зрения на суть и основы человеческого существования. Кроме того, разработку гетерологии можно рассматривать как возможный ответ на решение проблемы, занимающей в этот период времени мысли французского автора, — необходимость связать воедино идеи, интуиции и методологические приемы с уже представленными в «Документах» или «Истории глаза», отделяя их при этом от сюрреализма, несмотря на недолгое увлечение последним. Можно сказать, что гетерология охватывает весь спектр произведений и философских изысканий Ж. Батая, простирающийся более чем на четыре десятилетия «от научного материализма до общего эротизма, от наиболее интимных страданий до общественного утверждения жизни, от архивной старательности до порнографической страсти, от точности сиюминутной поэтической вырази-

тельности до самых радикальных заявлений в политической сфере» [Coelen M., 2016, p. 87].

Как отмечает во вводной статье к «Проклятой части» С.Н. Зенкин, «“наука об ином” — это парадоксальным образом наука обо всем» [Зенкин С.Н., 2006b, с. 9]. Она базируется на целостном подходе и не приемлет специализации и разделения на частности, так свойственного традиционной науке. Но гетерология также внеположна философии: как наука об ином она противопоставляется любому однородному представлению о мироздании, а стало быть, и любой философской системе. Тем самым, объясняет Ж. Батай, это не является ни наукой в ее обычном смысле, ни философией и ни религией — здесь мы имеем дело с совершенно новым исследовательским направлением, которое можно обозначить как «науку о том, что является совершенно иным» [цит. по: Coelen M., 2016, p. 89]. Ж. Батаю удается, по словам М. Фуко, открыть возможность иного языка, свободного от принуждений диалектичности и дискурсивности, лишаящих естественности всякое философствование. И тем не менее, по мнению автора, гетерология предстает перед нами как подлинное философское начинание.

Гетерология — это логика самого гетерогенного, которое скорее не противопоставлено однородному, а в себе имеет уже противоположность, инородность или, как сказал бы Ж. Батай, «полярность». Неудивительно, что при этом объектом пристального внимания французского автора оказывается сакральное, понимаемое как «абсолютно иное», ведь область священного выступает одновременно пространством благого и проклятого, ужаса и экстаза, «в котором сосуществуют противоположности притягательности и отвращения» [Пази К., 2006, с. 137]. Поэтому для Ж. Батая гетерология является также агиологией, где древнегреческое «*agios*», обозначая священное, выказывает эту фундаментальную двусмысленность. Согласно Ж. Батаю, «гетерогенное (или сакральное) определяется как сама область полярности. Это значит, что сильно поляризованные элементы оказываются совершенно иными по отношению к обычной жизни» [цит. по: Coelen M., 2016, p. 91]. Гетерогенное лежит за пределами досягаемости научного знания, оно дается нам лишь в предельном внутреннем опыте.

Безмерность, непрерывность, множественная инородность, полярность и аффективность характеризуют гетерогенное как противоположащее однородному, порядок которого подчиняется принципам дискретности, тождества, меры. Заявляя о себе и обнаруживаясь на всех уровнях действительности, инородное нарушает и разрывает привычный ход вещей, а потому его атрибутивными качествами выступают исключенность, инаковость и чрезмерность. Опыт «иноного» — это опыт того, что одновременно вселяет ужас, вызывает отвращение и обладает притягательностью, поскольку в основе своей инородное полярно и освещено запретом, а потому это опыт невозможного, омерзительного, грязного, низкого и невыносимого. Тем самым еще одним более экспрессивным и даже скандальным дубликатом названия науки об ином выступает скатология, смысловая основа которой определяется древнегреческим «*scatos*» — «экскременты», ведь именно они зачастую оказываются ярким выражением исключенного и отвергаемого гетерогенного. Инородное объемлет также аморфные, жидкообразные, гниющие и разлагающиеся субстанции, в том числе связанные с человеческой телесностью. Возможно, как считает М. Колен, термин «агиология» более точен, но скатология акцентирует внимание на амбивалентности и полярности гетерогенного или сакрального, подчеркивая выразительную ценность его левого полиса, являющегося мрачно-злотворным, грязным и неприемлемым. Таковы, например, различные жидкости и выделения человеческого тела: двойственные и инородные, притягательные и отвратительные одновременно [Coelen M., 2016, p. 91–92]. Скатологические элементы также наделяются антропологическим смыслом, ведь само человеческое происхождение и развитие есть постоянно прогрессирующий процесс отчуждения человека от «почвы» и различных «нечистот», представляющих собой «инородное». При переходе от зверя к человеку эта область инородного становится тем, что негуманно замечать и о чем даже не принято говорить.

Смерть и предел

Гетерогенное для Ж. Батая находится в тесной связи с идеей «предела», достижение которого возможно только в «эксцессе» как «внезапном знамении того, чем является мир в своей выс-

шей истине» [цит. по: Зенкин С.Н., 1995, с. 803]. Таким образом, опыт инородного как преимущественно критический опыт, достигающий «предела возможного» и исчерпывающий тождественное, есть также трансгрессия, утверждающая его преступление. Опыт-предел как внутренний опыт — опыт невозможного — фундирует человеческое существо, полагая экзатичность его существования, в свою очередь, «трансгрессия — это жест, который обращен на предел» [Фуко М., 1994, с. 117]. Предел и трансгрессия взаимообуславливают бытие друг друга, определяя его плотность, поскольку нет такого предела, преступление которого было бы абсолютно невозможным; точно так же невозможна никакая трансгрессия без реально существующего предела. Трансгрессия возвещает об исключенном и отверженном, восславляя его, она «доводит предел до предела его бытия» [Фуко М., 1994, с. 117], пробуждая в нем идею исчезновения и самоутраты в попытке отыскания себя в неистовом движении к тому, что им исключается.

Стоя на самом краю, обращенные к зияющей пропасти, мы обнаруживаем разорванность и экзатичность, являющиеся фундаментальным основанием нашей природы, мы существуем, влекомые смертью. Опыт невозможного в сердцевине своей заключает стремление к падению в смерть, а инородное напоминает нам о двойственности последней, о том, что смерть есть абсолютное иное. В смерти, полагает Ж. Батай, сливаются и безмерно возрастают «отвращение» и «пылкая обольстительность», сталкиваются и неистовствуют «последняя ненасытность» и «предельное омерзение» [Батай Ж., 1997, с. 135]. При этом силы и энергии, управляющие этими страстями, представляют собой движение ничтожения и самоутраты: это не яростно вожделеющее устремление обретения своего «я», но вожделение не быть им, это желание соединиться с ничто.

Недоступная для животного и неизвестная им, но неизбежная для человека, смерть все же отбрасывает его назад, к зверю и сокровенности [Батай Ж., 1997, с. 135]. Чтобы открыть самого себя, человек должен умереть, однако, как считает Ж. Батай, совершить это надлежало бы при жизни, созерцая свою собственную смерть. Но как это возможно? Эротизм утверждает жизнь на грани смерти, выступая одним из наиболее

существенных путей к достижению невозможного. Смерть и эротика обращают человека назад к изначальной непрерывности и утраченной сокровенности, призывают его к выходу за антропоморфные границы и выскальзыванию за пределы дискретной индивидуальности. Эрос и Танатос требуют разрушения и слияния, оргии и жертвоприношения, яростного разгула и празднества, жестоко врывающихся в повседневность и лишаящих ясного сознания человека, являя ему истину бытия и пробуждая ощущение полного присутствия в мире. Открывают возможность достижения такого состояния только «самый разнузданный эротизм и самая черная смерть» [Сюрри М., 2000].

Для Ж. Батай человеческий опыт есть опыт пределов, и эти пределы определяются тем, что условием жизни человека является признание смерти. Человек носит в себе смерть, а его телесность предстает как некий предел, а потому человеческое тело «становится трансгрессивным телом, преодолевающим собственную границу» [Подорога В., 1995, с. 65]. Вообще Ж. Батай в «Теории религии» указывает на невероятную сложность отношения человека к телу. Человек есть существо, обладающее духом, однако тело человека — это тело животного. Тем самым складывается амбивалентная, противоречивая ситуация: с одной стороны, тело животного как свидетельство вещественности человека — это его «убожество», с другой стороны, тело как вместилище духа — «слава тела». Дух и «тело-вещь» тесно привязаны друг к другу. Тело, перманентно тревожимое духом, всегда оказывается вещью лишь в некоем пределе, окончательно закрепляясь в качестве таковой лишь с наступлением смерти, но при этом дух здесь присутствует в наивысшей своей степени, являемый мертвым телом сильнее всего. Как пишет французский автор, «в некотором смысле труп — совершеннейшее утверждение духа» [Батай Ж., 2006, с. 67]. Признавая смерть и размышляя о ней, человек преступает границы собственной телесности в пылу саморазрушения и разгула и тем самым обретает уверенность и сверхчеловечность.

Перед лицом смерти, предстающей как абсолютное отрицание и негативность, человек в попытках ее преодоления обращается к эротизму и жертвоприношению, которые включаются в область сакрального и являются формой тра-

ты, т.е. относятся к «проклятой части». Экстаз и насилие сопутствуют этому движению саморазрушения. Трансгрессивное тело — это одновременно жертва и жертвующий, которые, пребывая в экстазе, совершая насилие и подвергаясь ему, соединяются в сокровенной сопричастности.

Символическим и мифологическим выражением этого может выступать фигура Ацефала, изображенная на рисунке А. Массона: он «держит в руках ритуальные инструменты. Слева — неблагоприятная сторона — орудие кровавого жертвоприношения; справа — благоприятная сторона — факел, напоминающий святое сердце (не сердце распятия, а сердце Диониса, как уточнял сам Массон), который освещает ночное пространство всеобщего праздника. Ампутированная самобытность приоткрывает края раны, позволяя другому проникнуть туда. Жертвенность Я размывает принцип индивидуации и ведет к всеобщему экстазу. За Ацефалом крадется, захватывая сцену, его зеркальный двойник, нищевский Дионис, который в трансе и оргиях восхваляет свое земное рождение» [Пази К., 2006, с. 144].

Ацефал составлен из разных частей, его тело децентрировано, оно словно разорвано взрывом. Гетерогенный Ацефал не является ни человеком, ни богом: обезглавленный, он означает смерть бога и выход человека из себя, иными словами, он соотносится со сверхчеловеческим, пронизанным божественной суверенностью. Сам Ж. Батай описывает Ацефала следующим образом: «По ту сторону моего “я” ... сталкиваюсь с существом, которое вызывает у меня смех, ибо оно без головы; которое переполняет меня тоской, ибо соткано оно из невинности и преступления: в его левой руке кинжал, а в правой — языки пламени, похожие на Сердце Господне. Оно извергает из себя и Рождение, и Смерть. Это не человек. И не бог. Это не мое я, но это больше, чем я: в чреве его лабиринт, в котором теряется сам ацефал, в котором я теряюсь вместе с ним и в котором себя обретаю, оказавшись им, то есть чудовищем» [цит. по: Фокин С.Л., 2002, с. 121]. Монструозность означает нестабильность тела, ведь его части оказываются подвижными и способными к перемещению: тело монстра исторгается из себя самого, оно неустойчиво, дисгармонично и лишено всякого равновесия. Неслучайно, как от-

мечает С.Н. Зенкин, часто Ацефала можно увидеть на иллюстрациях одноименного журнала «в неустойчивых и рискованных позах»: восседающим на вулкане, колеблющимся на облаке и даже взмывающим на воздух от взрыва; его тело вместе с потерей головы утрачивает равновесие, затерявшееся теперь «в лабиринте его кишечника» [Зенкин С.Н., 2006а, с. 121]. Ацефал совмещает в себе человеческое и нечеловеческое, указывая на шаткость баланса между ними, ставя вообще человечность под вопрос и сводя ее на нет, — это и есть выражение чудовищности.

Если сравнить Ацефала с витрувианским человеком Леонардо (а такие попытки уже совершались), то мы увидим разницу. Вписанный итальянским художником в магический круг человек-микрокосм с его каноническими и гармоничными пропорциями тела демонстрирует всеобщую гармонию и упорядоченность макрокосма. Что касается фигуры Ацефала, то он воплощает тело монстра: хтоническое и хаотическое, лишенное целостности и мировой полноты, которые, однако, преодолеваются в движении навстречу смерти. Отрезанная голова Ацефала символизирует трансгрессию, переход от гомогенного к гетерогенному, существующему под знаком сакральности. Безголовое существо означает преодоление индивидуальности, телесного единства и ужаса смерти в совершении жертвоприношения, где Ацефал есть и жертва, и жертвующий. Это акт самокалечения и саморазрушения, за которым в конечном итоге последует возрождение и высвобождение, уничтожающие индивида в его обособленном существовании и разверзающие «рану, через которую вырывается наружу неистовая сила общения» [Пази К., 2006, с. 144]. Именно смерть ломает нашу отделенность от других и от вселенной, возвращая чувство первичной гармонии; без смерти человеческое существование обречено на разобщенность и замкнутость. Смерть означает насилие, но это одновременно и общение, которое невозможно без осознания смерти. Следовательно, смерть располагается в глубине бытия и делает человека тем, чем он является. Самое глубокое общение и сопричастность обнаруживаются в эротике и жертвоприношении, а потому трансгрессивное тело суть экстатирующее тело, бьющееся в конвульсиях экстаза или предсмертной агонии,

что, в общем-то, есть одно и то же. Такое тело изранено и разорвано, поскольку выход за собственные пределы и сообщение с другим существом сопровождается болью, смешанной с удовольствием и доводящей человеческое «я» до мучительного изнеможения и истомы. Боль напоминает о смерти, хотя и не вводит реальных угроз. Усиление боли есть осознание смерти, приносящее человеческому существу непоставимый ни с чем ужас, и чем сильнее переживается и леденит кровь этот ужас, тем быстрее он ведет к радости, которая растворяет человека «в оглушительной и сладострастной ярости жизни» [Батай Ж., 2010, с. 184], способной быть высказанной лишь через отчаяние. В этом, по мысли Ж. Батая, заключается двойственность человеческой природы.

Эротизм и смерть

Смерть, неотвратимо присутствующая в эротизме, есть кипение и взрыв жизни, поэтому жестокость и нежность, терзающие друг друга, сливаются воедино в сладострастном порыве. Эротика, о которой говорит Ж. Батай, трагична, поскольку ее сущность заключена в разрушении возлюбленного и саморазрушении любящего. Переплетенные тела любовников, содрогаящиеся в экстазе и распахивающиеся друг перед другом в наготу, суть сообщение и соединение двух людей через разрывы. И не может быть общения более основательного и сокрушительного, чем то, когда «оба существа теряются в конвульсии, связывающей их», однако же при этом они не полностью теряют себя, а лишь частично. «Общение связывает их между собой ранами, где их единство, их целостность растворяются в горячке», а потому Ж. Батай предлагает «принять как закономерность, что человеческие существа никогда не соединяются между собой иначе, как разрывами и ранами» [цит. по: Томэ Д. и др., 2017, с. 126]. Эта связь самая жестокая, ибо в нее вступают саморазрушающие и жертвующие собой любящие, которые, кроме слияния друг с другом в совместном бытии, жадно ищут неимоверно безудержной растраты и иступленного уничтожения сил и друг друга. Тем самым фокусом эротического опыта оказывается «маниакальное стремление разрывать и быть разорванным» [Батай Ж., 2010, с. 193]. Обреченность на смерть бросает человека к его соб-

ственному пределу, который разрывается, обнажая ужас и низвергаясь в зияющую пустоту; так в эротическом опыте раскрывается печаль смерти и ее предчувствие. Другие тела, тоже разорванные и болящие вместе с ним, стекают сюда отовсюду, испытывая те же ужас и вожделение. Собственно человек является человеком постольку, поскольку его жизнь — это постоянное ожидание смерти, отмеченное тревогой и страхом, благодаря чему он узнает разрушительность, необузданность и отчаянность насилия эротизма, который способен перейти в оргию и жертвоприношение, что, в свою очередь, делает эротику священнодействием, предполагающим преступление и нарушение запретов.

Эротизм, согласно Ж. Батаю, рассматривается как жизнь, мгновенно выходящая за пределы, и возможность этого создана осознанием смерти, потому что преодоление неполноты и разобщенности требует слияния жизни и смерти. Высший момент эротического возбуждения достигается тогда, когда два существа, соединяясь и переплетаясь, растворяются друг в друге, превозмогая прерывистость индивидуального существования, и «это скрещение тел, извиляющихся, изнемогающих, низвергается в бездну сладострастия, оно противится смерти, призванной позже обречь эти тела на немотство разложения» [Батай Ж., 1994b, с. 277]. Эрос несет в себе идею смерти, которая только и придает ему смысл. Открытие пустоты составляет и определяет сущность человека, грозя ему полным уничтожением.

В свою очередь обнажение принимает значение умирания, диктует условия и основания их сообщения и растождествления, нарушающих любые границы. Трансгрессивное тело является нагим телом, омерзительным и ослепительно прекрасным, с которого сорваны все покровы, скрывающие ужас и пустоту. Нагота по сути и есть пустота. Так, по замечанию М.Н. Евстропова, чрево-лабиринт Ацефала обозначает как бы «“мистический брак” с “пустотой”, или же собственной “наготой”», которая оказывается «“проницаемостью”, “разверстостью” существа, и в этом смысле “бестелесностью”» [Евстропов М.Н., 2012, с. 90]. Нагота в ее «не-действительности» находится на грани телесности и бестелесности, одновременно полагая границу тела и подвергая ее со-

мнению, в наготe мы снова обнаруживаем предельность и трансгрессивность. Обнаженное тело — это открытая рана, распростертая навстречу другой ране. Нагота соединяет когда тела сплетаются в экстаической лихорадке, разрывая друг друга и оставаясь связанными с этими разрывами. Человек живет и дышит, лишь оказавшись на краю и пределе, где разламываются и раскрываются тела, «желанная нагота становится непристойной» [Батай Ж., 2010, с. 182].

Особую пустоту являет женская нагота, «прекрасная, преподнесенная — безмолвие и предчувствие бездонного неба, — похожая на ужас ночи, бесконечность которой она обозначает: то, что не может быть определено, — и то, что поднимает над нашими головами зеркало вечной смерти» [Батай Ж., 2010, с. 195]. Женскость в целом и обнаженное женское тело в частности соответствует безмерности тоски по смерти, которая всегда оказывается изначальным элементом эротической любви. «Женское» само по себе есть инородность, бесконечность, тревога и уклончивость в их неустранимости. Влечение к женской наготe — это «желание-тоска» по смерти. «Женское», соблазняя своей пустотой и аморфностью, беспокоя своей невосполнимой «сущностной недостаточностью», уводя к пределам возможного, представляет собой «блуждание-заблуждение», в котором «обручение со своей наготой» есть движение самоутраты [Евстропов М.Н., 2012, с. 127]. «Женское» как «ослепительная бесформенность», позволяя смотреть на себя, остается «безвидным», присутствует на границе «явленности» и постоянно переступает ее, распаивается и ускользает в своей инаковости [Евстропов М.Н., 2012, с. 129]. Аморфность и непристойность женской наготы отвечает «безмерности пустого желания» и всем существом своим «взывает к смерти» [Евстропов М.Н., 2012, с. 128]; срывая запреты, она сулит захлестнуть нас безграничным наслаждением. Кроме того, поскольку «женское» является бесформенным и инородным, постольку оно сближается с «низкой материей» и тем самым несет в себе неприемлемость.

Трансгрессивное тело также предстает в виде инородного, чужеродного тела, исключаемого и осуждаемого. Так, Ж. Батай говорит о «чужеродном» и «совершенно ином» теле мар-

киза де Сада, чей мир — мир эксцесса — состоит из гетерогенных практик и скатологических элементов; он приобретает значение как раз потому, что отторгается и исключается. Тело Сада — тело, оскверненное и оскверняющее, тело греховное, сотрясаемое смехом и неудержимыми рыданиями. Таково и трансгрессивное тело, ибо вся суть человека исходит из двойственности жизни и смерти, ужасного смеха и безумных рыданий. Смех и слезы в этом плане представляют предельные манифестации человеческой телесности.

Заключение

Все существо человека и его телесность освещаются смертным светом, вынуждая его стремиться на край возможного. Телесность удерживает человеческое «я» в границах индивидуальности и постоянно преодолевается, поскольку человек есть зияние смерти. Для Ж. Батая трансгрессия и преодоление границ становятся основанием предельного опыта, вовлекая человека в праздничную игру жизни и смерти, формами которой в равной степени оказываются эротика и жертвоприношение, а потому в человеке «само существо его есть существо играющего экстаического бытия» [Дорофеев Д.Ю., 2006, с. 22]. Подлинное высвобождение «я» подразумевает выход из себя, ослепительный и катастрофический эксцесс, а потому экстаичность и разорванность человеческого существования конституирует трансгрессивность его тела, которое постоянно переживает насилие и совершает его, испытывая ужас и вождление. Падение в пустоту, к хаосу предполагает «порыв торчащего колом человеческого тела», оно «стоит как вызов Земле, грязи, которая его порождает и которую оно с радостью отправляет в ничто» [Батай Ж., 1997, с. 147]. Трансгрессивное тело есть тело, обнаженное и оскверненное, испытывающее боль и наслаждение, мерзкое и обольстительное, бьющееся в экстазе или агонии, «низкое» и прекрасное, действующее согласно принципу непроизводительной траты. В предельном опыте оно ожесточенно и яростно саморастрчивает и саморазрушается, ставит себя на кон, переживает собственную телесность, двигаясь к самому ее пределу, в параксизмах смеха и рыданий преодолевает собственные границы и обретает бестелесность, испытывая радость пе-

ред лицом смерти. Трансгрессирующий человек — это «я-которое-умирает», это утверждение бестелесности, ибо «жизнь потеряется в смерти, реки — в морях, знакомое — в неизвестном» [Батай Ж., 1994а, с. 232].

Список литературы

Батай Ж. Аллилуйя // Батай Д., Батай Ж. Ангелы с плетками. Тверь: Kolonna Publications, 2010. С. 180–204.

Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. 336 с.

Батай Ж. Из «Внутреннего опыта» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. и пер. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 223–243.

Батай Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. и пер. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 269–308.

Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / сост., общ. ред. С.Н. Зенкина. М.: Ладомир, 2006. С. 49–105.

Дорофеев Д.Ю. Саморастраты одной гетерогенной суверенности // Предельный Батай: сб. ст. / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 3–38.

Евстропов М.Н. Опыты приближения к «иному»: Батай, Левинас, Бланшо. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 346 с.

«Жорж Батай, насколько хватает взгляда» («Georges Bataille, à perte de vue», реж. А.С. Лабарт, 1997).

Зенкин С.Н. Жорж Батай // Французская литература 1945–1990. М.: Наследие, 1995. С. 799–809.

Зенкин С.Н. Конструирование пустоты: миф об Ацефале // Предельный Батай: сб. ст. / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 118–131.

Зенкин С.Н. Сакральная социология Жоржа Батай // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: пер. с фр. / сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 7–48.

Пази К. Гетерология и Ацефал: от фантазма к мифу // Предельный Батай: сб. ст. / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 132–149.

Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.

Сюриса М. Жорж Батай, или Работа смерти / пер. Е. Гальцовой // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 164–177.

Томэ Д., Кауфманн В., Шмид У. Жорж Батай. Грязная постель // Томэ Д., Кауфманн В., Шмид У. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 117–128.

Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. 320 с.

Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. и пер. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–131.

Coelen M. Heterology // Georges Bataille: Key Concepts / ed. by M. Hewson, M. Coelen. L.; N.Y.: Routledge, 2016. 220 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315657363>

Richardson M. Georges Bataille: Essential Writings. L.; N.Y.: Routledge, 1994. 256 p.

Получено 31.07.2020

References

Bataille, G. (2010). *Alliluyya* [Alleluia: The catechism of Dianus]. *Bataille D., Bataille G. Angely s pletkami* [Bataille D., Bataille G. The whip angels]. Tver: Kolonna Publ., pp. 180–204.

Bataille, G. (1994). *Iz «Slez Erosa»* [From «The Tears of Eros»]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya musl' serediny XX veka, sost. i per. S.L. Fokin* [Thanatography of Eros. Georges Bataille and French thought of the mid-20th century, ed. and trans. by S.L. Fokin]. Saint Petersburg: Mifril Publ., pp. 269–308.

Bataille, G. (1994). *Iz «Vnutrennego opyta»* [From «inner experience»]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya musl' serediny XX veka, sost. i per. S.L. Fokin* [Thanatography of Eros. Georges Bataille and French thought of the mid-20th century, ed. and trans. by S.L. Fokin]. Saint Petersburg: Mifril Publ., pp. 223–243.

Bataille, G. (2006). *Teoriya religii* [Theory of religion]. *Bataille G. Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya, sost., obshch. red. S.N. Zenkina* [The accursed share. Sacred sociology, ed. by S.N. Zenkin]. Moscow: Lodomir Publ., pp. 49–105.

Bataille, G. (1997). *Vnutrenniy opyt* [Inner experience]. Saint Petersburg: Axioma Publ., Mifril Publ., 336 p.

Coelen, M. (2016). *Heterology. Georges Bataille: Key concepts*, ed. by M. Hewson and M. Coelen.

London, New York: Routledge Publ., 220 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315657363>

Dorofeev, D.Y. (2006). *Samorastraty odnoy geterogennoy suverennosti* [Self-wastes of one heterogeneous sovereignty]. *Predel'nyy Batay* [Limited Bataille]. Saint Petersburg: SPBU Publ., pp. 3–38.

Evstropov, M.N. (2012). *Opyt priblizheniya k inomu: Batay, Levinas, Blansho* [Experiments in approaches to the other: Bataille, Levinas, Blanchot]. Tomsk: TSU Publ., 346 p.

Fokin, S.L. (2002). *Filosof-vne-sebya. Zhorzh Batay* [Philosopher-outside-himself. Georges Bataille]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko's Publ., 320 p.

Foucault, M. (1994). *O transgressii* [About transgression]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya musul' serediny XX veka, sost. i per. S.L. Fokin* [Thanatography of Eros. Georges Bataille and French thought of the mid-20th century, ed. and trans. by S.L. Fokin]. Saint Petersburg: Mifril Publ., pp. 111–131.

Labarthe A.S. (dir.) (1997). *Zhorzh Batay, naskol'ko khvatayet vzglyada* [Georges Bataille, as far as the eye can see].

Pasi, C. (2006). *Geterologiya i Atsefal: ot fantazma k mifu* [Heterology and Acéphale: from phantasm to myth]. *Predel'nyy Batay* [Limited Bataille]. Saint Petersburg: SPBU Publ., pp. 132–149.

Podoroga, V. (1995). *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. Materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 gg.* [The phenomenology of the body. An introduction to philosophical

anthropology. Materials of lecture courses 1992–1994]. Moscow: Ad Marginem Publ., 341 p.

Richardson, M. (1994). *Georges Bataille: Essential writings*. London, New York: Routledge Publ., 256 p.

Surya, M. (2000). *Zhorzh Batay, ili Rabota Smerti* [Georges Bataille, or the Work of Death]. *Inostrannaya literatura* [Russian Studies in Literature]. No. 4, pp. 164–177.

Tomä, D., Schmid, U. and Kaufmann, V. (2017). *Zhorzh Batay. Gryaznaya postel'* [Georges Bataille. Dirty bed]. *Tomä D., Schmid U., Kaufmann V. Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [Tomä D., Schmid U., Kaufmann V. Invasion of life. Theory as a secret autobiography]. Moscow: HSE Publ., pp. 117–128.

Zenkin, S.N. (2006). *Konstruirovaniye pustoty: mif ob Atsefale* [Constructing the void: The myth about Acéphale]. *Predel'nyy Batay* [Limited Bataille]. Saint Petersburg: SPBU Publ., pp. 118–131.

Zenkin, S.N. (2006). *Sakral'naya sotsiologiya Zhorzha Bataya* [Sacred sociology of Georges Bataille]. *Batay Zh. Proklyataya chast'*. *Sakral'naya sotsiologiya* [Bataille G. The accursed share. Sacred sociology]. Moscow: Lodomir Publ., pp. 7–48.

Zenkin, S.N. (1995). *Zhorzh Batay* [Georges Bataille]. *Frantsuzskaya literatura 1945–1990* [French literature of the 1945s – 1990s]. Moscow: Nasledie Publ., pp. 799–809.

Received 31.07.2020

Об авторе

Горчакова Светлана Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии

Курский государственный университет,
305000, Курск, ул. Радищева, 33;
e-mail: gorchakova.svet@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-7958>

About the author

Svetlana A. Gorchakova

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Sociology

Kursk State University,
33, Radishchev st., Kursk, 305000, Russia;
e-mail: gorchakova.svet@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-7958>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горчакова С.А. Человеческая телесность в гетерологии Ж. Батая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 375–383. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-375-383

For citation:

Gorchakova S.A. [Human corporeality in Georges Bataille's heterology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 375–383 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-375-383

УДК 101.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-384-394

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ БЫТИЙНОЙ ИСТОРИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Митлянская Мария Борисовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предмет исследования — концепция бытийной истории Мартина Хайдеггера. Данная концепция — плод позднего периода творчества немецкого философа. Критически анализируя собственные пути экзистенциальной философии, раскрытые в «Бытии и Времени», Хайдеггер постепенно формирует спектр бытийно-исторических понятий, которые займут центральное положение в его размышлениях после «Поворота». Способы аналитики присутствия до «Поворота» создают видимость антропологического подхода к вопросу бытия, что становится главным предметом самокритики философа. Его критический самоанализ послужил творческим импульсом для создания концепции бытийной истории. В статье представлены ключевые понятия указанной концепции. Эти понятия раскрываются в их естественной взаимосвязи, благодаря чему прослеживаются тенденции развития от «Черных Тетрадей» до томов, целиком посвященных бытийной истории. Вопросы, заданные в «Бытии и Времени», рассматриваются в совершенно иной плоскости, где человеческое присутствие (*Dasein*) трансформируется в основание сущности людей при условии их открытости посылу бытия (*Geschick*). Не разделяется мнение исследователей, утверждающих, что существуют достаточные основания, чтобы провести жесткую границу между «Хайдеггером-1» и «Хайдеггером-2», интерпретируя «Поворот» как резкий отказ философа от результатов своих трудов до 30-х гг. Бытийно-исторический пласт требует новых историко-философских интерпретаций: высвобождение деятельности профессора из академических рамок открыло новую глубину его языка и мысли. Поэтому темой исследования стали ключевые понятия бытийно-исторической концепции, необходимые для знакомства с ней. Основными в этом исследовании являются герменевтический и историко-генетический методы. Герменевтический метод, усовершенствованный самим Мартином Хайдеггером, необходим при интерпретации его текстов, насыщенных специфическими оборотами, оригинальным использованием известных ранее терминов, поэтическими иносказаниями.

Ключевые слова: уклонение, событие, бытийная история, посыл бытия, основание, поворот, просвет бытия, исток, истина, несокрытость, герменевтика фактичности, Хайдеггер.

KEY NOTIONS AND IDEAS OF MARTIN HEIDEGGER'S «HISTORY OF BEING» CONCEPT

Maria B. Mitlyanskaya

Lomonosov Moscow State University

The paper explores Martin Heidegger's concept of the «history of being». This concept was created in the philosopher's late period. Critically analyzing the own paths of existential philosophy revealed in *Being and Time*, Heidegger gradually forms a spectrum of being-historical notions that will occupy a central position in contemplation after «the turn». The methods of analyzing the presence used before «the turn» create the appearance of an anthropological approach to the question of being, which becomes the main subject of the philosopher's self-criticism. This, in particular, served as an originative impulse for the formation of the «history of being» concept. This article presents the key intentions of this concept. The author reveals these intentions in their natural interconnection, tracing the development trends from *Black Notebooks* to full-fledged volumes devoted to history of being. The questions asked in the renowned

Heidegger's opus magnum are revealed in a completely different plane, where the human presence (Dasein) is transformed into the foundation of the people's essence, provided they are open to the call of being (Geschick). The author of the article does not share the opinion of researchers claiming that there are sufficient grounds to draw a hard line between Heidegger-1 and Heidegger-2, interpreting «the turn» as a sharp rejection by the philosopher of the results of his work before the 1930s. However, the being-historical layer requires new historical and philosophical interpretations: the professor's forced release from the academic framework opened a new depth of his language and thought. Therefore, the key notions of the being-historical concept, necessary for acquaintance with it, have become the topic of this study. The hermeneutic and historical-genetic methods are the main ones applied in the study. The former, perfected by Martin Heidegger himself, is necessary in the interpretation of his texts, saturated with specific turns, original use of previously known terms, poetic allegories.

Keywords: evasion, event, being history, message of being, foundation, turn, gleam of being, source, truth, unconcealedness, hermeneutics of factuality, Heidegger.

Введение

Под «Поворотом» (Kehre) Мартина Хайдеггера историки философии понимают кризис начала 30-х гг., довольно ощутимо изменивший интенции немецкого мыслителя. Неудавшаяся попытка в должности ректора воплотить в жизнь грандиозный план по созданию аристократического университета, вынужденное сотрудничество с нацистскими властями и значимые события как в стране, так и в жизни М. Хайдеггера не могли не повлиять на дальнейший путь его философствования. Не были оправданы надежды увидеть следующую часть «Бытия и Времени» [Хайдеггер М., 1997], однако философия «после “Поворота”» рождает новый импульс: отосланность к истине бытия (Seyn¹) и глубокую первостепенную тему истории. Человеку отводится роль стража бытия, значительно меняется понимание экзистенции, смещаются акценты. Можно сказать, что стержнем нового направления философствования Хайдеггера становится концепция бытийной истории (Geschichte des Seyns).

Бытийно-исторический комплекс трудов Хайдеггера малоизвестен по сравнению с его ранними работами, тем более не все из них уже увидели свет. На данный момент продолжается публикация собрания сочинений на языке оригинала. В русском переводе благодаря выдающемуся хайдеггероведу В.В. Бибахину мы располагаем фрагментами лекций, статей и вы-

ступлений, опубликованных в сборнике «Время и Бытие» [Хайдеггер М., 1993], и двумя первыми томами «Черных Тетрадей», что так сильно взбудоражили общество, в переводе А.Б. Григорьева [Хайдеггер М., 2016, 2018]. Также отсылки к исследуемой теме можно обнаружить в «Цолликоновских семинарах» [Хайдеггер М., 2012], тоже переведенных на русский язык. Безусловно, они представляют большой интерес, но для целостного понимания сущности бытийно-исторической концепции этих материалов недостаточно. Нужно обратиться к отдельным томам собрания сочинений, таким как «Доклады к философии. О событии» («Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis») [Heidegger M., 1989], «Осмысление» («Besinnung») [Heidegger M., 1997], «Бытийная история» («Geschichte des Seyns») [Heidegger M., 1998], «О начале» («Über den Anfang») [Heidegger M., 2005] и «Событие» («Das Ereignis») [Heidegger M., 2009] и др., поставив задачу самостоятельной интерпретации метафоричного, богатого и туманного языка Мартина Хайдеггера.

Как современные философы оценивают «Поворот» Мартина Хайдеггера

Существует ряд статей и книг, посвященных теме данной статьи: они преимущественно зарубежные и нередко с элементами компаративистики. Для полноты историко-философского анализа исследуемой темы предложим небольшой обзор некоторых из них:

– В статье «*Чему Гомер мог бы нас научить по теме Бытийной Истории*» (М. Хайдеггера) («What Homer can teach us about Seynsgeschichte») [Koch W., 2011] Уильям Кох

¹ Старонемецкое написание слова «бытие», намеренно использованное Хайдеггером, чтобы разделить «бытие как сущее» (Sein) в классической европейской мысли и бытие (Seyn), проявляющееся через события (Ereignisse) в сущем.

предпринимает попытку через интуиции, улавливаемые в трудах периода после «Поворота», расширить исследование Истории Бытия. Автор статьи считает, что, помимо работ досократиков, необходимо использовать еще более ранний источник — эпическую поэзию Гомера — с целью поиска высказываний о бытии. Этот шаг должен помочь определить альтернативные осуществившемуся пути развития истории западного мышления, как полагает Кох;

– «*Является ли “Поворот” Хайдеггера реалистическим проектом?*» («Ist die “Kehre” ein realistischer Entwurf?») [Gabriel M., 2014]. Маркус Габриэль, известный немецкий историк философии, рассматривает этапы творчества Хайдеггера относительно концепции реализма. «Бытие и время» было раскритиковано его автором за антиреализм, как утверждает доктор Габриэль. В «Повороте» рождается концепция судьбы и посылов Бытия (Sein), которые в своем истоке не зависят от человека. Тем не менее Габриэль считает, что Хайдеггер все же возвращается к антиреализму, поскольку Бытие остается зависимым от участия людей. Последний аргумент Маркуса Габриэля кажется довольно неоднозначным, поскольку в текстах самого Хайдеггера периода «Поворота» встречается прямое указание на то, что само Бытие независимо от человеческого внимания, в то время как свершение Бытия через событие (Ereignis) возможно только через соизволение человека. Нетривиальный принцип анализа философской позиции Хайдеггера через соотношение с реализмом встречался и ранее в работах К. Лафонт и Х. Дрейфуса (чья полемика и комментарии к ней подробно рассмотрены в статье Е.В. Фалёва «*Был ли Мартин Хайдеггер “реалистом”?*» [Фалёв Е.В., 2014b]). Можно предположить, что такой подход не был близок к герменевтическим установкам Хайдеггера, поскольку сам философ не исходил из подобных понятий. Тем не менее как историко-философский эксперимент данная статья представляет большой интерес;

– Книга «*Новые Пути с Хайдеггером*» Отто Пёггелера [Пёггелер О., 2019] — источник уникальных сведений о жизни и творчестве немецкого мыслителя. Автор был лично знаком с мэтром и признан им талантливым интерпретатором и историком философии; также он получил личное разрешение изучать и ссылаться на

неизданные официально труды собрания сочинений Хайдеггера. В этой книге уделяется значительное внимание «Докладам к философии. О событии» («Beitrage zum Philosophie. Vom Ereignis»). Этот том собрания сочинений открывает плеяду бытийно-исторических трудов. О. Пёггелер считает, что именно в «Докладах...» Хайдеггер наконец находит свой философский язык. Автором книги представлены анализ и история развития этого самобытного языка, на котором «говорит» вся бытийно-историческая концепция. Однако, не имея хотя бы самых общих представлений о творчестве Хайдеггера и о его мысли после «Поворота», было бы довольно сложно ориентироваться в тексте Пёггелера, затрагивающем содержательную часть хайдеггеровской истории Бытия. Помимо заявки на новое «Бытие и Время», «Доклады...» примечательны наличием жесткой критики расового подхода, что может быть актуально на фоне многочисленных обсуждений политической ангажированности Мартина Хайдеггера. Автор раскрывает «пути» мышления немецкого философа, начиная с теологических речей студенческого периода и заканчивая взаимодействием с Востоком;

– В статье «*История как истолкование и историко-философский метод М. Хайдеггера*» [Фалёв Е.В., 2014a] профессор Е.В. Фалёв рассматривает изменение путей Хайдеггера как герменевта до и после «Поворота». Молодой Хайдеггер, уже имевший яркий философский стиль, мыслил не только вслед за интересующим его философом, но и далее по «указанному направлению». Нередко это приводило к вольным интерпретациям как классиков, так и современников. В период 30-х гг. и после него искусство интерпретации мыслится Хайдеггером как основная черта осознанного человеческого существования. Понимающая критика и выявление исторического смысла — способности, которые, согласно исследованию Е.В. Фалёва, Хайдеггер полагал как необходимые для восхождения человека к истине;

– «*Хайдеггер о диалоге Востока и Запада. В предчувствии события*» («Heidegger on East-West Dialogue. Anticipating the Event») [Lin Ma, 2008]. В этой книге, опубликованной в 2008 г., Лин Ма изучает опыт взаимодействия Хайдеггера с восточной культурой. Философский анализ идей даосизма, дзен-буддизма и искусства

Востока немецким мастером говорит о возможности перспективы преодоления метафизики через диалог стран заката и восхода. Исследование тесно связано с идеей Хайдеггера о двух началах (мышления): первое — берущее точку отсчета в античной философии, другое — грядущее, не требующее строгости принципа основания. Идея начал является одной из ведущих в бытийно-исторической концепции Хайдеггера.

Наш исследовательский подход направлен на передачу русскоязычному читателю основных идей и принципов концепции бытийной истории Хайдеггера без внедрения в перевод и интерпретацию понятий из третьих источников с опорой на герменевтическое истолкование и историко-генетический метод.

Почему и как появилась концепция бытийной истории?

На данный момент из всех источников по теме в русском переводе мы располагаем только первыми двумя томами «Черных Тетрадей», историко-философские интерпретации которых осложнились политически ангажированными спорами вокруг биографии мыслителя. Данные тома подчас открывают вовсе не для углубления познаний в области философии «после Бытия и Времени». Это является большим упущением для российских ученых и интересующихся философией, поскольку в них ранние интуиции Хайдеггера приобретают более зрелый облик, свободный от формальных академических ограничений, которые сопровождали публикацию «Бытия и времени».

Однако в «Бытии и Времени» уже присутствуют предпосылки к дальнейшему становлению исследуемой концепции. Еще на этапе написания этой работы философ проводит четкую разделительную линию между историей и историографией, о которых мы напишем позже. Критическое отношение Хайдеггера к своему самому популярному произведению постепенно становится общим местом в истории философии. Как признавал философ, «Бытие и Время» так и осталось неоконченной и не особо успешной попыткой переступить через традицию европейского метафизического языка. Даже само название этой книги отсылает нас к третьему разделу, который так и не был опубликован. Идея создания и утверждения фунда-

ментальной онтологии в некотором смысле противоречила зачаткам идеи историчности бытия. Дальнейшее движение по пути мышления требовало глубокого переосмысления ранних концептов. Вопрос о сущности бытия (Sein) открылся в новом свете — через размышления о свершении этой сущности через событие. Как следствие, Хайдеггер предлагает вывод об историческом характере истины (т.е. сути) Бытия (Seyn). Новое обращение к античным трудам дает почву для размышлений над существом истины-несокрытости (Unverborgenheit), что радикально повлияло на вопрос о Бытии как таковом. Меняется масштаб всей картины философствования. Все направлено не на антропоцентрическую идею модусов существования человека, а на бытийно-историческое осознание судьбы народов. Меняется положение основания сущности человеческого во «взаимоотношении» с Бытием (как мог бы сказать М. Габриэль — просматривается реалистическая установка): «В *“Бытии и времени” историчность (Geschichtlichkeit) относится только к Dasein, но не к судьбе бытия (Seinsgeschick). Таковую нельзя объяснить исходя из историчности Dasein. Наоборот, человеческая историчность принадлежит судьбе бытия*» [Хайдеггер М., 2012, с. 258].

Историзм Хайдеггера стал одним из серьезных источников разногласий с его учителем — Эдмундом Гуссерлем: он выступал против такого подхода. Это отразилось на содержании «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» [Гуссерль Э., 2004]. Хайдеггер (особенно после разрыва 1929 г.) тоже был настроен критически и настаивал на необходимости отказа от притязаний на достижение какого-либо окончательного знания, считая подобное устремление пережитком метафизики. В становлении исторического пласта герменевтического анализа бытия сыграла свою роль и критика Хайдеггером чистого картезианского субъекта, где мыслящее «его» в знаменитой формуле Декарта утрачивает свое собственное бытие из-за непреодолимого с ним разграничения. Тем не менее сам Хайдеггер не соглашается с идеей полной преемственности этапов своего творчества [Heidegger M., 1989, S. 85], утверждая, что подлинное мышление всякий раз должно начинаться с нуля.

Как трактовать хайдеггеровскую философию истории.

Или что есть История Бытия

В перечисленных бытийно-исторических трудах история понимается не как историческая наука или цепь происшествий. История (Geschichte) проистекает из основ самого Бытия и относит себя к сущему, прокладывая таким образом связь Бытия (Sein) и сущего. История становится результатом раскрытия смыслов в акте события (Ereignis). В данной концепции сущность исторического не в расчете прошлого, не в случающемся и не в претерпеваемом. То, что было ранее, не может выступать основой для вопрошания об истине Бытия, а ведь именно эта задача вдохновляла Хайдеггера. Не может, т.к. мир изменчив и то, что было открыто человеческому сознанию как истинное временами ранее, вполне может в данном историческом контексте таковым не оказаться. Проще говоря, по Хайдеггеру, не существует навек запечатленной истины. Как вид знания историография (Historie) начинает существовать вместе с метафизикой и западноевропейской наукой в качестве стремления к присвоению и систематизации. История (Geschichte), по Хайдеггеру, — это свершение судьбоносных посылов, способных поменять способ бытия в сущем. История отождествляется с самим бытием, а его — истина с событием (Ereignis). Бытийно-историческая концепция — это новый виток стремления Хайдеггера вернуть бытию темпоральность, наделить все модусы времени подлинным бытием. Именно этого (как полагал немецкий философ) не было у Платона и его учеников, а вслед за ними — и у всей европейской метафизики. Значимая черта концепции после «Поворота» — внимание к настроенности человеческого существа. Осознание необходимости соизволения истине бытия, готовность человека дать ей голос: «Дазайн (присутствие) не только в настойчивости [стоянии в бытии] людей: дазайн в осуществлении сути событий»² [Heidegger M., 2009, S. 209].

Поэтической интерпретацией подобного назначения Dasein (человеческого присутствия) стало определение Хайдеггером человека как

«стража тишины прохождения последнего Бога» [Хайдеггер М., 2016, с. 334] или «стража бытия».

Ключевые понятия концепции бытийной истории

Далее представлены основные термины бытийно-исторического проекта Мартина Хайдеггера и их краткая интерпретация.

Событие (Ereignis, Geschehnis). О событии уже было написано в предыдущих разделах, поскольку не представляется возможным рассуждать о хайдеггеровском мышлении после «Поворота» без его упоминания. Однако вышесказанное следует упорядочить и дополнить. На значимость данного понятия указывают уже заглавия некоторых томов собрания сочинений бытийно-исторического периода, например: «Доклады к философии. О событии» (1936–1938), «Событие» (1941–1942). Философский стиль Хайдеггера подразумевает глубочайшее внимание к корням языка. При интерпретации и переводе его текстов это необходимо учесть. Потому мы предлагаем в качестве возможного пути понимания того или иного представленного понятия рассмотреть их этимологические гнезда, а точнее, те слова единого этимологического ряда и игру слов по созвучию, которые использовал сам философ в своих трудах.

Ereignis (событие) – **Ereignen** (сбывание) – **eigen** (собственный) – **Er-äugnis** (молниеносное прозрение) – **Eigentum** (собственность) – **Eigentlichkeit** (подлинность) – **Eignung** (готовность) – **Ereignung** (свершение) – **Vereinigung** (особствливание, сбывание для себя) – **Übereinigung** (перенятие, наследование) – **Zueinigung** (посвящение) – **Aneignung** (освоение).

Объединив все оттенки смыслов, можно уловить, что событие — акт сопричастия с подлинным и священным, не зависящим от людей в своем истоке, но молниеносно раскрывающимся в сфере собственной (внутренней) человеческой готовности: «Событие: верный свет осуществления сути Бытия в предельном поле зрения глубинной нужды людей истории»³.

В ранних работах Хайдеггер также использует термин «Ereignis», но в более общем по-

² «Das Da-sein nicht nur in die Inständigkeit des Menschen, sondern Da-seyn als Wesung des Ereignisses».

³ «Ereignis: das sichere Licht der Wesung des Seyns im äußersten Gesichtskreis der innersten Not des geschichtlichen Menschen».

нимании — «события мира»: в статье «О сущности основания» («Vom Wesen des Grundes») — как событие явления сущего в мир. Но центральное место «событие» в мысли Хайдеггера получает только к 1936 г., с написанием «Докладов».

На рисунке представлена схема, примененная Хайдеггером для подробной проработки структуры феномена события. Это рабочие записи философа [Heidegger M., 2013, S. 896]. Если идти сверху вниз, то возникает следующий ряд: *грядущее – земля – история – истинствование – истинность – приветствие – благосклонность – (начало – событие – различение) – страдание – смерть – бытие – существование – слово – люди – проживание.*

Стыки события

The event junctures

Связи между элементами, обозначенные линиями, говорят о заложенной в схему идее возвращения к истоку. Страдание здесь — начало пребывания в событии, осознанное бытие, понимание которого приносит боль заброшенности в сущее. Человек должен быть в настроен-

ности приветствия и соизволения к грядущей истине бытия, тогда она проявит «благосклонность» и во взаимном притяжении-обособлении свершится событие. Идею событийности можно трактовать как пересечение онтологического и исторического осмысления сущего. Событие понимается как реализация смысла человечеством через сопричастность ему, где выбор и вняtie — это неотъемлемые условия историчности. Событие нельзя поставить на службу какой-то цели, изменить его суть или направить по своему усмотрению. Человек волен инициировать его, а именно быть решительно готовым откликнуться на его призыв.

Geschehnis. Допустимо перевести как «свершение». Само слово восходит к другому корню, нежели событие (Ereignis), будучи ближе к Geschichte (история) и Geschick (посыл, судьба). По сути, Geschehnis — сбывающийся посыл истории, конкретное событие. Когда говорится о событии мира как такового или о феномене исторического события вообще, термин «Geschehnis» не будет употребляться. В остальном он практически синонимичен Ereignis.

Для выражения философских размышлений Хайдеггер иногда обращался к поэтическому символизму, поскольку, полагаем, такой способ передачи понимания истинного позволял сохранить прикровенность, оберегающую неисчерпаемую многогранность смысла выражаемого. Философ искал возможность избежать заключения в строгие рамки, «технической» систематизации и использования настоящих актов творчества в прагматическом ключе, понимая их как один из основных путей события (свершения) истины бытия: «...мышление бытия (*des Seyns*) не должно становиться учением или системой, но подлинной историей (*Geschichte*) и, значит, наиболее сокрытой»⁴ [Heidegger M., 1989, S. 85]. Одним из самых загадочных поэтических образов, трактующих содержание термина «событие», является хайдеггеровская четверица (Geviert).

Четверица (Geviert). В этом символическом устройстве мироздания отражают и преподносят себя друг другу четыре элемента: **Himmel** (небеса), **Erde** (земля), **Sterblichen** (смертные).

⁴ «...daß das Denken des Seyns keine "Lehre" und kein "System", sondern die eigentliche Geschichte und somit das Verborgenste werden muß».

Göttlichen (божественное). **Ding** (вещь) осуществляет в своей сути соединение этих элементов. В одноименной лекции Хайдеггера емким во всех смыслах примером вещи служит образ чаши. Полемос как принцип противостояния — отторгающее притяжение четырех начал. Каждый элемент несет в себе отосланность к остальным трем и не мыслится отдельно: *«В подношении чаши пребывают земля и небо. В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные. Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы»* [Хайдеггер М., 1993, с. 321].

Последний отблеск греческого мира затухает, и даже метафизика, берущая исток от мудрейших мыслителей Эллады, гаснет как принцип мышления. Она высвободилась в роли тоталитарного технического уклада, где механизмы и сама техника являются только отражением потребностей и заостренного мировоззрения масс. Нет больше плодотворной нужды обращаться к высочайшему (священному) с вызовом и вопрошанием. Поставляемое (**Gestell**) усыпляет человечество, маскируя опасность опредмечивания природы, человека и даже бога. Хайдеггер желает вновь поставить вопрос об обращении к предначальному (божественному). Даже через противопоставление земли и неба, смертных и богов. И именно смерть бога, его уход, осознание оставленности им — наиболее мощное событие, способное перевернуть мышление, проведя его через опыт безосновности, вынуждая искать новые пути. Когда эта нужда (**Not**) становится действительной и всеобъемлющей, человеческая сущность в поиске смыслов стремится к припоминанию сокрытия истока бытия в первом начале (**Erste Anfang**), в зарождении метафизики. Бытие понимается Хайдеггером как безосновное и бездонное. Но речь не о пустоте, т.к. бытие наделяет сущее смыслом.

Смысл (Sinn). Помимо события, в соответствии с замыслом данной статьи необходимо обратиться к рабочему определению самого понятия «смысл». В герменевтике фактичности *«смысл — есть то структурированное предвзятием, предусмотрением и предрешением в видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто»* [Хайдеггер М., 1997,

с. 178]. В бытийно-историческом проекте понятие смысла теряет свою «независимость» и становится одним из уровней интерпретации сложнейшей концепции истины бытия (Seyn): *«Вопрос о “смысле бытия” — это вопрос всех вопросов. В процессе его раскрытия определяется сущность того, что называется “смыслом”, то, в чем вопрос содержится как осмысление, что открывает его как вопрос: открытость к самосокрытию, т.е. истина»*⁵.

Наличие смысла является условием предположения, формирующим возможность понимания как такового, метафорически это «магнитное поле для компаса» ориентации в сущем. Смысл обладает преобразующей силой, способностью напрямую влиять на бытие человека, точнее, может изменить способ бытийствования человека. Всякое подлинно осознанное и прожитое оставляет свой отпечаток. Смысл отождествляется с критерием историчности интерпретируемого феномена. Выявление смысла — это оценка трансформирующего потенциала события. Хайдеггер не дает готовых ответов, тем более практического толка, призывая к самостоятельному осмыслению. Выявление смысла как бытийно-историческое познание не может восприниматься как какая-то универсальная методология. Любой мыслитель имеет собственные пути герменевтического всматривания в «полотно» событий. Это может касаться не только общезначимой истории становления народов. Для каждого человека его осознанное пребывание в мире будет горизонтом таких же событий, требующих истолкования и осмысления. В различных мировых культурах существуют уникальные традиции обращения к собственному: восточные медитации, гипнотические и трансовые методики, исполнение священных гимнов, ритуалов, ретритов и т.д.; в секулярной культуре современного Запада сходную функцию выполняют философия, искусство, психотерапия.

Итак, мы кратко представили содержание понятий «событие» и «смысл». Это позволяет вернуться к определению истории как события (свершения) истины бытия (Seyn).

⁵ «Die Frage nach dem »Sinn des Seyns« ist die Frage aller Fragen. Im Vollzug ihrer Entfaltung bestimmt sich das Wesen dessen, was da »Sinn« benennt, das, worinnen die Frage als Besinnung sich hält, was sie als Frage eröffnet: die Offenheit für das Sichverbergen, d.h. die Wahrheit».

Бытийная история и историография (Geschichte, Historie). В трудах Хайдеггера есть два слова, которые правомерно переводить на русский с немецкого как «история», а именно *Geschichte* и *Historie*. Тем не менее в рамках его философии эти термины имеют радикально противоположный смысл. *Geschichte* — бытийная история, история свершения истины бытия в событиях. *History* — «происшественность», историография (пер. Бибикина), т.е. «пустые» случаи, их коллекционирование и систематизация, иногда — сфабрикованные ситуации или их интерпретация с какой-либо расчетливой целью и т.п. Как уже было замечено выше, Хайдеггер (особенно после «Поворота») знаменит своим вдумчивым обращением к корням языка. Поэтому, вероятно, «History», происходящая от греческого «ἱστορία» (история, исследование) не могла отразить смысл, вкладываемый философом в это понятие. Древневерненемецкое «gîsîht» представилось философу наиболее удачным вариантом, свободным от метафизических наслоений. Известно, что Хайдеггер не сразу пришел к этому выводу: *«То же принципиальное различие здесь, в 1921 году, но термины употребляются наоборот, чем будет потом: Historie как событие, Geschichte как объективирующая теория. Т.е. принципиальное различие у Хайдеггера — вначале, слова постепенно укладываются, как им удобнее, и могут иногда, как в этом случае, прямо поменяться местами. Когда слова улеглись, как хотели, в них открываются неожиданные смыслы, а до того так не было...»* [Бибикин В.В., 2009, с. 124]

Историография в устоявшемся понимании Хайдеггера зависима от людского «делания» (Machenschaft). Но объективирующий принцип, лежащий в основе историографии, по мере разворачивания европейской метафизики поработает многие сферы человеческой деятельности, захватывая мышление. Бытийная история не зависит в своем истоке от основания человеческого сущего. Подлинная история опирается на человеческую готовность быть причастным к реализации посылов бытия, но не приистекает из нее. В таком положении вещей заключена бесплодность историографии. Ее бесконечная потребность в смыслах может быть удовлетворена только связью с историей. Предположим, что свершилось событие серьезного масштаба, значительно изменившее интенции многих людей. Например, возникла философия Ницше. Сам

Хайдеггер называл его последним философом, следовательно, подобный пример события будет вполне уместен. Историографией в данном случае будет то, каким образом была использована и исковеркана философия Ницше в «идеологической машине» Третьего Рейха.

Историография (Historie) может пониматься и как историческая наука коллекционирования и систематизации «законченного»: *«Закат уже состоялся. Следствие этого события — обстоятельства всемирной истории нашего столетия. Они обставляют собою уже просто лишь истечение законченного. Его протекание в духе последней стадии метафизики упорядочивается техникой историографии»* [Хайдеггер М., 1993, с. 178].

И в «Осмыслении» философ отмечает [Heidegger M., 1997, S. 182]: *«Историография в широком смысле есть представляющее изготовление “истории”, прошлого и нынешнего для настоящего и будущего, опредмечивание прошлого в данность настоящего»*⁶.

Есть и иное значение: историография понимается как пустая и шумная озабоченность цепью происшествий (Vorgang) — всем, что происходит повседневно, но не имеет существенного влияния на грядущее. События истории не могут пройти бесследно. Воздействие бытийной истории нарастает, а не убывает со временем. Изначальная историчность (дометафизическая) — это не результат цепи происшествий, а суть человечности людей. Человек историчен своей человечностью. Но возможна ли история вне человеческого существования? Способен ли мир, наделенный флорой и фауной, быть историчным по Хайдеггеру без внимания человека? Однозначно, нет.

*«История — события человечества в той мере, в какой они происходят на основе потаенного отсылания к самому Бытию и “относят” себя как сущее среди сущего в целом, к этому целому и к себе самому»*⁷ [Heidegger M., 1997, S. 182].

⁶ «Historie im weiten Sinne das vorstellende Herstellen der »Geschichte«, der vergangenen und je heutigen für das Heute und die Zukunft, die Vergegenständlichung des Vergangenen in das Zuständliche des Gegenwärtigen».

⁷ «Geschichte - Geschehen des Menschentums, sofern dieses auf dem Grunde der verborgenen Zugewiesenheit zum Seyn selbst als Seiendes sich inmitten des Seienden im Ganzen zu diesem und sich selbst »verhalt».

Парадокс концепции событийной истории заключается в том, что даже зарождение и расцвет метафизики, как бы он ни отдалял западное мышление от истины бытия, также в целом является подлинным событием, масштабно изменившим способ пребывания в мире многих поколений людей западной цивилизации. По Хайдеггеру, сокрытие — способ, с помощью которого бытие говорит с человеком, указывает на свою сущность в отказе от него. В осознании сокрытия проявляется просвет (*Lichtung*) истины бытия. Но ее окончательное достижение (или, как пишет философ, «мертвое схватывание») невозможно. Сокрытие происходит вновь, и судьба исторического человека заключена в вечном поиске истины и вопрошании о ней. Раскрывание и прикрывание создает слои (*Schichten*) истории, в результате происходит «раскачивание исторического маятника».

Geschick (посыл бытия, судьба). Слова «слой» (*Schicht*) и «история» (*Ge-schichte*) объединены Хайдеггером по корневому родству. Ранее упоминавшийся термин «*Geschehnis*» (в узком смысле синонимичный «*Ereignis*» — «событию») принадлежит к тому же этимологическому гнезду, из которого вышла «*Geschichte*» — история. Представим эту группу слов: **Schicht** (слой) – **Schicksal** (судьба) – **schiken** (посылать) – **Geschick** (посыл) – **Geschehen** (свершающееся) – **Geschehnis** (свершение) – **Geschichte** (история) – **Schichtung** (наслоение) и др.

Сопоставляя значения этих однокоренных слов, Хайдеггер приходит к своему пониманию *Geschick* как судьбоносного послания бытия человеку, свершающегося через событие, образующего наслоения подлинной истории. В рассуждениях о событии упоминалось, что оно может быть развернуто в сущем в своей полноте лишь при отнесенности человеческого внимания к нему. Как человек может находиться в отнесенности к чему-либо, если оно не проявлено в сущем? Для понимания этого Хайдеггер предлагает идею «посылов бытия», что предваряют грядущее событие. Здесь можно начать говорить об участии человеческого изволения. Представляется, что удачным примером для интерпретации концепции «посылов» будет поэзия: здесь сила слова неоспорима. Слово, наделенное весом смысла, в действительности способно изменять мир. Поэт — непревзойденный мастер слова, а в слове и речи развертывается вся жизнь

человечества, поэтому поэзия способна оказывать глубинное влияние на ход событий. Нисходящее на поэта вдохновение — это и есть посыл бытия (*Geschick*), который не происходит из самого творца, но может быть им впущен в действительность через творчество (а может быть и отвергнут). По Хайдеггеру, такой принцип распространяется не только на творцов и поэтов, но и на всех людей истории.

Заключение

Безусловно, в рамках данной статьи не были представлены все ключевые понятия исследуемой концепции. Для полноценного представления хотя бы о самых общих идеях бытийно-исторического проекта Хайдеггера необходимо проследить трансформацию понимания им истины и трактовки человеческого присутствия (*Dasein*). Созерцательная природа платонизма подменила суть понятия истины⁸ для всей европейской метафизики на многие века вперед, полагал Хайдеггер [Митлянская М.Б, 2019, с. 117] Однако были кратко раскрыты наиболее значимые фрагменты исследуемой концепции, что позволит создать базу для дальнейшего знакомства с материалами трактатов Хайдеггера после «Поворота».

Мартин Хайдеггер хотел донести до современников и грядущих поколений, что стремление европейской (*Abendland*) культуры к рационализации, системам, расчету, выступающее гарантами желаемых результатов, отдаляют ее от посылов Бытия, т.к. человек отворачивается от нужды поиска, от открытости к несотворенному, утрачивая единственный путь к подлинному осознанному и несинтетическому существованию. На каждом следующем витке развития европейской цивилизации объективация присваивает все большие сферы жизни, все глубже проникая в привычные паттерны мышления. Расчетливое техническое начало разверзается потоком идеологий в области политики, религии и иных сфер жизни, вынуждая к отказу от свободного мышления.

В бытийно-исторической концепции в специфической форме были осмыслены важнейшие процессы современного мира, анализ и ин-

⁸ Три стадии трансформации истины по Хайдеггеру: «ἀλήθεια» (несокрытость) - истина как событие; ομοίωσις «ὁμοίωσις» (подобие, уподобление) – истина по подобию; ὀρθότης «ὀρθότης» (правильность).

терпретация которых — ведущая профессиональная задача философов и историков философии. Поэтому бытийная история Хайдеггера в целостной форме должна быть доступна более широкому кругу интересующихся в русскоязычной среде.

Список литературы

Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.

Митлянская М.Б. Понимание истины в Бытийной истории М. Хайдеггера // Финиковый Компот. 2019. № 14. С. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2019-00017>

Пёггелер О. Новые пути с Хайдеггером: пер. с нем. М.: Владимир Даль, 2019. 637 с.

Фалёв Е.В. История как истолкование и историко-философский метод М. Хайдеггера // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 2, № 3. С. 30–39.

Фалёв Е.В. Был ли Мартин Хайдеггер «Реалистом»? (о недавней полемике между К. Лафонтом и Х. Дрейфусом) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 6. С. 19–29.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / пер. с нем. А.Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 584 с.

Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А.Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 526 с.

Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. с нем. яз. И. Глухой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.

Gabriel M. Is Heidegger's «Turn» a Realist Project? // META. Research in hermeneutics, phenomenology, and practical philosophy. 2014. Special issue: New Realism and Phenomenology. P. 44–73.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 1989. 513 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 66: Besinnung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 1997. 437 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 69: Das die Geschichte des Seyns. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 1998. 229 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 70: Über den Anfang. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2005. 201 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 71: Das Ereignis. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2009. 347 S.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 73.1: Zum Ereignis-Denken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2013. 897 S.

Koch W. What Homer can teach us about Seynsgeschichte // Proceedings of the Forty-Fifth Annual Meeting of the Heidegger Circle. Milwaukee, WI: Marquette University, 2011. P. 97–107.

Lin Ma. Heidegger on East-West Dialogue: Anticipating the Event. N.Y.: Routledge, 2008. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203927786>

Получено 23.04.2020

References

Bibikhin, V.V. (2009). *Ranniy Haydegger: Materialy k seminaru* [Early Heidegger: Seminar materials]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 536 p.

Falev, E.V (2014). *Byl li Martin Khaydegger «Realistom»? (O nedavney polemike mezhdu K. Lafont i Kh. Dreyfusom* [Was Martin Heidegger a «Realist»? On the controversy between C. Lafont and H. Dreyfus]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 6, pp. 19–29.

Falev, E.V. (2014). *Istoriya kak istolkovanie i istoriko-filosofskiy metod M. Khaydeggera* [History as an interpretation and the historical and philosophical method of M. Heidegger]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. Vol. 2, no. 3, pp. 30–39.

Gabriel, M. (2014). Is Heidegger's «Turn» a realist project? *META. Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy*. Special issue: New Realism and Phenomenology, pp. 44–73.

Heidegger, M. (1997.) *Bytie i vremya. Per. s nem. V.V. Bibikhina* [Being and time. Trans. from Germ. by V.V. Bibikhin]. Moscow: Ad Marginem Publ., 452 p.

Heidegger, M. (1989). *Gesamtausgabe. Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Complete edition. Vol. 65: Contributions to philosophy (from the event)]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 513 p.

Heidegger, M. (1997). *Gesamtausgabe. Bd. 66: Besinnung* [Complete edition. Vol. 66: Reflection]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 437 p.

Heidegger, M. (1998). *Gesamtausgabe. Bd. 69: Das die Geschichte des Seyns* [Complete edition. Vol. 69: The history of the Seyn]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 229 p.

Heidegger, M. (2005). *Gesamtausgabe. Bd. 70: Über den Anfang* [Complete edition. Vol. 70: About the beginning]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 201 p.

Heidegger, M. (2009). *Gesamtausgabe. Bd. 71: Das Ereignis* [Complete edition. Vol. 71: The event]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 347 p.

Heidegger, M. (2013). *Gesamtausgabe. Bd. 73.1: Zum Ereignis-Denken* [Complete edition. Vol. 73.1: Thinking about events]. Frankfurt: Vittorio Klostermann Publ., 897 p.

Heidegger, M. (2016). *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938). Per. s nem. A.B. Grigor'yeva* [Ponderings 2–6 (Black notebooks 1931–1938). Trans. from Germ. by A.B. Grigoriev]. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 584 p.

Heidegger, M. (2018). *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939). Per. s nem. A.B. Grigor'yeva* [Ponderings 7–11 (Black notebooks 1938–1939). Trans. from Germ. by A.B. Grigoriev]. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 526 p.

Heidegger, M. (2012). *Tsollikonovskie seminary. Per. s nem. I. Glukhovoy* [Zollikon seminars. Trans.

from Germ. by I. Glukhova]. Vilnius: EHU Publ., 406 p.

Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. Per. s nem. V.V. Bibikhina* [Time and being: articles and speeches. Trans. from Germ. by V.V. Bibikhin]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.

Husserl, E. (2004). *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 400 p.

Koch, W. (2011). What Homer can teach us about Seynsgeschichte. *Proceedings of the Forty-Fifth Annual Meeting of the Heidegger Circle*. Milwaukee: Marquette University Publ., pp. 97–107.

Lin, Ma (2008). *Heidegger on east-west dialogue: Anticipating the event*. New York: Routledge., 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203927786>

Mitlyanskaya, M.B. (2019). *Ponimaniye istiny v Bytynoy istorii M. Khaydeggera* [Understanding of the truth in M. Heidegger's seynsgeschichte]. *Fini-kovyy Kompot* [Date Palm Compote]. No. 14, pp. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2019-00017>

Peggeler, O. (2019). *Novye puti s Khaydeggerom. Per. s nem.* [New ways with Heidegger. Trans. from Germ.]. Moscow: Vladimir Dal' Publ., 637 p.

Received 23.04.2020

Об авторе

Митлянская Мария Борисовна

аспирант кафедры истории зарубежной философии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: divaeonor@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>

About the author

Maria B. Mitlyanskaya

Ph.D. Student of the Department
of History of Foreign Philosophy

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: divaeonor@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Митлянская М.Б. Ключевые понятия и идеи концепции бытийной истории Мартина Хайдеггера // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 384–394.

DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-384-394](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-384-394)

For citation:

Mitlyanskaya M.B. [Key notions and ideas of Martin Heidegger's «history of being» concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 384–394 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-384-394](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-384-394)

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-395-403

**ИНФАНТИЛИЗМ КУЛЬТУРЫ И ДЕМОНИЗАЦИЯ БЫТИЯ
(К ПРОЯСНЕНИЮ ПРОЕКТА ГЕРОИЧЕСКОГО ИСКУССТВА
М.К. МАМАРДАШВИЛИ)**

Поляков Александр Валерьевич

*Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского*

Анализируется используемое М.К. Мамардашвили противопоставление инфантильного сознания и героического искусства. При подробном рассмотрении феномена инфантильного сознания обнаруживается ряд принципов, лежащих в его основе. К таковым относится принцип тождества мышления и бытия в логическом его истолковании. В ходе изучения того, как данный принцип порождает области отсутствующего жизненного опыта (со стороны мышления или со стороны чувства), демонстрируется, как из него вырастает другой — принцип непознаваемости бытия, или демони́зации бытия. Особое внимание уделяется тому, как в таких условиях человеком взамен констатации немыслимости ситуации и процедуры самоопределения в мышлении производится процедура оценивания (немыслимость ситуации оценивается негативно и в таком виде закрепляется в мышлении). На основе данных выводов описывается ситуация, в которой под героизмом понимается нечто чуждое тем смыслам, которыми Мамардашвили наделяет положение о героическом искусстве. Чуждым является то, что в этой ситуации героизм выражается в качестве защиты от непознаваемости бытия. Делается акцент на важном для Мамардашвили принципе радио, который состоит в удержании конечной аподиктической формы между двумя полюсами — непознаваемого в чувственном опыте и непознаваемого в мышлении, с помощью этого принципа проясняется смысл его высказываний о героическом искусстве.

Ключевые слова: Мамардашвили, инфантилизм, героическое искусство, философия жестокости, Декарт, Кант, спор о древних и новых, действительность, возможность, время, бытие.

**CULTURE INFANTILISM AND DEMONIZATION OF BEING
(CONCERNING CLARIFICATION OF M.K. MAMARDASHVILI'S
HEROIC ART PROJECT)**

Alexander V. Polyakov

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov State University*

In this article, the author analyzes the contraposition between infantile consciousness and «heroic art» used by Merab Mamardashvili. Examining the phenomenon of infantile consciousness, the author discovers a number of principles underlying it. Studying how these principles give rise to areas of absent life experience (from the side of thinking or from the side of feeling), the author indicates how another principle grows out of it — the «unknowability of being» or «demonization of being». Under such conditions, a person performs an evaluation procedure instead of stating the inconceivability of a situation and the self-determination procedure (the inconceivability of a situation is evaluated negatively and is fixed in thinking in this way). Using these conclusions, the author describes a situation in which «heroism» is understood as something alien to the meanings Mamardashvili endowed the «heroic art» idea with. The al-

ianness shows itself in the way «heroism» is expressed as defense against the «unknowability of being». The author draws attention to the principle of ratio, important to Merab Mamardashvili, which consists in maintaining the final apodictic form between the two poles — the unknowable in sensory experience and the unknowable in thinking. With the help of this principle, the meaning of Mamardashvili's statements about «heroic art» is clarified.

Keywords: Mamardashvili, infantilism, heroic art, philosophy of cruelty, Descartes, Kant, Quarrel of the Ancients and the Moderns, reality, possibility, time, being.

В 1984 г., начиная свой курс по тексту романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», Мераб Константинович Мамардашвили берет в качестве заголовка для этого курса тему «время и жизнь» [Мамардашвили М.К., 2014b, с. 13]. Далее в каждой последующей лекции он будет расширять смысловой объем данных понятий. Ученый будет говорить о том, как возможен такой переход из одной точки времени к другой, при котором человек действительно осознает себя живым. Кратко данную проблему мы можем обозначить с помощью двух взаимосвязанных вопросов: во-первых, специфики дления времени, которое требует для себя участия человека, и, во-вторых, характеристики того отношения человека ко времени, при котором он видит в нем то уникальное место, которое только может занять своим участием. Каким образом человек может наделять приоритетом свое «я», которое не определяется через прошлое и не проецируется в будущее, а развивается в самом настоящем?

Проясняя плодотворные ходы в рамках данной темы, М.К. Мамардашвили конструирует ряд тезисных положений, из которых мы можем условно составить пары по принципу противопоставления: «впечатление» – «переживание», «труд жизни» – «инфантилизм», «акмэ» – «незрелость». И в рамках данной статьи мы ставим задачу определить те мыслительные ходы Мамардашвили, которые связаны с проблематикой инфантилизма, с проблематикой незрелого состояния человека.

В первую очередь инфантильное сознание характеризуется тем, что человек во всяком явлении видит только повод для его собственного переживания. В инфантильном мире внутренние причины явления, не относящиеся к переживанию человека, отсутствуют. И наоборот, источником переживаний человека всегда выступает всегда нечто внешнее по отношению к нему. Такому способу взаимодействия с миром противопоставляются зрелые проявления чело-

века, характерной чертой которых является перенос порождающего начала на самого человека: мы должны «видеть мир, в котором нет по отношению к нам намерений, и видеть прежде всего то, что из нас вырастает» [Мамардашвили М.К., 2014b, с. 102]. Такую активность человека, источником которой является не нечто внешнее, а внутреннее, Мамардашвили называет трудом жизни и героическим искусством.

Этот переход — от инфантилизма к героическому искусству — отображается в таком ключевом положении, как философия жестокости. Речь идет о следующей мыслительной операции: внимание со свойств объекта переносится на особенности состояния человека, в котором он сейчас находится. «Мы должны иметь мужество, смелость, например, вместо фразы “она очень мила” сказать “я получил удовольствие, целуя ее”» [Мамардашвили М.К., 2014b, с. 63]. Этот переход также можно изобразить в виде перемещения акцента в самой фразе: «я получил удовольствие, целуя ее» – «я получил удовольствие, целуя ее». Вопрос ставится таким образом, что в каждой новой ситуации человек видит повод для выявления признаков своей деятельности, своего мышления, но не повод для операций оценивания.

В докладе «Сознание и цивилизация» М.К. Мамардашвили говорит о двух типах ситуаций, одни из которых он называет описуемыми, а другие — неопишуемыми. И сложность столкновения с ними состоит в том, что внутреннее основание человека присутствует в обоих типах ситуаций, но во втором случае оно «вырождается в систему самоимитации и последовательных знаковых перерождений топоса сознания» [Мамардашвили М.К., 2014c, с. 13]. Речь идет о столкновении с ситуациями, в которых такие смысловые категории, как добро и зло, совесть, не имеют никакой определенности. И человек, сталкиваясь с ними, не обращается к героическому искусству, а определяет их в категориях, которые характерны

именно для инфантилизма, — в категориях плохого и хорошего. Сталкиваясь с невыносимой ситуацией, он дает ей отрицательную характеристику, а вместе с тем определяет для себя жизнь через стремление к тому, за чем он закрепляет статус идеала. Но и этот идеал максимально далекого от «плохой» ситуации не становится поводом для выявления того, каким образом он дается мышлению, а определяется только через процедуру оценивания («я получил удовольствие, целуя ее»). Таким образом, инфантильное умонастроение включается в порочный круг невыносимых и неопишуемых ситуаций именно ввиду того, что попытки определить характер действительности мышления здесь всегда опережает процедура оценивания.

В лекциях по античной философии, проясняя тезис Парменида о невыносимости небытия, Мамардашвили говорит о том, как в таких неопишуемых ситуациях человек загнан в угол и не имеет шанса совершить поступок, который был бы определенно добрым или определенно злым. Происходит это по причине того, что определенность психологических состояний существует лишь ввиду бытийственной формы, которая продуцируется мышлением. Но о таких ситуациях — вне бытийственной формы — мы можем говорить лишь на языке оценивания (добро–зло, плохое–хорошее) и будем в этом случае иметь только дурную бесконечность описаний (одному человеку здесь будет видеться зло, другому — добро). Причиной этого является то, что этим попыткам описания уже предшествует действительность небытийственной формы: «Мы можем говорить, но ситуацию, реальность мы не будем понимать, мы можем ее понять, отказавшись от психологического языка, хотя перед нами, казалось бы, психологические феномены (добрые или злые качества)» [Мамардашвили М.К., 2014а, с. 38]. Для таких ситуаций, в которых человек не может быть определенно добрым, определенно хорошим, определенно живым, характерно то, что всегда уже поздно вносить определенность и человек втянут в неживое, небытийственное пространство, которое в докладе «Сознание и цивилизация» Мамардашвили называет черной дырой [Мамардашвили М.К., 2014с, с. 9].

Для всех этих ситуаций, в которых «уже поздно» [Мамардашвили М.К., 2014с, с. 20], характерно следующее: тезис Аристоте-

ля «действительность предшествует возможности» истолковывается логически, а вместе с тем — аксиологически.

Трудно было бы спорить с тем, что для греческого сознания онтологический и логический смыслы данного высказывания слиты (А.Ф. Лосев так и обозначает философию Платона — «объективный идеализм» [Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А., 1993, с. 440], противопоставляя его субъективному идеализму И. Канта). Но для сознания греков также было характерно восприятие времени как циклического. Когда же данный тезис удерживается в применении к миру, за которым предусматривается линейное разворачивание времени, невольно допускаются ситуации, в которых то, к чему должен в мышлении прийти человек, уже наличествует и наделено большим приоритетом. «Я испытал удовольствие, целуя ее»: действительность человеческого поступка уже определена, но не может быть определена человеком самостоятельно, поскольку каждая ситуация уже описана в терминах предшествования. М.К. Мамардашвили говорит о том, что в мире всегда должно быть пустое место неизвестного, в котором может состояться его самостоятельный акт мышления. Собственно, и живое, жизнь он определяет как то, что может стать другим. И о том, как мы можем удерживать для себя греческое понимание бытия, он говорит следующим образом: «...то, что мы называем бытием, есть только нечто актуальное, потенциального бытия не бывает» [Мамардашвили М.К., 2012, с. 51].

Мыслимо лишь то, что творится человеком в бытии. Попытки определить законы этого творения до самого акта творения опираются на не актуальное в данный момент времени, на небытие, что и порождает упомянутые «черные дыры» человеческого сознания. Этот момент принципиальной нетождественности бытия и мышления в «Картезианских размышлениях» разворачивается в виде вопроса о том, возможен ли разговор о некоторой необходимости, которой подчинен Бог при творении мира. И Мамардашвили приводит такой мыслительный ход Р. Декарта: «Он шел не потому, что признавал нечто необходимым, а напротив, нечто стало необходимым потому, что Он шел» [Мамардашвили М.К., 1993, с. 46]. Этот важный для Мамардашвили мыслительный ход Р. Декарта подчеркивает и Т.А. Дмитриев [Дмитриев Т.А.,

2007, с. 187–190]. Для схоластической философии ключевым положением являлось то, как Бог не имеет возможности совершить акт, который противоречил бы законам логики, поскольку допущение противоречия обозначало бы его несовершенство. Р. Декарт же здесь будто бы пытается усидеть на двух стульях: он говорит о том, что научные положения являются вечными и неизменными, но при этом утверждает, что их действительность не распространяется на волю Бога. На самом деле французский философ здесь совершает ход, конгениальный И. Канту: человек так сотворен, что как истинное в мире он видит лишь логически непротиворечивое. Но к законам самого творения это не имеет никакого отношения. Таким образом, мы не можем использовать достоверные положения только человеческого мира для выявления законов творения. Поступая иначе, мы работаем с ситуациями следующего типа: человек усматривает некоторую аподиктическую достоверность в отношении двух пар объектов (А и В, С и D). Тогда на этапе сотворения мысли он уже имеет некоторую определенность и может выбирать, используя все тот же инфантильный метод оценивания: например, он скажет, что именно пара А и В ему кажется «хорошей». Вместе с тем так будет утверждаться субъективность инфантильного мировосприятия: говоря о тождестве бытия и мышления, человек претендует на объективность; но этот всегда уже совершенный выбор в пользу объектов А и В в таком случае становится раздражающим фактором (именно это заставит Ж.-П. Сартра говорить о «трагичности» бытия человека). Сама субъективность здесь неизбежно присутствует и неизбежно оценивается в негативном ключе. Так проявляется аксиологический смысл риторики предшествования: наиболее ценное (объективность, определенность мира и полнота присутствия), к которому стремится человек, всегда уже закрыто для него самим способом этого стремления (отсюда — «апокалиптический» тон философских высказываний Г. Гегеля и М. Хайдеггера).

Двигаясь по этому пути, инфантильно мыслящий человек не только свое положение описывает в терминах утраты, но и самой истории приписывает характеристики угасания. На этом фоне разгорается спор о древних и новых. Для обеих сторон характерно то, как предмет изу-

чения всегда уже рассматривается в качестве не имеющего отношения к впечатлениям, актуальным для момента настоящего. Например, «древними» античность оценивается как вершина философского мышления, и именно как находящиеся у ее подножия они говорят о греческих формах мысли как о каноне — «новые» уже подчеркивают эту невозможность актуализации мышления античности в настоящем и предлагают от канона отказаться. И. Кант, в свое время весьма заинтересованный данной дискуссией, находит следующий признак такого отношения к истории: внимание к усилиям, затрачиваемым на работу с культурным феноменом прошлого, не отличается человеком от внимания к самому феномену. Норберт Хинске, посвятившая отдельную главу своей книги описанию участия И. Канта в споре о древних и новых, пишет об этом так: «...Работа усвоения смешивается здесь, как полагает Кант, с работой мысли “усвоенного” автора. В этом смешении и состоит заблуждение, “иллюзия”, “отраженный” благоприятный свет, отбрасываемый на самого пишущего автора. Труд по раскрытию смысла сочинений древних авторов, так сказать, вовсе не позволяет уже человеку задаваться вопросом о том, разумно ли был приложен им этот труд» [Хинске Н., 2007, с. 91]. Последнее предложение данной цитаты отсылает нас к уже приводимому примеру: здесь человек не может позволить себе переход от инфантильного мировосприятия к утверждению «я получил удовольствие, целуя ее». В работе «Формы и содержание мышления» Мамардашвили точно так же выражает критикуемую им характерную черту философии Г. Гегеля: «...в этой абстракции природа и движение познающего мышления были уже с самого начала отождествлены с природой и движением объекта» [Мамардашвили М.К., 2011, с. 12].

Для дальнейшего прояснения данной проблемы мы можем использовать следующее важное для М.К. Мамардашвили положение И. Канта. В первой и третьей «Критиках...» немецкий философ говорит о том, что сознание дается человеку одновременно на двух уровнях: 1) на уровне чувственном, где обнаруживается то, что не может стать частью эмпирического опыта; 2) на уровне мышления, где оно (сознание)? наталкивается на то, что с помощью мышления конкретизировано быть не мо-

жет [Кант И., 1994, 2006]. Вторя здесь теории Р. Декарта о единстве двух субстанций, И. Кант постулирует художественное, творческое построение сознания. Например, художник, который рисует картину, данным чувств сейчас не доверяет, ведь в рамках этого творческого акта он предполагает их недостаточность. Источник его чувств — некий образ картины, который в самом творческом процессе не определен; но именно он заставляет его выбирать мазки с аподиктической точностью. Источник его чувств не поле, которое он видит, а то поле, которое он нарисует. Он использует память, подбирая различные данные восприятия, но то, что придает им форму (критерий отбора), есть чувство, данное ему «в кредит», — данные восприятия картины, которая будет написана в будущем. Вместе с тем он предполагает, как в картине будет воплощена некоторая мыслимая им идея красоты, которую он не может конкретизировать. Написание картины для него сейчас и подчеркивает актуальность действительности этой идеи: бытие здесь является актуальным. Мы имеем дело 1) с уровнем абстрактных идей, которые не могут быть конкретизированы (красота, справедливость, совесть, добро), и 2) уровнем данных чувств, которые нельзя связать с конкретным источником. И так же, как художник воплощает идею красоты в картине, человек воплощает идею человека в человеческом поступке. Говорить о сознании мы можем лишь там, где человек имеет опыт столкновения с неизвестным на обоих уровнях, там, где человек в полной мере имеет возможность взять ответственность за то, что вне его участия не может быть определено. «Так вот, эта точка — пустота характеризуется еще одним словом у Пруста, и это важно для вырастания, для темы антиинфантилизма; это точка Неизвестного, или Другого» [Мамардашвили М.К., 2014b, с. 102].

И. Кант смещает угол рассмотрения того, что Г.В. Лейбниц называл принципом предустановленной гармонии: в качестве условия порождения сознания он видит определенность соотношения между этими уровнями — уровнями немыслимого и неоощуяемого. Так художник видит соотношение между неопределенной, но актуализируемой им сейчас идеей красоты и тем неопределенным в настоящий момент образом картины, которую он рисует.

Этот принцип Мамардашвили оформляет в виде тезиса о пропорции «между тем, что нельзя выдумать, измыслить актом голой мысли, и тем, что нельзя наблюдать (получить наблюдением)» [Мамардашвили М.К., 2012, с. 33]. И инфантильное сознание всегда будет проявляться в условиях того, как точка Неизвестного отсутствует на том или на ином уровне, нарушая тем самым гармонию; и только усматривая в мире такую гармоничность, такое соотношение, человек может брать ответственность за себя, быть собою с той точностью, которую ему обеспечивает удерживаемое им постоянство такой гармонии.

Это положение можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, внося определенность в область мышления, человек одновременно видоизменяет ситуацию в двух отношениях: 1) разрушается гармония актуального соотношения мыслимого и чувственного; 2) чувственный опыт наделяется негативными характеристиками и мышление наделяется функцией спасения от негативности чувственного восприятия; и если мы понимаем, что чувственный опыт является не просто опытом восприятия объектов, а частью сознания (как опыт восприятия недоступного чувствам), то можем увидеть, как внесение такой определенности в область мыслимого определяет негативно часть сознательного человеческого опыта. В таком случае мышление, предполагающее для себя тождество мышления и бытия, автоматически обнаруживает в сознании негативное, от которого ищет спасения; и обнаружение такой угрозы является неотъемлемым свойством такого мышления. Это возвращает нас к положениям ранней работы Мамардашвили «Формы и содержания мышления». Именно такой ход мысли он связывает с философией Г. Гегеля: «Но проблема-то как раз заключается в том, чтобы понять этот специфический факт исходя из общей независимости бытия и мышления и подходя к науке с точки зрения отражения. Только так его и можно понять. Гегель лишил себя этой возможности и мистифицировал обнаруженные им свойства абстрактного, обобщенного содержания процессов познания, объявив предмет вообще реализацией мысли и не видя в нем никакого другого содержания, кроме того, которое продиктовано законами мысли» [Мамардашвили М.К., 2011, с. 55]. Там, где точка

Неизвестного отсутствует на уровне мышления, инфантильность мышления раскрывается в том, как нарушенность гармонии заставляет человека отождествлять факт события мысли с содержанием мышления («я получил удовольствие, целуя ее»). Тогда «всегда уже поздно»: переживание события мысли как отделенное от его содержания всегда уже выражено в терминах, ему чуждых (в содержании). И этот чувственный опыт, являющийся основанием сознания человека, описывается как всегда предшествующий. И как всегда предшествующий он определяется негативно и требует поиска в человеке механизмов защиты.

В.С. Библер, говоря о возможной логике происхождения понятий и теорий, проговаривает этот характерный момент философии Г. Гегеля так: «Коль скоро речь идет именно о логике коренного *преобразования* теорий, а не об их происхождении, то не хочешь не хочешь, но новой теории уже (просто феноменологически) предшествовала “старая” теория; определенная связь между ними *уже* есть, и ее необходимо “только” осмыслить (обосновать) логически» [Библер В.С., 1975, с. 26].

С другой стороны, мы можем рассматривать, как определенность может вноситься в область чувств. В таком случае мы говорим о том, как: 1) нарушается описанный ранее принцип гармонии; 2) нет точки Неизвестного в чувственном опыте, в которой человек ощущает себя ответственным за самого себя в поступке; не в области мысли, а в области, мышлению неподвластной, находится основание бытийствования человека, и это основание не может стать для него актуальным, не проявляется им в поступке, а всегда уже есть («всегда уже поздно»). Здесь мы наталкиваемся на фигуру М. Хайдеггера. П.П. Гайденко обнаруживает общее для философских проектов Г. Гегеля и М. Хайдеггера, обозначая смещение приоритета с действительности на возможность в рамках общего для них хода: «Для Хайдеггера человек не есть то, чем он уже стал, как это было у Гегеля, — напротив, главное в человеке — это то, чем он еще не стал — возможность. Если взгляд Гегеля устремлен на действительное, т.е. в прошлое, то Хайдеггер все внимание сосредотачивает на еще не реализованном, т.е. на будущем. Если для Гегеля понять — значит вскрыть необходимость, то для Хайдеггера по-

нять — значит увидеть возможность. Вот почему понимание у Хайдеггера тождественно возможности» [Гайденко П.П., 1963, с. 41]. Ранее мы говорили о логическом истолковании тезиса «действительность предшествует возможности». Но при таком смещении приоритета в сторону возможности не меняется сам принцип предшествования, основанием для которого служит тождество бытия и мышления. На место понятий, выстроенных в сфере мышления (как это было у Г. Гегеля), будут ставиться понятия, строго закрепленные за областью чувственного. Невозможность их артикулирования рациональным способом предшествует всякому акту мышления.

В «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер говорит о «тихой силе Возможного» [Хайдеггер М., 2007, с. 269] и противопоставляет действиям человека с понятиями и категориями заключение о том, что «во всем и всегда действие разума коренится в том, что до всякого восприятия сущего в его бытии само Бытие уже осветило себя и сбылось в своей истине» [Хайдеггер М., 2007, с. 273].

Как мы знаем, данная работа является ответом на статью Ж.-П. Сартра, позиция которого явно более близка к позиции М.К. Мамардашвили. В утверждении о том, что «экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [Сартр Ж.-П., 1990, с. 323], эта близость очевидна. Но Ж.-П. Сартр лишь находит нечто пугающее и иррациональное в том, как в ситуации, основанной на тождестве мышления и бытия, человек принимает ответственность за иррациональность выбора одного из положений области мышления. Область чувственного определяется как область положений, всегда уже предопределенных, но всегда недоступных человеку в настоящий момент — в момент совершения выбора. За эту «ангажированность» непознаваемым человек и должен нести ответственность. Каждый новый выбор, каждый новый поступок уже дискредитированы ввиду невозможности прояснения сферы чувственного. И в каждом новом поступке человек определяется в этой бессмысленности своего существования.

В лекциях по социальной философии М.К. Мамардашвили вводит понятие актуалогенеза для обозначения направления мышле-

ния, при котором основание человеческого поступка не может им выводиться как предшествующее, т.е. такое умонастроение является признаком инфантилизма. Основание поступка актуализируется на обоих уровнях через построение его гармоничной формы. Как принцип самоопределения актуалогенез подобен принципу героического искусства, и, обращаясь к нему, Мамардашвили описывает способы самоопределения в непознаваемом с помощью аподиктично усматриваемой гармонии. Форма этой гармонии всегда создается человеком как орган порождения его конечной жизни и не отсылает как к основанию ни к неоформленному опыту мышления, ни к неоформленному опыту чувственного восприятия. Здесь речь идет о поступке, который ввиду наличия точки Неизвестного в обеих областях может наиболее полно утверждать свое конечное существование. Именно поэтому актуалогенез «всегда в конкретном и конечном. Отсюда, если он невыносим, возможно, зло в законе, ненависть ко всему человеческому в свете “высшего” и “идеального”. Демонизация неизвестного в этом немоготном и всестороннем насильственном воздействии» [Мамардашвили М.К., 2012, с. 50]. Принцип тождества бытия и мышления порождает представление о наличии всегда уже познанных принципах развития одной из областей, что приводит к разговору о другой области как менее подлинной. Отсюда операции оценивания наличного как менее совершенного по сравнению с совершенством обозначенного как познанного основания человеческого существования.

Так выстраивается инфантильное сознание, порождающее «черные дыры» — места нечеловеческого в человеческом. Мамардашвили практически в каждом лекционном курсе подчеркивает, что мышление человека всегда склонно порождать ситуации такой демонизации бытия, в которых собственное основание человека мыслится как непознаваемый идеал. «Они испугались “непонятности” бытия (экзистенциализм), а потом примирились (Хайдеггер как “не”-экзистенциалист)» [Мамардашвили М.К., 1996, с. 155]. Он прокладывает путь мысли через важный для него тезис И. Канта о продуктивном воображении [Мамардашвили М.К., 2011, с. 114], через анализ понятия превращенной формы в работах К. Маркса. В

рамках феноменологической традиции он придерживается проекта Николая Гартмана [Мамардашвили М.К., 2017, с. 490–491], который, кстати, вступал в спор с М. Хайдеггером именно по поводу того, как, по его мнению, феноменология не может выстраиваться на основаниях тождества мышления и бытия, и критиковал направленность его феноменологического проекта на познание [Гартман Н., 2003, с. 150–152].

Вместе с тем мы можем здесь более детально описать разрыв между описуемыми и неописуемыми ситуациями, о которых М.К. Мамардашвили говорит в докладе «Сознание и цивилизация». Для героического искусства, которое освещается Мамардашвили в лекциях о М. Прусте, характерно удержание гармоничной формы, связанной с точкой Неизвестного, расположенной в обеих областях: области чувственного и области мыслимого. Но ему всегда вторит героизм другого толка, который выстраивается следующим образом:

1) инфантильное отношение к миру, заключающееся в том, что в мире всегда находится точка, по отношению к которой человек пассивен («я получил удовольствие, целуя ее»);

2) принцип тождества мышления и бытия, являющийся основанием такого отношения;

3) «черные дыры» отсутствующего опыта восприятия данной точки, данного положения;

4) демонизация бытия: человек находит факт такого отсутствия опыта как нечто устрашающее и вместе с тем как то, что непосредственно влияет на его жизнь;

5) попытки примириться с этим «злом», самим же мышлением и порождаемым, путем создания механизмов защиты, что и может обозначаться как героизм;

6) создание иерархии по степени защищенности, по принципу отдаленности от опыта настоящего, в котором раскрывается осознание «черной дыры». Отсюда логика регресса и вытекающие из нее критика прогресса, критика современности. Собственно, так же выстраивается и логика прогресса (см. рассуждения по поводу спора о древних и новых). Аксиологическое истолкование тезиса «действительность предшествует возможности».

Таким образом, героическое искусство, о котором говорит М.К. Мамардашвили, раскрывается в ситуациях описуемых ввиду того, что са-

мо движение мышления в этих ситуациях делает их мыслимыми, ввиду того, что всегда есть точка Неизвестного, в которой человек имеет возможность самоопределиться в мышлении («я получил удовольствие, целуя ее»). Иного толка «героизм» также имеет средства описания, но они уже являются средствами защиты от непознаваемости бытия. По содержанию подобные описания могут быть такими же, но они всегда будут не актуальны моменту настоящего ввиду того, что «зазор», в котором должен исполниться человек, всегда уже описан в терминах предшествующей полноты. Здесь время как «отличие предмета от самого себя» [Мамардашвили М.К., 2014b, с. 251] не может исполниться. То, по отношению к чему должно проводиться отличие, уже полагается определенным. Требуемое для себя точки вневременного, точки Неизвестного, время застывает, что заставляет человека в дурной повторяемости событий проводить операцию отличия не в самом себе, а отношению к объектам окружающего мира, всегда чуждым его сознанию.

Список литературы

Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.

Гайденко П.П. Экзистенциализм и проблема культуры. М.: Высш. школа, 1963. 120 с.

Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.

Дмитриев Т.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М.: ИФ РАН, 2007. 231 с.

Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. 512 с.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Примечания // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / пер. с древнегреч.; общ.ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 413–509.

Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, 2012. 320 с.

Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс–Культура, 1993. 352 с.

Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2014. 256 с.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2017. 512 с.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. Т. 2. 1232 с.

Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация: выступления и доклады. СПб.: Лениздат, 2014. 384 с.

Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, 2011. 284 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А. Санина // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–345.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем.; сост. В.В. Бибихин. СПб.: Наука, 2007. С. 266–306.

Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007. 296 с.

Получено 23.06.2020

References

Bibler, V.S. (1975). *Myshlenie kak tvorchestvo (vvedenie v logiku myslennogo dialoga)* [Thinking as creativity (introduction to the logic of mental dialogue)]. Moscow: Politizdat Publ., 399 p.

Dmitriev, T.A. (2007). *Problema metodicheskogo somneniya v filisofii Rene Dekarta* [The problem of methodological doubt in the Rene Descartes philosophy]. Moscow: IP RAS Publ., 231 p.

Gaydenko, P.P. (1963). *Ekzistentsializm i problema kul'tury* [Existentialism and the problem of culture]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 120 p.

Hartmann, N. (2003). *K osnovopolozheniyu ontologii* [Ontology: Laying the foundations]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 640 p.

Heidegger, M. (2007). *Pis'mo o gumanizme* [Letter on humanism]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. Per. s nem. V.V. Bibikhina [Time and being: articles and speeches. Trans. from Germ. by V.V. Bibikhin]. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 266–306.

Hinske, N. (2007). *Mezhdru prosvescheniem i kritikoy razuma: etyudy o korpuse logicheskikh rabot Kanta* [Between enlightenment and criticism of the mind: studies on Kant's case of logical works]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 296 p.

Kant, I (1994). *Kritika chistogo razuma. Per. s nem. N.O. Losskogo* [Critique of pure reason. Trans. from Germ. by N.O. Lossky]. Moscow: Mysl' Publ., 591 p.

Kant, I (2006). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 512 p.

Losev, A.F. and Taho-Godi, A.A. (1993). *Primechaniya* [Notes]. *Platon. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 2* [Plato. Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 413–509.

Mamardashvili, M.K. (2011). *Formy i sodержanie myshleniya* [Forms and substance of thinking]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 284 p.

Mamardashvili, M.K. (1993). *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian reflections]. Moscow: Progress–Kul'tura Publ., 352 p.

Mamardashvili, M.K. (2014). *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 256 p.

Mamardashvili, M.K. (1996). *Neobkhodimost' sebya* [Necessity of self]. Moscow: Labirint Publ., 432 p.

Mamardashvili, M.K. (2017). *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [Essay on modern European

philosophy]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili Publ., 512 p.

Mamardashvili, M.K. (2014). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of the way]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili Publ., vol. 2, 1282 p.

Mamardashvili, M.K. (2014). *Soznanie i tsivilizatsiya: Vystupleniya i doklady* [Consciousness and civilization: Speeches and reports]. Saint Petersburg: Lenizdat Publ., 384 p.

Mamardashvili, M.K. (2012). *Vil'nusskie lektsii po sotsial'noy filosofii (Opyt fizicheskoy metafiziki)* [Vilnius lectures on social philosophy (The experience of physical metaphysics)]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 320 p.

Sartre, J.-P. (1990). *Ekzistentsializm — eto gumanizm. Per. s fr.* [Existentialism is a humanism. Trans from French]. *Sumerki bogov, sost. i obsch. red. A.A. Yakovleva* [Twilight of the gods, ed. by A.A. Yakovlev]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–345.

Received 23.06.2020

Об авторе

Поляков Александр Валерьевич

ассистент кафедры «Философия»,
Саратовский государственный технический
университет им. Ю.А. Гагарина,
410054, Саратов, ул. Политехническая, 77;

аспирант кафедры теоретической
и социальной философии,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университе
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

e-mail: waywomaki@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8437-9625>

About the author

Alexander V. Polyakov

Assistant of the Department of Philosophy,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77, Politekhnicheskaya st., Saratov, 410054, Russia;

Ph.D. Student of the Department of Theoretical
and Social Philosophy,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russia;

e-mail: waywomaki@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8437-9625>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Поляков А.В. Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М.К. Мамардашвили) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 395–403. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-395-403

For citation:

Polyakov A.V. [Culture infantilism and demonization of being (concerning clarification of M.K. Mamardashvili's heroic art project)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 395–403 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-395-403

УДК 111.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-404-417

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНЦИАЛЬНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Лоскутов Юрий Викторович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Раскрывается содержание понятия субстанции. Рассматривается актуальность субстанциального объяснения в философской и общенаучной методологии современного материализма. Анализируются методологические особенности субстанциального объяснения: выбор диалектики как общей методологии выведения теоретических представлений о субстанции (в противовес индуктивному подходу и представлениям о праматерии), соотношение всеобщей субстанции и особенных субстанций, рассмотрение субстанции как абсолютной реальности, выделение фактических индикаторов субстанциальности в контексте постнеклассической научной рациональности, развертывание субстанциального объяснения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному (включая проблему онтологической и эпистемологической «клеточки»), а также субстратный подход и определение субстанциального атрибута. Вводится понятие субстанциального атрибута — процессуальной основы самовоспроизводства формы материи или материи в целом. Данное понятие выражает процесс, без которого та или иная субстанция не могла бы являться причиной самой себя, т.е. субстанцией. Для бесконечной материальной субстанции субстанциальным атрибутом выступает саморазвитие, но в каждой особенной материальной субстанции оно обладает конкретной спецификой, соответствующей уровню сложности той или иной особенной субстанции. В связи с этим обозначаются различные виды субстанциальных атрибутов в структуре основных форм материи: в физическом мире — самоподдерживающаяся термоядерная реакция, в химическом мире — автокатализ, в биологическом мире — аутопоэзис, в социальном мире — труд. Таким образом, с помощью вышеперечисленных аспектов обосновывается тезис о том, что современный материализм, сопряженный с диалектикой, создает ряд важных методологических предпосылок для того, чтобы субстанциальное объяснение использовалось не только в качестве философского, но и в качестве общенаучного метода.

Ключевые слова: материя, субстанция, субстанциальное объяснение, диалектика.

METHODOLOGICAL FEATURES OF SUBSTANTIAL EXPLANATION IN CONTEMPORARY MATERIALISM

Yuri V. Loskutov

Perm State University

In the paper, the content of the concept of substance is defined; the relevance of substantial explanation in philosophical and general scientific methodology of modern materialism is considered; the methodological features of substantial explanation are analyzed. Among these features are the choice of dialectics as general methodology for deriving theoretical ideas about substance (as opposed to the inductive approach and ideas about pramatter), the relations between the universal substance and special substances, the consideration of substance as an absolute reality, the actual indicators of substance in the context of postnonclassical scientific rationality, the development of substantial explanation from the concrete to the abstract and vice versa (including the problem of the ontological and epistemological «cell»), as well as the substratum approach and the definition of substantial attribute. The concept of substantial attribute is introduced, which is the procedural basis for the self-reproduction of a form of matter or of the matter as a

whole. This concept expresses a process without which this or that substance could not be the cause of itself, i.e. the substance. For an infinite material substance, self-development is a substantial attribute, but in each particular material substance it has specific features corresponding to the level of complexity of the substance. In this regard, different types of substantial attributes are identified in the structure of the main forms of matter: in the physical world — a self-sustaining thermonuclear reaction, in the chemical world — autocatalysis, in the biological world — autopoiesis, in the social world — labor. Thus, with the help of the above aspects, the paper substantiates the thesis that modern materialism, coupled with dialectics, creates a number of important methodological prerequisites for substantial explanation to be used not only as a philosophical but also as a general scientific method.

Keywords: matter, substance, substantial explanation, dialectics.

В научном познании необходимость субстанциального объяснения возникает тогда, когда «задача заключается в распознавании скрывающейся за видимостью явлений сущности. В субстанциальном аспекте данная проблема встает еще и как задача отыскания единой, всеобщей сущности данного круга явлений, которые должны быть поняты как структурированные модусы этой субстанции» [Орынбеков М.С., 1975, с. 151]. Онтологический плюрализм в философии односторонне фиксирует качественное многообразие явлений той или иной реальности в ущерб ее субстанциальному единству и потому заявляет о «закате» идеи субстанции [Петросян Ю.С., 2015], однако даже открыто антисубстанциальным философским воззрениям неизбежно присущ имплицитный субстанциализм [Жилина В.А., 2009, с. 116]. Более того, К. Маркс продемонстрировал в «Капитале» применительно к своему частнонаучному предмету исследования наличие достоверной эмпирической базы субстанциального объяснения. Это доказывает возможность применения понятия субстанции не только в философии, но и в частных науках.

Причинно-следственные связи получают ясное онтологическое основание только в том случае, если рассматривается самопричинность, присущая субстанции. Напротив, отсутствие субстанциального анализа неизбежно приводит исследователей к простой фиксации явлений в их случайных и внешних связях [Орынбеков М.С., 1975, с. 160]. В этом случае «причинность начинает трактоваться субъективистски. Если причин множество, то выбор одной или нескольких из них в качестве определяющих изучаемую область действительности остается на усмотрение самого исследователя. Выбор «объяснительной причины» оказывается произвольным, не имеющим никакого объек-

тивного, даже в смысле общезначимого, критерия» [Корякин В.В., 2008, с. 73]. В итоге причинно-следственные цепочки уходят в дурную бесконечность. Разумеется, при таком подходе не может быть и речи о самообоснованности теоретических построений, которая возникает при адекватном отражении реальности, являющейся причиной самой себя в рамках того или иного круга явлений.

Современный материализм, сопряженный с диалектикой, является открыто субстанциалистским философским направлением, в котором традиционное понятие субстанции получает относительно новый смысл. Этот смысл лишь в некоторой степени нов потому, что современный материалистический подход сохранил многие черты традиционной категории субстанции: абсолютность, самопричинность, приоритет необходимости над случайностью и т.д. Вместе с тем в действительности новым аспектом для теории субстанции в мировой философии является непосредственная связь понятия субстанции с понятием материи. Соответствующее определение субстанции мы находим у Э.В. Ильенкова: субстанция — это «объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей» [Ильенков Э.В., 1970, с. 151]. На наш взгляд, тремя неотъемлемыми аспектами понятия субстанции выступают следующие: 1) субстанция — это абсолютная (безусловная) реальность; 2) субстанция является причиной самой себя (*causa sui*); 3) субстанция — это сущность того или иного круга явлений. Таким образом, мате-

рию как субстанцию можно определить как объективную реальность, рассматриваемую не только как абсолютную реальность по отношению к сознанию, но и как причину самой себя, а также в качестве сущности предметного мира.

Методологические особенности субстанциального объяснения в современном материализме являются открытой и во многом дискуссионной проблемой. На наш взгляд, эта проблема не только философская, но и общенаучная. Мы предлагаем свой перечень этих особенностей, подвергая каждый его пункт специальному рассмотрению.

1. Диалектика как общая методология выведения теоретических представлений о субстанции

В современной материалистической философии существуют три альтернативных подхода к выведению понятия субстанции. Первым из них выступает устаревшее, интеллектуально «снятое» представление о материальной субстанции как о конкретном субстрате (праматерии). С такого представления о материи и начинался в древности философский материализм. Несмотря на то, что «понимание материальной субстанции как праматерии ... не подтверждаются эмпирическими данными современной науки и не может быть логично увязано с основными положениями диалектического материализма» [Орлов С.В., 1980, с. 103], до сих пор еще встречаются случаи философских утверждений о существовании субстанции в качестве той или иной праматерии [Манеев А.К., 1980, с. 17; Шапиро О.Ш., 1998, с. 42].

Второй из указанных подходов, который можно назвать индуктивным, излагает М.Г. Зеленцова: «Понятие субстанции в материалистической онтологии есть обобщение, возникающее на основе представления о вещах, существующих в мире. Мы отвлекаемся от всех различий между вещами и создаем абстракцию вещи вообще, всеобщей вещи, мира в целом как вещи» [Зеленцова М.Г., 2001, с. 80]. Однако такой подход несостоятелен ввиду бесконечности мира. В материалистической онтологии бесконечность мира понимается в трех смыслах: как бесконечное качественное и количественное многообразие мира, бесконечность движения и развития, бесконечность пространства и времени [Орлов В.В., 1985, с. 22]. С од-

ной стороны, «поскольку конечное существует только в бесконечном, мы никогда не познаем конечное в его чистом виде, как таковое, в его завершенной конечности. Конечное реально познается только как момент бесконечного. Поэтому, мы имеем право сказать, что в некотором существенном значении слова мы познаем не конечное, а бесконечное» [Орлов В.В., 1974, с. 80]. С другой стороны, «чистая» бесконечность как отрицание всякой конечности и определенности, распространяясь на самое себя, также с неизбежностью себя отрицает. Таким образом, понятие бесконечности не является самодостаточным, а подчинено понятию материи [Орлов В.В., 1974, с. 52, 57], раскрывающемуся в качестве понятия материи как субстанции: «Введение представления о бесконечном ряде широких предметных областей ... ставит вопрос о фундаментальной подоплеке: фрагментами какой сущности или реальности выступают эти области предметов? Процедура поиска такого субстанциального признака в истории философской мысли “исхожена вдоль и поперек”. Естественно, основным направлением такого поиска служила индукция как движение от частного к общему. Однако в силу все той же бесконечности такой путь оказывается принципиально незавершимым и не может привести к искомому результату. ... Определение способа обнаружения всеобщего “признака” предметного мира является наиболее важным открытием научной философии, марксистской философии. В наиболее развитом виде этот способ изложен и обоснован В.И. Лениным в работе “Материализм и эмпириокритицизм”. Он заключается в определении предметного мира через противопоставление сознанию» [Орлов В.В., 2014, с. 15]. В.И. Ленин указывает на то, что «единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» [Ленин В.И., 1968, с. 149].

Ленинское определение материи [Ленин В.И., 1968, с. 131, 149, 276] является ключевым для опровержения тезиса И. Канта о непознаваемости мира (который, по Канту, вполне может мыслиться бесконечным) человеком, имеющим всегда конечный опыт: «Определить что-либо — это значит отличить его от чего-то другого. Но от чего можно отли-

чить бесконечный мир, включающий в себя все существующее, данный, так сказать, в единственном числе? Ни путь простой индукции, ни связанный с ним способ определения “через отличие от другого” сами по себе не могут привести к решению ключевой проблемы мировоззрения. Остается, однако, еще один путь: попытаться отличить мир как целое от какой-либо его собственной “части” или “момента”, отличить всеобщее от особенного. В каком случае это оказывается возможным? Такая возможность существует, если искомая “часть” мира, или особенное, находится в универсальном, всестороннем отношении к миру в целом, к его сущности, то есть является его универсальной противоположностью, или, на языке диалектики, его “своим другим”. К тому же искомая универсальная противоположность бесконечного мира должна быть достаточно содержательной, чтобы служить его своеобразным зеркалом. Этой универсальной противоположностью бесконечного мира является человеческое сознание, идеальное. Сознание находится в универсальном отношении к внешнему миру, что выражается, в частности, в его способности к отражению любых предметов и явлений бесконечного мира, его всеобщих черт или сущности. Эта универсальность зафиксирована в марксистской философии в содержании принципа познаваемости мира человеком» [Орлов В.В., 1985, с. 28–29].

Обнаружение всеобщего признака предметного мира через его противопоставление сознанию является предпосылкой для третьего материалистического подхода к выведению понятия субстанции, основанного уже не на формально-логической индукции, а на диалектическом восхождении от абстрактного к конкретному [Ленин В.И., 1969, с. 142–143]. Изначально абстрактно противопоставляемое понятию сознания, понятие материи затем конкретизируется, включая в свое содержание понятие сознания: «В широком философском смысле категория субстанции есть определение материи, если ее рассматривать не со стороны ее абсолютной, а со стороны относительной противоположности сознанию. Тем самым здесь фиксируется тот аспект, в котором материя выступает не только как объект познания, но и как его субъект, как мыслящая, познающая материя. ... Иначе говоря, в категории субстанции зафиксирован ас-

пект единства мира — мира природы и мира познающего ее человека» [Орынбеков М.С., 1987, с. 344].

Субстанциальное единство объективной реальности предполагает наличие и ее процессуального единства. Материя как субстанция является одновременно и сущностью, и существованием мира. Сущность и существование не предшествуют друг другу: сущность существует, а существование сущностно [Кучевский В.Б., 1993, с. 74–75, 81]. Существование материи как сущности бытия находит выражение в категории движения: «Посредством категории движения схватывается способ реализации взятой самой по себе сущности бытия, которая в этой связи осмысливается не как неизменное и застывшее начало, а как процесс» [Кучевский В.Б., 1983, с. 234].

Реальное движение материи, в отличие от гегелевской спекулятивной конструкции, не является порождением особенного и единичного всеобщим. Соответственно, система категорий современного материализма строится не по принципу формально-логической широты категорий, а по принципу раскрытия их внутренней и необходимой взаимосвязи, основанной на включении содержания одной категории в содержание другой [Акулов В.Л., 1982, с. 37–38]. Вместе с тем процесс построения философской категориальной системы включает не только действие «внутренней» логической необходимости развертывания философского знания, но и привлечение «извне» эмпирического материала различных наук [Орлов С.В., 1980, с. 140].

Возможность и необходимость такого привлечения связана с тем, что способность быть объективной реальностью относится не только к материи в целом, но и к отдельным материальным предметам, а также к их свойствам [Орлов В.В., 1974, с. 25]. С этим тезисом polemизирует А.В. Ерахтин: «Найти такой признак, который был бы присущ и предметам, и их свойствам, и субстанции, и ее атрибутам, невозможно, поскольку свойство субстанции не может быть одновременно и свойством ее атрибута, как и свойство вещи не есть свойство ее свойств» [Ерахтин А.В., 2018, с. 209]. Такая точка зрения выглядит необоснованной, ибо если атрибуты принадлежат субстрату, образуя вместе с ним субстанцию, то все, что принадлежит атрибутам, тем самым принадлежит и

субстрату, и субстанции в целом. Следовательно, идея объективной реальности является не только философской, но и общенаучной идеей. М.С. Орынбеков обоснованно рассматривает диалектику выведения всеобщего применительно к общенаучной методологии: «Проблема обоснования всеобщего принципа любой теории показывает коренное отличие диалектико-логического подхода от формальных и эмпирических методов построения знания, поскольку задача целостного построения теоретического знания не решается посредством формальной логики. Последняя, когда ставит вопрос о теоретическом воспроизведении объекта, сводит данную задачу к выявлению общего, существенного признака посредством сравнения единичности данного класса с другими, что сразу же обнаруживает ущербность такого подхода по сравнению с действительной ролью понятия в ткани конкретного знания. Самое большее, на что может претендовать формальное обобщение, формальная выработка понятия — функция различения видов предметов, пригодная лишь для классификации и упорядочения. Следовательно, вопрос состоял в понимании исходного всеобщего, т.е. в конечном счете о методе мышления, логике саморазвивающейся целостной системы, полагающей органы и функции процесса развития из самого себя» [Орынбеков М.С., 1975, с. 139].

2. Всеобщая субстанция и особенные субстанции

Применение субстанциального объяснения не только в философской, но и в общенаучной методологии обусловлено наличием особенных субстанций в структуре всеобщей субстанции. Источником саморазвития субстанции служат ее внутренние противоречия и прежде всего — противоречие между тождеством и различием: «С точки зрения субстанциально-системного подхода, самой простой и всеобщей формой диалектического противоречия, т.е. противоречием в самом субстанциальном начале-основании предмета (системы), должно быть признано конкретное тождество, точнее единство (взаимопереход, взаимопроникновение), тождества и различия, которые и выступают противоположными моментами любого диалектического противоречия в его наиболее простой форме» [Кайдалов В.А., 1982, с. 32]. Дан-

ное противоречие выражено в процессе самоотрицания субстанции, порождающем различные формы ее движения [Кайдалов В.А., 1982, с. 48]. Такой диалектический подход позволяет решить в принципиальном виде проблему соотношения субстанции как сущности мира в целом и субстанции как сущности того или иного ограниченного круга явлений (например, формы материи) — проблему, так или иначе присутствующую в мировой философии начиная с Декарта.

Д.И. Широканов утверждает, что «материя как всеобщая субстанция не существует вне особенных, конкретных форм бытия, от которых зависят определенные способы единства в той или иной области действительности. Как общая внутренняя основа явлений определенной области действительности такие формы материи выступают по отношению к материи в целом как особенные формы субстанции (“особенные субстанции” — химическая, биологическая и т.д.)» [Широканов Д.И., 1974, с. 5]. Эта идея близка М.С. Орынбекову: «В материалистической диалектике ... особенное и единичное не просто подводится непосредственно под всеобщее ... а существуют как формы собственного развития, особые формы самодвижения субстанции» [Орынбеков М.С., 1991, с. 74]. Вместе с тем С.В. Орлов вносит в идею особенных субстанций долю скепсиса: «Отдельные материальные образования и процессы являются причиной самих себя только в очень ограниченном и условном смысле: с тех пор, как они возникли из каких-то других явлений и в той мере, в какой они не испытывают направляющего воздействия внешних сил» [Орлов С.В., 1980, с. 144]. Тем не менее не стоит, подобно С.Ф. Мартыновичу, считать особенные субстанции лишь мысленными идеализациями [Мартынович С.Ф., 1980, с. 53–54]. Дело в том, что конкретно-всеобщий характер материи идеализацией не является.

«Изменение и развитие внешних форм, явлений так или иначе выражает развитие внутренней основы, субстанции явлений» [Широканов Д.И., 1974, с. 41]. Именно поэтому необходимо не только раскрывать внутреннюю основу (субстанцию) изучаемого круга явлений, но и анализировать исторические формы проявления этой субстанции, выявляя закономерности ее развития с помощью принципа единства ис-

торического и логического [Широканов Д.И., 1974, с. 39–40]. При этом логическое не исчерпывает исторического, не тождественно ему постольку, поскольку «прошлое или будущее состояние не может быть однозначно выведено на основе существующих отношений, функций» [Широканов Д.И., 1974, с. 59]. Так мы подходим к границе абстрактно-всеобщего понимания субстанции. В современном материализме речь идет не просто о логике развертывания субстанции, а об истории действительного развития материи.

Исследование той или иной из особенных субстанций неизбежно привносит в онтологию субстанции свою собственную категориальную и методологическую специфику. Например, если с точки зрения общей научной философии человек является высшим воплощением материи как всеобщей субстанции единого закономерного мирового процесса, то каким образом можно определить особенную субстанцию единого закономерного исторического процесса с точки зрения социальной научной философии? Ведь человек в общей научной философии не может рассматриваться в отрыве от всей материи в целом, но вся материя не является предметом социальной научной философии. Следовательно, для того, чтобы определить подлинную субстанцию исторического процесса, нужно раскрыть специфику человека как предмета научной социальной философии, причем раскрыть в присущих именно последней категориях и с помощью именно социально-философской методологии. Разумеется, такое раскрытие предполагает обязательное использование эмпирического и теоретического материала частных социальных наук.

Наличие самодвижения особенных субстанций порождает одну интересную онтологическую и методологическую проблему. А.К. Манеев утверждает, что параметры самодвижения субстанции неизмеримы [Манеев А.К., 1980, с. 21]. Действительно, абстрактно-всеобщий для всех особенных субстанций количественный параметр самодвижения отсутствует. Однако исходя из того, что движение конкретных форм материи количественно измеримо, можно утверждать, что для каждой из них наверняка имеется свой собственный параметр самодвижения, а конкретные характеристики и способы измерения данных параметров еще

предстоит выяснить (применительно к социальной форме материи шаг в этом направлении — впрочем, далеко не исчерпывающий указанную проблематику — был сделан с помощью введения понятия «абстрактный труд»).

3. Субстанция как абсолютная реальность

В материализме понятие материи (объективной реальности) конкретизируется как нечто абсолютное по отношению к сознанию, т.е. как субстанция. Понятие «абсолютное» (парное по отношению к понятию «относительное») имеет в философии два значения: 1) полное, совершенное; 2) безусловное, безотносительное. Соответственно, понятие «относительное» также обладает двумя значениями: 1) неполное, несовершенное; 2) условное, зависящее от отношений [Селиванов Ф.А., 2009, с. 122–123]. Ввиду бесконечного развития материи она может считаться абсолютной только во втором указанном значении. Соответственно, и относительность сознания раскрывается во втором из значений понятия «относительное». Так же, как не имеют онтологического смысла «первичность вообще» и «вторичность вообще», не имеют онтологического смысла «абсолютность вообще» и «относительность вообще». Когда мы говорим об абсолютном, мы должны указать на ту конкретную относительную реальность, по отношению к которой эта абсолютность проявляется. И когда мы говорим об относительном, мы должны указать на ту конкретную абсолютную реальность, по отношению к которой имеет место относительность. Такая конкретность отношений безусловного с условным обуславливает тот факт, что диалектика абсолютного и относительного имеет не только философский, но и общенаучный характер. Эта диалектика может применяться для исследования различных форм объективной реальности — каждую из таких форм объединяет свой специфический безусловный предмет, который выступает субстанцией для соответствующей области бытия.

4. Фактические «индикаторы» субстанциальности

В.А. Кайдалов обращает внимание на то, что «не всякий материальный объект или процесс можно отнести к “особенной субстанции”». Таковым является лишь тот объект (процесс), который выступает в качестве систематизирую-

щего, интегративного основания и одновременно начала по отношению к другим явлениям данной области действительности» [Кайдалов В.А., 1982, с. 25].

В.В. Кизима называет такую целостную интегративную реальность тотальностью и раскрывает структуру ее самодетерминации: «Сторона, вызвавшая действие, оказывается и стороной, испытывающей его обратное влияние, хотя прямая и обратная детерминации идут по разным каналам — первая выступает как действие причины, вторая — как влияние среды (условий), — и потому не могут механически уравнивать друг друга. В результате субъект оказывается также и объектом (хотя и в разном отношении), а вся ситуация развивается как единая, самодетерминирующаяся и меняющаяся целостность, тотальность. ... Принцип причинности, рассматриваемый как принцип субъектного действия в неклассической ситуации, и кондициональный принцип, выступающий ведущим фактором классического влияния условий на свои части, в постнеклассических ситуациях уступают место единому принципу причинно-кондициональной самодетерминации. Помимо прочего, это важное обстоятельство можно использовать для индикации постнеклассических состояний и указания необходимости использования для их понимания постнеклассической методологии. Иначе говоря, выявление наличия самодетерминации является индикатором и критерием присутствия постнеклассической ситуации и связанной с ней тотальности как специфической реальности» [Кизима В.В., 2009, с. 74, 78]. Указание на постнеклассическую рациональность является здесь совершенно оправданным, т.к. объектами постнеклассической науки выступают сложные саморазвивающиеся системы. Иными словами, мы не погрешим против истины, если отметим, что постнеклассика непосредственно предназначена для исследования субстанциальности.

5. Развертывание субстанциального объяснения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному

Г. Гегель, впервые представивший субстанцию как процесс, впервые показал и то, что субстанция того или иного круга явлений не поддается однозначному определению: она требует «послойного», многоуровневого раскрытия в

ходе теоретического познания. К. Маркс, разрабатывая вслед за Г. Гегелем интегральный метод субстанциального объяснения, дополняет гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному его обратной стороной — методом восхождения от конкретного к абстрактному. Вот как характеризует Маркс свою методологию: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» [Маркс К., 1968, с. 37]. Процесс восхождения от конкретного к абстрактному приводит к наиболее абстрактному понятию, «клеточке», отражающей гносеологически исходную и онтологически фундаментальную реальность исследуемого круга явлений. Заметим, что именно таким образом Маркс научно решает проблему начала, которое, в отличие от Гегеля, выступает у него всего лишь началом исследования, но не онтологическим началом. Для круга явлений, изучаемого политэкономией капитализма, началом исследования является товар: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как “огромное скопление товаров”, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [Маркс К., 1960, с. 43]. Непосредственная онтологическая основа, выраженная в элементарной гносеологической «клеточке» соответствующей теоретической системы, является элементарным онтологическим уровнем субстанции этого круга явлений. Иными словами, «клеточка» материальной системы существует объективно и отражается в гносеологической «клеточке» [Кайдалов В.А., 1982, с. 26, 128]. В научной диалектике «клеточка» выделяется на эмпирическом уровне познания. При этом следует помнить, что подлинная субстанция должна охватывать все без исключения известные прошлые и

настоящие (а также все возможные будущие) феномены внутри рассматриваемого круга разнородных явлений (эти феномены выступают ее модусами): то, что не удовлетворяет указанному условию, не является субстанцией данного круга явлений. Таким образом, гносеологическая «клеточка» не произвольна — это результат восхождения познания от конкретного к абстрактному. Последующее восхождение от абстрактного к конкретному происходит уже на теоретическом уровне научного познания [Шершунов А.Д., 1975, с. 20]. Теперь исходный эмпирический факт как элементарная «клеточка» теоретической системы должен получить обоснование в рамках всей этой системы [Цанн Кай-Си Ф.В., 1973, с. 180]. Такое обоснование является по сути самообоснованием постольку, поскольку на протяжении всей теоретической системы ее «клеточка», конкретизируясь путем развертывания своего имплицитного потенциального содержания, постоянно возвращается к себе, остается сама собой. Это является гносеологическим отражением онтологического свойства субстанции быть причиной самой себя, но может вызвать иллюзию тавтологичности субстанциального объяснения. Тем не менее содержание субстанции постепенно раскрывается в ходе ее постижения с помощью диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному, и потому в субстанциальном объяснении не происходит абстрактного повторения одного и того же.

При определении «клеточки» существует риск допущения критической ошибки, в результате которой рассмотрение той реальности, которая ошибочно обозначена в качестве этой «клеточки», закономерно не приводит к достижению научной теорией состояния самообоснованности. Для постижения научной истины весьма важно то, какая именно реальность рассматривается в качестве субстанции того или иного круга явлений (процесса). Таким образом, от правильного определения «клеточки» зависит успех всего субстанциального объяснения.

6. Субстратный подход

Атрибут — это неотъемлемое свойство того или иного предмета или мира в целом [Тугаринов В.П., 1956, с. 58]. В широком смысле понятие субстанции включает представление об ее

атрибутах, а в узком смысле понятие субстанции рассматривается сугубо предметно, «за вычетом» атрибутов, — как субстрат. Последний не является первичным по отношению к своим атрибутам и прочим свойствам: «Соотношение субстрата и свойств имеет иную природу, нежели отношение первичного и вторичного: свойства принадлежат субстрату, а субстрат выражается в свойствах» [Вяккерев Ф.Ф., Орлов С.В., 1981, с. 44]. Современный материализм рассматривает субстрат не как нечто неподвижное, раз навсегда данное, а как нечто постоянно развивающееся: «Диалектический материализм давно преодолел метафизическое отождествление субстанции с особым веществом, конкретным состоянием материи ... Каждый новый уровень организации материи представляет собой новый субстрат с новыми функциями, связями, включающий предыдущий уровень (субстрат и функции), но не сводимый к нему ни в субстратном, ни в функциональном отношении» [Ласточкин А.В., 1980, с. 140, 143]. Ввиду качественного многообразия материальных субстратов в онтологии уместно говорить о конкретно-всеобщем субстрате, в то время как абстрактно-всеобщее понимание субстрата приводит к тому, что многие исследователи отвергают наличие всеобщего бесконечного субстрата как такового [Аскин Я.Ф., 1980, с. 15; Иваненко А.И., 2014, с. 208]. Свойства и отношения того или иного конкретного субстрата (с одной стороны) и сам этот субстрат (с другой) принадлежат одному уровню сложности, имеют общее качество [Ласточкин А.В., 1990, с. 16].

Человеческое сущностное единство заключено прежде всего в особом материальном социальном субстрате, имеющем сверхчувственный характер. Это сущностное единство, раскрываемое субстратным подходом, имеет решающее значение для социальной философии, этики и других гуманитарных дисциплин. В материалистической социальной философии социальный субстрат обозначается термином «живые человеческие индивиды», а в обыденном языке — местоимениями «я», «ты», «мы», «вы», «он», «она», «они». Качество собственно социальной субстратности присуще только людям, в то время как вещи обладают лишь тем или иным природным субстратом: «Вещь социальна по форме и функциям, человек — по

сущности и субстрату. Поэтому социальным субстратом в собственном смысле слова является человек, а вещи включены в общество в качестве преобразованных природных (низших) элементов» [Ласточкин А.В., 1988, с. 9]. Социальный субстрат «не может быть “схвачен” эмпирическим созерцанием, подобно тому как мы созерцаем определенные физические и химические субстраты. Впрочем, уже существование биологического субстрата может быть установлено только посредством вывода, так как для его восприятия нет никаких специальных органов чувств. Природа социального субстрата может быть изучена через посредство тех специфических свойств и отношений, в которых она полностью проявляется» [Орлов В.В., 1974, с. 311].

Субстрат является ведущей стороной реальности — он детерминирует свои свойства, функции и отношения: «Изменение связей, отношений обусловлено изменениями субстрата, его элементов. Структура зависит от элементов, определяется их природой. Их связь есть взаимосвязь содержания и формы и выражается она в общем плане в соответствии формы (структуры) содержанию (элементам субстрата)» [Ласточкин А.В., 1980, с. 142]. Это положение выражает общее фундаментальное противоречие материи — противоречие субстрата и его проявлений — и конкретизируется в социальной философии как закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил [Ласточкин А.В., 1990, с. 63]. «Логические (онтологические) категории вещи, свойства и отношения находятся в тесной взаимосвязи, и каждая из них не может мыслиться в отрыве от других. Все они важны для понимания общей структуры мира, но не являются при этом абсолютно равноправными. Совсем не безразлично, что положить в основу бытия — вещи, свойства или отношения. Свойство — не самостоятельная вещь, а черта вещи, характеризующая ее действие, поведение, это форма, способ существования и проявления вещи. Нет свойства, отдельного от “тела” вещи, таковым его можно представить лишь мысленно. ... Конечно, и вещь не существует без свойств (и отношений), но они — не элементы вещи, не ее части, а лишь ее особенности, характеристики ее природы» [Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г., 2014,

с. 156]. В связи с этим М.Г. Зеленцова отмечает, что субстанция — это именно вещь [Зеленцова М.Г., 2001, с. 28]: «Как можно представить, что свойства (или отношения) образуют, составляют вещь? ... Это совершенно нелегально и нереально» [Зеленцова М.Г., 2001, с. 48].

Тем не менее эта «нереальная» идея появилась в отечественном материализме в виде условно так называемой атрибутивной концепции материи. Не мысля никакого иного субстрата, кроме неизменного, авторы этой концепции (В.П. Бранский, В.В. Ильин, А.С. Кармин) выступают против привнесения в понятие субстанции этого мифического неизменного субстрата, которому противопоставляется изменчивая система атрибутов, исключительно через которую якобы и реализуется субстанция [Бранский В.П. и др., 1974, с. 14–17].

В связи с этим А.В. Ласточкин верно указывает на следующее: «Субстрат никогда нельзя полностью, до конца разложить на свои свойства. В силу неисчерпаемости материи и каждого материального объекта ... субстрат бесконечен в своих проявлениях. Субстрат существует через свойства, но свойства не могут выразить его целиком, всего, не могут проявиться сразу все. Субстрат “является” всегда лишь какой-то определенной стороной своих свойств, обнаруживающихся в определенном отношении данной вещи к другим вещам» [Ласточкин А.В., 1980, с. 141]. Кроме того, любая атрибутивная трактовка субстанции является лишь вариантом давно пройденного этапа в развитии понятия материи — определения ее через тот или иной атрибут: «Сведение субстанции и субстрата к атрибутам ... восстанавливает свойственный старой философии экстенсивный, перечислительный способ определения действительности, в котором общее в действительности... постоянно ускользает от внимания исследователя» [Корякин В.В., 2008, с. 19].

Любая субстанция — это, помимо прочего, система. Любой уровень субстанции включает в себя как элементы системы (субстратные единицы), так и системные связи между ними. Нельзя односторонне трактовать субстанцию только как связь или только как набор элементов. О.А. Барг отмечает: «Системный подход, как подход общенаучный, действительно, расчитан на объяснение конечного. Тем не менее,

его главные понятия (элементов, структуры, системы) не имеют логических противопоказаний на применение к бесконечному миру. ... Это значит, что субстанцию можно представить как определенным образом организованную систему» [Барг О.А., 2014, с. 33]. Кроме того, О.А. Барг обращает внимание на то, что субстанциальное основание мира «1) не должно возникать, оно должно быть 2) всеобщим, 3) содержательным и 4) способным к самодвижению» [Барг О.А., 2014, с. 30]. Данным условиям удовлетворяет следующая система: «Элементы любой системы находятся в двух обязательных отношениях — тождестве и различии, которые должны иметь одно основание. Им является признак, который есть у всех них, и по которому они же и различаются. ... Этим основанием является сложность, богатство содержания предмета. Лишенных сложности предметов не существует, различия в сложности пронизывают мир и имеют фрактальный характер, так что самыми общими типами материи можно считать низшее, более простое и высшее, более сложное. ... Субстанциальным основанием мира является в этом свете система, элементы которой — низшее и высшее, а структура — соответствующие их различию отношения. Именно они придают целому объективной реальности самодостаточность» [Барг О.А., 2014, с. 34–35].

7. Определение субстанциального атрибута

Поскольку субстанциальное единство предполагает наличие и процессуального единства, то вышеуказанное субстанциальное основание предполагает наличие и процессуального основания. Такое основание является, на наш взгляд, особым атрибутом субстанции. Данный атрибут выражает процесс, без которого субстанция не могла бы являться причиной самой себя, т.е. субстанцией. Ввиду этого уместно называть указанный атрибут субстанциальным атрибутом (или основанием субстанциальности). Субстратной основой, носителем субстанциального атрибута выступает субстанциальное основание той или иной области объективной реальности — система, состоящая из высшего и низшего. Например, элементарный процесс труда по самой своей природе включает в себя выраженную субстратную основу в виде предмета труда, становящегося продуктом тру-

да (низшее), в виде средства труда (низшее) и в виде самого трудящегося человека (высшее). Будучи самопричинным процессом, субстанциальный атрибут может быть обозначен как процессуальная субстанция (или как функциональная субстанция) в том смысле, что он интегрирует все процессы, происходящие в той или иной области объективной реальности, и прежде всего — процесс ее функционирования. Конечно, процессуальная субстанция не является субстанцией в строгом смысле, т.к. это всего лишь атрибут субстанции, хотя и ключевой.

Определение конкретного субстанциального атрибута как интегрального процесса, охватывающего определенный круг явлений, не может быть произведено с помощью популярной индукции: «Критерий повторяемости ... обнаруживает лишь абстрактно-всеобщее, включающее в том числе и случайные свойства и связи. “Подлинно-всеобщее”, или “конкретно-всеобщее”, согласно этой концепции, может и не принадлежать всем вещам того или иного класса, может и не повторяться. ... Подлинно-всеобщее составляет природу не отдельных вещей определенного класса (как необходимо общее), а является сущностью, всеобщим для всего круга явлений как целого, которое всюду не одинаково, не тождественно в каждой части целого. Поэтому встает необходимость говорить о подлинно-всеобщем как о целом, а не общем в отношении отдельного» [Коромыслов В.В., 2007, с. 70–73].

Субстанциальный атрибут — это не тот процесс, который непосредственно встречается в субстанции как системе везде и всегда, но это тот самоподдерживающийся процесс, который производит условия существования субстанции как системы и ее дальнейшего развития. Подлинная субстанция того или иного круга явлений должна включать в качестве своего особого субстанциального атрибута некий инвариант — устойчивую процессуальную основу самовоспроизводства этого круга. Для бесконечной материальной субстанции таким атрибутом выступает саморазвитие, но в каждой особой материальной субстанции саморазвитие обладает конкретной спецификой, соответствующей уровню сложности этой субстанции. Пример субстанциального атрибута в физическом мире — самоподдерживающаяся термоядерная реакция, субстанциальный атрибут в химиче-

ском мире — автокатализ [Князева Е.Н., Курдюмов С.П., 2002, с. 37–38], субстанциальный атрибут в биологическом мире — аутопоэзис [Матурана У., Варела Ф., 2001, с. 40–46], субстанциальный атрибут в социальном мире — труд. Последний выступает субстанциальным атрибутом ввиду того, что является сущностной силой человека, в которой качество самопричинности выражено полнее всего. Иными словами, именно труд делает социальную субстанцию субстанцией. Согласно Марксу, «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [Маркс К., 1974, с. 126], хотя отдельный человек может и не трудиться.

Подводя итоги, можно констатировать, что современный материализм, сопряженный с диалектикой, создал ряд важных методологических предпосылок для того, чтобы субстанциальное объяснение использовалось не только в качестве философского, но и в качестве общенаучного метода. Вместе с тем успешное применение субстанциального объяснения возможно только в условиях взаимодействия философии с частными науками.

Список литературы

Акулов В.Л. Об исходных принципах и методе построения системы философского знания // Проблемы развития системы категорий марксистской философии. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1982. С. 34–49.

Аскин Я.Ф. Принцип единства мира: многообразие аспектов // Принцип единства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 3–30.

Барз О.А. Материя как субстанция // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 1(22), т. 1. С. 29–37.

Бранский В.П., Ильин В.В., Кармин А.С. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль // Методологические аспекты материалистической диалектики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 13–54.

Вяккерев Ф.Ф., Орлов С.В. Исторические и логические аспекты определения понятия материи // Философские науки. 1981. № 6. С. 41–48.

Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Об онтологическом понимании материи // Вестник Российского философского общества. 2014. № 4(72). С. 155–159.

Ерахтин А.В. Онтология в системе философского знания. М.: Флинта, 2018. 328 с.

Жилина В.А. Онтологическое основание идеологических процессов развертывания объективированных форм мировоззрения // Вестник Якутского государственного университета. 2009. Т. 6, № 2. С. 112–117.

Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2001. 283 с.

Иваненко А.И. Возобновление вопроса о бытии в ленинградской онтологической школе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4(60), т. 3. С. 206–209.

Ильенков Э.В. Субстанция // Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 151–154.

Кайдалов В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 201 с.

Кизима В.В. Начала метафизики тотальности // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 71–136.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.

Коромыслов В.В. Сущность человека и проблема всеобщего: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2007. 197 с.

Корякин В.В. Труд и единый, закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 2. 339 с.

Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М.: Наука, 1983. 255 с.

Кучевский В.Б. Философское учение о бытии и субстанции. М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. 126 с.

Ласточкин А.В. Категория «субстрат» в марксистской философии // Диалектический материализм как система. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1980. С. 139–145.

Ласточкин А.В. Социальная форма материи. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 179 с.

Ласточкин А.В. Субстратная сторона развития как способа существования материи // Низшее и высшее, системы и элементы в процессе развития. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1988. С. 4–12.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.

Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 29. С. 77–218.

Маневе А.К. Движение, противоречие, развитие. Минск: Наука и техника. 1980. 166 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

Мартынович С.Ф. Субстанция, единство, взаимосвязь // Принцип единства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 40–54.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс–Традиция, 2001. 224 с.

Орлов В.В. Категория бесконечности в системе категорий научной философии // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 1(22), т. 1. С. 9–17.

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. 397 с.

Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 222 с.

Орлов С.В. Категория субстанции в диалектико-материалистической концепции материи: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1980. 207 с.

Орынбеков М.С. Проблема субстанции в философии и науке. Алма-Ата: Наука, 1975. 176 с.

Орынбеков М.С. Субстанция // Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 336–373.

Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем и принцип их познания // Развитие как регулятивный принцип. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. С. 67–85.

Петросян Ю.С. Восход и закат идеи субстанции // Вестник Омского университета. 2015. № 4(78). С. 68–74.

Селиванов Ф.А. Абсолютное и относительное и моральные ценности // Вестник Российского философского общества. 2009. № 3(51). С. 122–124.

Тугаринов В.П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 122 с.

Цанн Кай-Си Ф.В. Проблема человека в работах Маркса 40-х годов XIX века. Владимир, 1973. 229 с.

Шапиро О.Ш. Субстанции (сущности) природы и общества. Вып. 1. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 1998. 167 с.

Шершунов А.Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М.: Высш. школа, 1975. 79 с.

Широканов Д.И. Диалектика познания и категория субстанции. Минск: Наука и техника, 1974. 208 с.

Получено 01.07.2020

References

Akulov, V.L. (1982). *Ob iskhodnykh printsipakh i metode postroeniya sistemy filosofskogo znaniya* [On the initial principles and method of constructing a system of philosophical knowledge]. *Problemy razvitiya sistemy kategoriy marksistskoy filosofii* [Problems of developing a system of categories of Marxist philosophy]. Chelyabinsk: ChSPI Publ., pp. 34–49.

Askin, Ya.F. (1980). *Printsip edinstva mira: mnogoobrazie aspektov* [The principle of the unity of the world: diversity of aspects]. *Printsip edinstva* [Unity principle]. Saratov: SSU Publ., pp. 3–30.

Barg, O.A. (2014). *Materiya kak substantsiya* [Matter as a substance]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 1(22), vol. 1, pp. 29–37.

Branskiy, V.P., Il'in, V.V. and Karmin, A.S. (1974). *Dialekticheskoe ponimanie materii i ego metodologicheskaya rol'* [Dialectical understanding of matter and its methodological role]. *Metodologicheskie aspekty materialisticheskoy dialektiki* [Methodological aspects of materialist dialectics]. Leningrad: LSU Publ., pp. 13–54.

Erakhtin, A.V. (2018). *Ontologiya v sisteme filosofskogo znaniya* [Ontology in the system of philosophical knowledge]. Moscow: Flinta Publ., 328 p.

Gumnitskiy, G.N. and Zelentsova, M.G. (2014). *Ob ontologicheskoy ponimanii materii* [On the ontological understanding of matter]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society]. No. 4(72), p. 155–159.

Il'enkov, E.V. (1970). *Substantsiya* [Substance]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., vol. 5, p. 151–154.

Ivanenko, A.I. (2014). *Vozobnovlenie voprosa o bytii v leningradskoy ontologicheskoy shkole* [The resumption of the question of being in the Leningrad ontological school]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. No. 4(60), vol. 3, pp. 206–209.

Kaydalov, V.A. (1982). *Dialektiko-materialisticheskaya kontseptsiya samodvizheniya i ee sovremennye problemy* [The dialectical-materialistic concept of self-movement and its modern problems]. Tomsk: TSU Publ., 201 p.

Kizima, V.V. (2009). *Nachala metafiziki total'nosti* [The beginnings of the metaphysics of totality]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postclassics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg: Mir Publ., pp. 71–136.

Knyazeva, E.N. and Kurdyumov, S.P. (2002). *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [Foundations of synergetics. Modes with exacerbation, self-organization, tempo-worlds]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 414 p.

Koromyslov, V.V. (2007). *Suschnost' cheloveka i problema vseobshchego: dis. ... kand. filos. nauk* [The essence of man and the problem of universal: dissertation]. Perm, 197 p.

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy, zakonometrnyy istoricheskiy protsess* [Labor and a single natural historical process]. Perm: PSU Publ., pt. 2, 339 p.

Kuchevskiy, V.B. (1983). *Analiz kategorii «materia»* [Analysis of the category «matter»]. Moscow: Nauka Publ., 255 p.

Kuchevskiy, V.B. (1993). *Filosofskoe uchenie o bytii i substantzii* [Philosophical doctrine of being and substance]. Moscow: MKU Publ., 126 p.

Lastochkin, A.V. (1980). *Kategoriya «substrat» v marksistskoy filosofii* [The category of «substrate» in Marxist philosophy]. *Dialekticheskiy materializm kak sistema* [Dialectical materialism as a system]. Perm: PSU Publ., pp. 139–145.

Lastochkin, A.V. (1990). *Sotsial'naya forma materii* [The social form of matter]. Sverdlovsk: UrSU Publ., 179 p.

Lastochkin, A.V. (1988). *Substratnaya storona razvitiya kak sposoba suschestvovaniya materii* [The substrate side of development as a way of existence of matter]. *Nizshee i vysshee, sistemy i elementy v protsesse razvitiya* [Lower and higher, systems and elements in the process of development]. Chelyabinsk: CSPU Publ., p. 4–12.

Lenin, V.I. (1968). *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empirio-criticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. 5th ed. Moscow: Politizdat Publ., vol 18, p. 7–384.

Lenin, V.I. (1969). *Konspekt knigi Gegelya «Nauka logiki»* [Conspectus of Hegel's «The Science of Logic»]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. 5th ed. Moscow: Politizdat Publ., vol. 29, p. 77–218.

Maneev, A.K. (1980). *Dvizhenie, protivorechie, razvitie* [Movement, contradiction, development]. Minsk: Nauka i Tekhnika Publ., 166 p.

Martynovich, S.F. (1980). *Substantsiya, edinstvo, vzaimosvyaz'* [Substance, unity, relationship]. *Printsip edinstva* [Unity principle]. Saratov: SSU Publ., pp. 40–54.

Marx, K. (1960). *Kapital. T. 1* [Capital: Critique of political economy. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K. (1968). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 1, pp. 3–510.

Marx, K. (1974). *Ekonomicheskofilosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Maturana, H. and Varela, F. (2001). *Drevo poznaniya* [The tree of knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 224 p.

Orlov, V.V. (1985). *Chelovek, mir, mirovozzrenie* [Human, world, worldview]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 222 p.

Orlov, V.V. (1974). *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, human]. Perm: PSU Publ., 397 p.

Orlov, V.V. (2014). *Kategoriya beskonechnosti v sisteme kategoriy nauchnoy filosofii* [The category of infinity in the system of categories of scientific philosophy]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 1(22), vol. 1, pp. 9–17.

Orlov, S.V. (1980). *Kategoriya substantzii v dialektiko-materialisticheskoy kontseptsii materii: dis. ... kand. filos. nauk* [Category of substance in the dialectical-materialistic concept of matter: dissertation]. Leningrad, 207 p.

Orynbekov, M.S. (1975). *Problema substantzii v filosofii i nauke* [The problem of substance in philosophy and science]. Alma-Ata: Nauka Publ., 176 p.

Orynbekov, M.S. (1987). *Substantsiya* [Substance]. *Dialekticheskaya logika: Kategorii sfery suschnosti i tselostnosti* [Dialectical logic: Categories of the sphere of essence and integrity]. Alma-Ata: Nauka Publ., pp. 336–373.

Orynbekov, M.S. (1991). *Substantsiya kak vnutrennee edinstvo razvivayuschikhsya tselostnykh sistem i printsip ikh poznaniya* [Substance as an internal unity of developing integral systems and the principle of their knowledge]. *Razvitie kak regulativnyy printsip* [Development as a regulatory principle]. Rostov-on-Don: RSU Publ., pp. 67–85.

Petrosyan, Yu.S. (2015). *Voskhod i zakat idei substantsii* [Sunrise and decline of the idea of substance]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. No. 4(78), pp. 68–74.

Selivanov, F.A. (2009). *Absolyutnoe i otnositel'noe i moral'nye tsennosti* [Absolute and relative and moral values]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obschestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society]. No. 3(51), pp. 122–124.

Shapiro, O.Sh. (1998). *Substantsii (suschnosti) prirody i obschestva. Vyp. I* [Substances (essences) of nature and society. Iss. 1]. Maykop: ASU Publ., 167 p.

Shershunov, A.D. (1975). *Kategorii istoricheskogo materializma v ikh vzaimosvyazi* [Categories of historical materialism in their relationship]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 79 p.

Shirokanov, D.I. (1974). *Dialektika poznaniya i kategoriya substantsii* [The dialectic of knowledge and the category of substance]. Minsk: Nauka i Tekhnika Publ., 208 p.

Tsann-Kaj-Si, F.V. (1973). *Problema cheloveka v rabotakh Marksa 40-kh godov XIX veka* [The problem of man in the works of Marx of the 40s of the 19th century]. Vladimir: VSPI Publ., 229 p.

Tugarinov, V.P. (1956). *Sootnoshenie kategoriy dialekticheskogo materializma* [Correlation of categories of dialectical materialism]. Leningrad: LSU Publ., 122 p.

Vyakkerev, F.F. and Orlov, S.V. (1981). *Istoricheskie i logicheskie aspekty opredeleniya ponyatiya materii* [Historical and logical aspects of the definition of matter]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 41–48.

Zelentsova, M.G. (2001). *Monisticheskaya paradigma filosofskogo ponimaniya mira i cheloveka: dissertatsiya* [Monistic paradigm of philosophical understanding of the world and human: dissertation]. Ivanovo, 283 p.

Zhilina, V.A. (2009). *Ontologicheskoe osnovanie ideologicheskikh protsessov razvertyvaniya ob'ektivirovannykh form mirovozzreniya* [Ontological basis of the ideological processes of deployment of objectified forms of worldview]. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yakutsk State University]. Vol. 6, no. 2, pp. 112–117.

Received 01.07.2020

Об авторе

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>

About the author

Yuri V. Loskutov

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>

Проблема ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лоскутов Ю.В. Методологические особенности субстанционального объяснения в современном материализме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 404–417.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-404-417

For citation:

Loskutov Yu.V. [Methodological features of substantial explanation in contemporary materialism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 404–417 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-404-417

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-418-429

**ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ЛИЧНОСТИ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
ЛИЧНОСТНОГО МИРА В-СЕБЕ И ПРИОБЩЕНИЕ ЕГО
К СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДЛЯ-ДРУГОГО**

Политов Андрей Викторович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Цель статьи — обращение к процессу становления и эволюции хронотопологической организации существования человека в аспекте формирования его личностного мира. Теоретическое и методологическое основание образовано интеграцией подходов, характерных для социально-гуманитарных наук: культур-центристской программы, направленной на понимание уникальной сущности предмета социально-гуманитарного знания; диалектической, процессуальной, динамической модели мироздания, согласно которой сущее представляет собой не ставший объект, а становящийся процесс; органицистской концепции, утверждающей глубоко структурированную естественную взаимосвязанность всего мироздания; реляционного понимания сущности времени и пространства, в контексте которого они рассматриваются в неразрывном единстве с сущим; хронотопологической концепции, обоснованной с философской точки зрения сквозь призму представления о пространственно-временном континууме теории относительности и квантовой механики. В результате исследования была получена философская диалектическая модель эволюции личностной хронотопологии, характеризующейся сложной организацией и взаимосвязанностью элементов, обуславливающих процесс ее становления и приводящих к формированию ее как ставшего, налично функционирующего уровня или формы человеческой хронотопологии. В становлении личностного мира человека выделено три организующих данный процесс элемента: хронотопологические диалектические принципы (в-себе, для-другого, для-себя), хронотопологические модусы (конкретные способы формирования и состояния пространства-времени), хронотопологические интегралы (сформированный в результате становления налично составляющий хронотопологическую структуру ее определенный уровень или форма). Осуществление принципов в-себе и для-другого выражено действием четырех модусов: ближнего и окружающего пространства, линейного и петлевого времени, приводящих к первоначальному формированию, а затем к последующей эволюции личностной пространственно-временной структуры.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, локус, личность, человек, культура.

DIALECTICS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE HUMAN PERSONALITY'S SPATIOTEMPORAL STRUCTURE.
THE INITIAL BECOMING OF THE PERSONAL WORLD IN-SELF
AND ITS INTRODUCTION TO THE SOCIAL SPHERE FOR-OTHER

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University

The article deals with the process of formation and evolution of the chronotopological organization of human existence in the aspect of the personal world formation. The theoretical and methodological foundation of the study is formed by the integration of approaches applied in the social sciences and humanities. These approaches include: the program of cultural centrism aimed at understanding the unique essence of the subject of social and humanities knowledge; a dialectical model, according to which being is not an abstract object but a becoming process; an organicist concept, which asserts a deeply structured natural interconnectedness of being; a relational understanding of the essence of time and space, in the context of which they are considered in inseparable unity with being; a chronotopological concept, substantiated from a philosophical point of view through the prism of the spatiotemporal continuum as presented in the theory of relativity and quantum mechanics. As a result of the study, a philosophical dialectical model of the personal chronotopology evolution was obtained, characterized by a complex organization and interconnectedness of elements that determine its formation and lead to its becoming as a functioning level of human chronotopology. In the formation of the personal world, three elements organizing this process have been identified. They are chronotopological dialectical principles (in-self, for-other, for-self), chronotopological modes (specific methods of the formation and state of space and time), chronotopological integrals (a certain level or form of the chronotopological structure as reached in the process of becoming). The implementation of the in-self and for-other principles is expressed by the action of four modes: near and surrounding space, linear and loop time. They lead to the initial formation and subsequent evolution of the personal spatiotemporal structure.

Keywords: chronotopos, space, time, locus, personality, human, culture.

Введение

Предметом исследования является становление и развитие пространственно-временной структуры человеческой личности с философской, а не позитивистски-психологической точки зрения. Поскольку объектом изучения выступает человек — носитель современной культуры (последней трети XX — первой четверти XXI вв.), существующий и эволюционирующий в имманентной связи не только с окружающей природной средой, но и с собственной уникальной средой своего бытия, культурой, то сложность выбранного объекта требует объяснить основные теоретические, методологические и мировоззренческие принципы работы. Первым и наиболее общим из них является культур-центристская научная исследовательская программа [Внутских А.Ю., 2014, с. 47–52; Федотова В.Г., 2019, с. 80–97], которая в существующей философии и методологии социаль-

но-гуманитарного знания понимается как научная модель, исследующая и развивающая те аспекты научного поиска, которые не могут быть должным образом разрешены и развиты в противоположной ей — натуралистической (или натур-центристской) программе. Если последняя ориентирована на объектно и объективистски структурированное познание, изучающее общие типические закономерности, использующее генерализирующий метод, то культур-центристская модель пользуется индивидуализирующим методом, направленным на понимание уникального, особенного динамически-процессуального содержания в исследуемом. Вторым принципиальным основанием исследования является родственная культур-центристской программе и мировоззренчески с ней связанная диалектическая, процессуальная, динамическая, органицистская модель мироздания, понимающая бытие как сложную диалектически взаимосвязанную и эволюционирую-

щую структуру [Маслобоева О.Д., 2007, с. 17–46], в которой все составляющие элементы органически структурированы и сопряжены друг с другом таким способом, что формирование и развитие одного элемента невозможно вне диалектической взаимной связи с другим и со всей организацией в целом; причем это должно быть справедливо не только для человека и культуры, но и для времени и пространства [Неретина С.С., Огурцов А.П., 2014, с. 3–11].

Отмеченное подводит к третьему основанию исследования, к парадигме понимания сущности пространства и времени, которые так же, как и все мироздание, должны характеризоваться органичной сложной диалектической взаимосвязанностью и структурированностью; но последняя невозможна не сама по себе, в оторванности от сущего, а только в естественной органичной взаимной связи с ним. Начиная с Аристотеля [Аристотель, 1981], обращение которого к сущности времени и пространства носит фундаментальный для европейской философской культуры характер, формируется реляционное их понимание, согласно которому пространство и время рассматриваются в неразрывной связи с сущим как его важнейшее свойство и способ организации и существования [Владимиров Ю.С., 2010, с. 154–157]. Реляционному подходу противопоставляется субстанциальный, в соответствии с которым время и пространство как таковые обладают самостоятельным бытием, например абсолютные время и пространство И. Ньютона [Ньютон И., 1989, с. 30–32]. Однако уже в аристотелевой апоретике времени (и пространства, которое в «Физике» понимается в качестве места) содержится указание на недопустимость и логическую противоречивость субстанциалистского подхода, при котором наблюдается парадоксальное «удвоение» бытия: время и пространство, рассматриваемые сами по себе, приобретают характер телесной оформленности наряду с собственно самими телами [Аристотель, 1981, IV 209a5–213a10 (место); 218a5–224a15 (время)]. Это приводит к дурной бесконечности неразличимости, внаходимости границы между, к примеру, телом и местом как телом; при реляционном понимании место и есть существующая ограниченность тела, нечто, имманентное ему, а не внеположенное, как при субстанциальном понимании. При этом Аристотель вовсе

не сводит сущность пространства и времени к буквально акцидентальной сущему, но показывает: апоретика пространства–времени представляет собой фундаментальное основание диалектического становления и эволюции всего сущего, что раскрывается, например, в понятии времени как числа движения — времени как выражения диалектического становления сущего [Черняков А.Г., 2001, с. 49–91], а не абстрактно-механического счета, меры изменения.

Есть ли взаимосвязь между культур-центристским, процессуальным и реляционным подходами? Вернемся к соотношению культур-центристской и натуралистической программ. Последняя хотя и не составляет непосредственной методологической основы исследования, но может сделать позитивный вклад в него, состоящий в стремлении натурализма к объективности знания, в утверждении объективистского подхода, являющегося сильной стороной методологии естественных наук. И здесь необходимо вспомнить теорию относительности [Эйнштейн А., 2000, с. 86–98], после которой стала возможной хронотопологическая концепция, философски разработанная А.А. Ухтомским и М.М. Бахтиным [Бахтин М.М., 2003а, 2003б, 2012; Ухтомский А.А., 1978, с. 81–88] в связи с открытиями в естествознании первой трети XX в. Представление А. Эйнштейна о природе пространства–времени, являясь выражением объективистского подхода (развитие и взаимодействие пространства и времени подчиняются объективным законам), одновременно принадлежит к реляционистскому подходу и отвечает динамической, процессуальной картине мироздания [Торн К.С., 2007, с. 53–116]. В представлении теории относительности и квантовой механики о пространственно-временном континууме, подчиняющемся объективным закономерностям, представляющем собой процессуальное единство, существующем в неразрывной связи с сущим, реляционный подход находит точки соприкосновения и с естественно-научной картиной мира, и с процессуальным, динамическим, диалектическим подходом, являющимся, в свою очередь, неотъемлемой частью культур-центристской программы социально-гуманитарного знания о человеке и культуре. Итак, теоретическое, методологическое и мировоззренческое основание данного исследования образует взаимосвязь между

культур-центристским, диалектическим, динамическим (процессуальным), органицистским, реляционистским и хронотопологическим подходами.

Общая диалектическая схема формирования личностной хронотопологии

Личностная хронотопология — микрокосм бытия человеческой личности, аксиологически, этически, эстетически, экзистенциально структурированный и освоенный. Мир, пространство, время, существование вообще, вне личностной, экзистенциальной, эстетической, этической конкретности, определенности представляют собой вне- и бесчеловечные структуры, нейтральные, равноудаленные от человеческого существования и самости. «Ктойность» — особенная сущность человеческой личности и ее бытия — обогащает эволюцию пространства и времени. Сложность оснований хронотопологичности человека становится более понятной, если мы обращаемся к хроносу и топосу нас самих, пространству и времени нашего существования, тому хронотопологическому целому, которое называется «ценностно, этически, эстетически и экзистенциально освоенный и выстроенный личностный мир» — мой мир, мир моей жизни, вне которого ни меня, ни моего бытия нет. Время, пространство и человеческое бытие обнаруживают корреляцию, взаимосвязанность и аксиологического, и экзистенциального свойства: окружающий меня мир есть прежде всего мой мир, и уже только впоследствии он начинает различаться в иных плоскостях. Экзистенциализм, аксиология, эстетика, этика, антропология хроноса и топоса представляют собой важнейшее значение пространства и времени. В противном случае мы получаем бездушные, выхолощенные, абстрактные длительность и протяженность, из которых оказывается выпаренной, выхолощенной сама жизнь, сама полнота бытия, сам человек с его сложным жизненным вектором.

Необходимо принимать во внимание многомерность, мультиморфность пространства и времени, обладающих сложной многослойной собственной памятью, неразрывно сопричастующей с горизонтом памяти человека. Память времени и пространства есть память локуса — места событийности бытия, становления жизненной траектории сущего, есть память ве-

щей, слитая с памятью человеческой. Память времени и пространства открывается как форма ценностного, этического, эстетического содержания личностного бытия: «Есть три эпохи у воспоминаний. И первая — как бы вчерашний день...» [Ахматова А.А., 1999, с. 99–100]. При рассмотрении ставших, оформленных хроноса и топоса также нужно иметь в виду их культурно-историческую конкретность. Пространственные и временные формы проходят и уходят как в историческом, так и в ценностном планах, представляют собой отмирающие переходящие, текущие явления, которые не только сменяются, но и ценностно истончаются, могут перестать быть близкими и значимыми, могут стать отчужденными, покинуть горизонт памяти человека. Человек не может не находиться в локусе собственного пространственно-временного экзистенциального опыта, в собственном мнемоническом и культурно-историческом горизонте, охватывающем ареал, интегрировавший абрис личностных хронотопологий современников. Речь пойдет о пространственных и временных формах, синтезирующих личностный мир-хронотоп человека, являющегося современником культурно-исторического периода с 80-х гг. XX в. до начала 20-х гг. XXI в.

В диалектике становления и эволюции пространственно-временной структуры человека и его личностного мира как ценностно и экзистенциально фундированного ядра человеческого существования необходимо схематически различать две стороны (в реальной процессуальности они, разумеется, слитны): становление, которое организуется и осуществляется собственными структурными элементами, и сторону «ставшести» — наличную пространственно-временную структуру, продолжающую свое развитие. Процесс становления всякой хронотопологической общности (и личностного мира) организуется тремя структурными элементами.

Первым из них выступают хронотопологические диалектические *принципы* (в-себе, для-другого, для-себя), служащие базовыми порождающими моделями, схемами, образцами для собственно процесса становления и развития человеческих пространства и времени. Основание этой диалектической логики коренится, видимо, в самом способе бытия и мышления, ориентирования в мире и миропонимания, прису-

щим как минимум, европейской цивилизации, а может быть, и человеку как таковому. В классическом виде эта диалектика раскрыта Г.В.Ф. Гегелем [Гегель Г.В.Ф., 1937, с. 111–117], а экзистенциально, этически и аксиологически осмыслена в XX в. [Сартр Ж.-П., 2000, с. 246–256]. Эти принципы также можно понимать как стадии становления и способы ставшести пространства–времени (рассматривать как архетипичный образ, согласно которому продолжают они свое существование и функционирование в наличности).

Второй составляющей служат хромотопологические *модусы*, являющиеся определенными способами формирования пространственно-временной структуры, осуществляющимися подобно положенным диалектическим принципам; модус — конкретная реализация, воплощение абстрактно-общего принципа, сам осуществляющийся принцип. Одновременно модус есть текущее наличное конкретное состояние (уже некоторая достигнутая оформленность) пространства и времени — репрезентированный в наличности способ их действия, функционирования, существования.

Третьим конструктивным элементом выступают хромотопологические *интегралы*, представляющие собой ставшую, наличную, зафиксированную сторону действия модусов. Интеграл — это модус, приобретший характер устойчивой формы, уже нечто большее, чем действие — сформированная общность. Интеграл есть конкретный уровень всей пространственно-временной структуры, продолжающий свою эволюцию и находящийся в диалектическом единстве и взаимодействии с другими уровнями всей структуры. Личностная хромотопология, личностный мир, личностное бытие человека являет собой пример такого интеграла; модусы, ее формирующие, в стороне становления есть собственно способы формирования целого, а в стороне «ставшести» — само это целое, достигнутая стабильная форма.

Кроме личностной, структурными элементами человеческой хромотопологии являются имманентная (сфера наличного бытия), когнитивная (хромотоп сознания), социальная, культурная, историческая и цивилизационная хромотопологии. Сама человеческая хромотопология служит составным элементом структуры более высокого и общего порядка, простран-

ственно-временной организации сущего в целом, всего мироздания. Все структурные элементы (уровни, формы) хромотопологии сосуществуют, соприкасаются друг с другом, находятся в теснейшей функциональной и диалектической связи, а различаются по своим масштабам, функциям, пройденному эволюционному пути, сложности строения и действия. Все интегралы и модусы связаны с принципами так, что, соответственно, можно различить, например, личностный мир (на стадии) в-себе, личностный мир для-другого, личностный мир для-себя, и то же будет справедливо для всех иных хромотопологий. В эволюции структуры должно наблюдаться и смешение действия принципов и модусов, а также перекрестие интегралов; так, человек может находиться в пространстве для-другого (публичное пространство театра), вместе с тем переживая временность для-себя (экстатически-катарсический эффект от театрального действия), и в этом случае происходит метаморфоза и смешение не только конкретных модусов, но и общностей: социальный хромотоп совмещается с личностным, культурным, обогащается ими. Действительная процессуальность жизни открывает бесконечное количество вариантов смешения и разнообразие способов и форм пространства-времени, множественное смешение трех базовых принципов их становления и существования.

Принцип «в-себе». Ближний топос как первично структурирующий личностную сферу модус

Начнем с первичного принципа в-себе, представляющего собой исходную стадию структурирования пространства и времени личностного мира, характеризующуюся синкретичностью, отсутствием целенаправленного движения к дифференцированию, различению, размежеванию по типу внутреннее-внешнее. В действии принципа в-себе личностный мир-хромотоп, впервые сформированный пространством-временем, является нераскрытым, только что ставшим, незрелым, первоначальным, не стремящимся выйти за собственные пределы к познанию и освоению окружающего мира, а вместо этого довольствующегося собственным мирком, вне которого для нарождающейся личности, собственно, ничего не существует. Сущее в-себе первоначально замкнуто в преде-

лах собственного личностного топоса-микромира, в котором, течение времени не проявлено вовсе, скрыто, а весь мир представляет собой непосредственно данное пространство, мгновенно перешедшее из имманентно окружающей человека наличности в личностный мир-хронотоп. Топос и локус на этапе в-себе неразличимы. Пространство сливается с самим бытием и с самим сущим. Мир на стадии в-себе вообще не предполагает ни пространственно-временной, ни внешне-внутренней, ни приватно-публичной и прочей дифференцировки, но в своей изначальности, непосредственной открытости словно обволакивает (как предвечное изначальное вместилище) сущее в виде исходно и навсегда данного окружения, в котором не существует никакого времени; в действительности оно скрыто за пространственной формой и в последующем проявится в полную силу. Принцип формирования личностной хронотопологии в-себе можно проиллюстрировать «детским» периодом жизни человека, начинающимся с рождения и продолжающимся до начала школьного обучения, характеризующимся пребыванием индивида в условиях относительно замкнутого пространства домашней обстановки, семейного круга, затем — постепенным начинающимся нерелексивным освоением близлежащего окружающего пространства дома, двора, сада. Однако стоит помнить, что психологические стадии развития личностного бытия могут быть всего лишь аналогиями диалектики становления личностного пространства–времени, а отождествлять их напрямую недопустимо.

Принцип «в-себе» осуществляют два модуля: ближний и окружающий топос. Ближний топос есть первоначально синтезируемое и нерелексивным образом воспринимаемое личностное пространство, первый ценностный, этический, эстетический, протоэкзистенциальный горизонт, открываемый в бытии сущего. Ближний топос формируется в имманентном пространстве непосредственного локуса, ближнего окружения, в которое с момента начала своего существования погружен индивид: от замкнутого пространства–вместилища комнаты до квартиры, семьи, ближнего круга вещей, подъезда, двора, дома. В ближнем топосе скрыто непроявленное время, которое словно и не существует для сущего в его только начинаю-

щем формировании личностном мире-хронотопе, оно спрятано в окружающем круге пространства, таится в стенах и в самой атмосфере. Мира как такового вне пределов ближнего топоса на данной стадии как бы не существует; весь мир сущего, все бытие его есть сам ближний круг, только еще разворачивающийся локус бытия. Но уже здесь проявлены, запечатлены элементы иных хронотопологий: культурной, социальной, исторической, цивилизационной, с самого начала человеческого пути приводящие в его личностную хронотопологию и конституирующие ее. Узор обоев на стенах комнаты локуса ближнего круга нерелексивным способом уже погружает личность в иные хронотопологии; сам ход этого механизма, однако, на данном этапе не рефлексивруется самим сущим. Ближний топос не барьер, встающий на пути внешнего мира, поскольку представляет собой первичную форму как личностного мира, так и мира вообще для сущего и, следовательно, первичную форму ориентирования в мире, понимания и открытия его.

Синхронизм становления личностной и когнитивной хронотопологии

Личностная хронотопология наряду с имманентной на протяжении действия всех трех принципов участвует в формообразовании когнитивной хронотопологии; микрокосм сознания в своем становлении и структурировании не может не испытывать влияние пространственно-временных форм, в которые он в данный момент погружен. Еще Д. Локк сравнивал сознание с закрытой камерой (темной комнатой) и чистой доской, на которой опыт (внешний мир) запечатлевает свои письмена [Локк Д., 1985, с. 211–212]. Микромир сознания формируется в том числе путем получения впечатлений от внешнего ему окружения, структурируя свои пространственные и временные оси по образу и подобию внеположенных ему топологических и хрональных модулей, обобщающихся в ставшие формы. На первичном этапе в-себе, характеризующемся непосредственностью, нерелексивностью, микрохронотоп сознания напрямую, «как есть» воспринимает, запечатлевает и воспроизводит в себе окружающую его пространственную форму личностного мира. Эта форма представлена ближним топосом, замкнутый микрокосм кото-

рого непосредственным образом находит свое воспроизведение в существенно замкнутой сфере сознания, похожего не только на закрытую комнату, но и на пещеру [Бэкон Ф., 1977, с. 307–309]. Комната переходит в «комнатность» сознания, пространственность и временность макромира — в пространственность и временность микромира мышления. Аналог когнитивной хромотопологии у животных должен существенно отличаться от человеческой, поскольку служит результатом хромотопологической диалектики иной уровневости, иной схемы становления. Подобные различия характеризуют сложность, многомерность диалектики пространства и времени [см., напр.: Выготский Л.С., Лурия А.Р., 1993, с. 28–38].

Внешняя (по отношению к солипсистскому сознанию) топологичность мира синхронизирована с внутренней топологичностью мышления; например, порядок в окружающей обстановке, наводимый человеком, является элементом ориентирования и освоения индивидом локуса его жизни. Окружающее наличное пространство, исходно ценностно нейтральное, становится освоенным, превращается в круг личностно переработанного человеком под себя мира. Забота об окружающей обстановке, обустройство локуса жизни — это не только механизм превращения наличной ценностно нейтральной данности в личностно освоенный и структурированный мир, но и «овнешнение», «опредмечивание» внутреннего порядка мышления, цельности и собранности личности, отражение упорядоченности микрохромотопа сознания и человеческой природы в целом в окружающем внешнем макрохромотопе: «Прежде чем приступить к работе за своим письменным столом, он обходил всю территорию, проверяя, все ли в порядке и на своих местах. Его сын Чарли вспоминал, что Диккенс проверял даже книги на стеллажах и картины на стенах. Он не мог приступить к работе, прежде чем удостоверится в том, что окружающая действительность упорядочена в полном соответствии с его представлениями» [Акройд П., 2018, с. 689]. На протяжении всей жизни индивида происходит взаимная двусторонняя корреляция, в которой не только окружающее человека пространство определяет топологическую структуру микрохромотопа сознания, но и обратным образом прошедшая путь становления внутренняя когни-

тивная хромотопология проецируется во внеположенный ей локус внешнего мира, в свою очередь упорядочивая его. Беспорядок в жизни и окружающей действительности, отсутствие заботы о локусе собственного существования могут свидетельствовать только о неупорядоченности, неразвитости, неустроенности внутренне-го когнитивного топоса и всей личности.

Окружающий топос. Переход от формирования личностного мира по принципу «в-себе» к принципу «для-другого». Неизбежность метаморфоз пространства и времени как проявление эволюционного пути всей структуры

В ближнем топосе в ряду всех модусов, о которых пойдет речь, время проявляется меньше всего. В окружении автономного микрокосма ближнего топоса историчность, брэнность, цикличность — временность — бытия еще не открыта личности. Пространство словно отделяется от времени, становится не его превращенной модусом-формой, а равновесом, противоположностью, что родственно известному противопоставлению кажущейся незыблемости, устойчивости пространства и действительной брэнности времени. Пребывание как бы сводится к локусу пространства, его здесь и сейчас представленной данности, вечной и несокрушимой в своей изначальности. Время в ближнем топосе для личностной хромотопологии растворено в пространстве, что, разумеется, представляет собой иллюзию, ибо объективно хронос никуда не исчезает и заявляет о себе неминуемым разрушением ближнего топоса и его метаморфозой в следующую форму, которой является окружающий топос. Личностный хромотоп существенно расширяется, усложняется, обогащается; замкнутое в-себе пространство ближнего круга с течением времени постепенно размыкается, становясь не единственным возможным самостоятельным микрокосмом, а неизведанным и неоткрытым (и, соответственно, изначально не принадлежащим кругу личностной хромотопологии) окружающим миром. Впервые еще не в осознанно поставленной степени начинает открываться вопрос экзистенциального рода — о подлинности и принадлежности открывающегося окружающего пространства существу. Разомкнувшееся пространство не может более быть ни ближним

кругом, ни микрокосмом — по крайней мере, на старых началах (в области нарождающейся в эту стадию социальной хронотопологии подобного рода топос-микрососм как раз проявляется, — речь идет о приватном пространстве — но он основывается на ином диалектическом взаимоотношении — индивидуального и наиндивидуального).

Пространство становится не ближним, а окружающим, постепенно открывающимся и зовущим к освоению макрокосмом, где экзистенциальная подлинность присутствия, локуса, топоса, самого сущего ставится под вопрос и впервые начинает требовать для себя решения; ближний топос никогда не ставит экзистенциального рода вопросов о подлинности, падше-сти, отчужденности мира, поскольку он сам представляет собой уникальную форму единственности и микрокосмичности. Парадоксально-диалектическая и негативно-диалектическая аутометаморфоза ближнего топоса в окружающий разрушает эту уникальную, единственную в бытии сущего форму изначальной предвечной протоэкзистенциальной подлинности, которую впоследствии в подлинно ставшем экзистировании сущее никогда не сможет достигнуть. Открывающийся окружающий мир инициирует тягу к своему классифицированию, различию, разделению на отдельные локусы и топосы изведанного и неизведанного, своего и не-своего и, соответственно, уже подлинного или неподлинного (пока еще в нерелексивной форме), падшего и непадшего, принятого и непринятого. Окружающий топос все еще сохраняет отличительные свойства стадии в-себе, а именно: нерелексивность или малую степень релексивности, различности, а также скрытости, непроявленности времени, требующего для своего появления нового модуса формирования и функционирования. На ступени в-себе хронос обречен находиться под маской топоса, но более скрываться он уже не в силах, ибо время и есть путь, по которому совершает свое прехождение сущее, уже открывшее для себя мир и идущее дальше к настоящему, действительному открытию мира, что функционально требует новой диалектики. Обретение окружающего топоса может привести только к выходу в мир, макрососм — сферу собственно разворачивающегося времени. Наступает следующая,

вторичная стадия формирования личностной хронотопологии — для-другого.

Усложненность диалектики принципа «для-другого» по сравнению со стадией «в-себе»

Принцип «для-другого» означает открытие такого способа состояния функционирования и формирования времени-пространства, при которых они не замыкаются в-себе, образуя кажимость автономности, самодостаточности, обособленности, не стремятся свести макрососм к изначальности и единственности микрокосма, но, наоборот, структурируются таким способом, что мир личностной хронотопологии отныне формируется путем собственного расформирования, распада, самоотрицания, растворения в другом и для-другого, таким же образом и в такой же стадии проходящем самоотрицание. Принцип «для-другого» размыкает мир сущего, выбрасывая его наружу, вовне, разламывает и уничтожает его ближний круг, лишает подлинности его микрокосм, ставя индивида в ряд с другими в макрососме, открывая для личности мир социальной хронотопологии, в котором до самого конца будет существовать человек. Для-другого есть негативно-диалектический способ формирования личностной хронотопологии, при котором последняя полностью деформируется и уничтожается, но именно в этом движении структурируется, синтезируется в новом, несоизмеримо более сложном по сравнению с замкнутой стадией в-себе, качестве — в ставшей действительной взаимосвязи с хронотопологическими общностями более высоких масштабов.

В формировании через деформирование проявляется сложность и развитость принципа для-другого: он «выворачивает» личностный хронотоп, уничтожая его прошлое, лишая будущей перспективы, погружая мир сущего в только-настоящее, в круг повторяющейся обыденности, повседневности, сферу заботы [Хайдеггер М., 1998, с. 176], где индивид вовсе не является самим собой, но растворен во внешнем, в отчужденности общего, редуцирован в другом и других; вспомним экзистенциальное значение данного термина, замечательно продемонстрированное Ж.-П. Сартром [Сидоров А.Н., 2006, с. 76]. Становление личностной хронотопологии проходит через ее отрица-

ние — как в инобытии идеи в гегелевской диалектике [Гегель Г.В.Ф., 1975, с. 25]. Отрицание это необходимо в сложном и неоднозначном пути сущего, в котором ему откроются будущность неизвестности, повседневность отчужденности, неподлинность, брошенность, падшесть. Принцип «для-другого» являет индивиду новую экзистенциальную ситуацию, но понято и осознано им это будет много позднее; пока что личностный мир погружен в ситуацию самоотчуждения и самоотрицания — необходимого, но от этого не становящимся подлинным. Стадия «для-другого» демонстрирует на порядок более развитый уровень оперирования, организации, функционирования, нежели чем этап «в-себе», поскольку задействует сложные парадоксально-диалектические, негативно-диалектические схемы, которым сущее автоматически, как бильярдный шар, подчиняется, воспроизводя и неся с собою всю последующую жизнь, в большинстве случаев совершенно не осознавая этого.

Принцип «для-другого» впервые задействует всю силу и мощь времени в синтезе личностной и когнитивной хронотопологии. Психологически стадия личностной хронотопологии «для-другого» может быть проиллюстрирована обращением к школьному периоду становления личности. Мир школьного образования вначале открывается человеку в качестве нового, неизведанного пространства — интересного, открытого освоению словно в игре, но впоследствии для многих превращается в изматывающую рутину, превращающую личность не более чем в функцию и придаток социальной хронотопологии. Вот, например, как отражают начавшееся усложнение личностного мира подростка в ситуации «бесконечности» школьной повседневности братья Стругацкие: «Виктор побрел по коридорам, заглядывая в пустые классы, вдыхая забытые ароматы чернил, мела, никогда не оседающей пыли ... изнурительных допросов у доски... Все оставалось по-прежнему ненавистно, гадко, наводило злобу и беспросветность» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 1997, с. 427–428].

Заключение

В завершение данной части нашего исследования подведем промежуточные итоги. Человеческое существование представляет собой про-

странственно-временной континуум, диалектически вписанный в хронотопологическое целое всего окружающего мироздания и взаимосвязанный с ним. Человек существует в здесь и сейчас наличного бытия, сфере имманентной хронотопологии, положенной всему сущему, а следовательно, экзистенциально, эстетически, этически и личностно нейтральной. Такова схема действия имманентного хронотопа: вмещающая в себя всех, он равнозначен для каждого и равноудален от каждого. Тем не менее человек — существо, не сводящееся только к имманентности, природности, объектности. Человеческое существование структурируется и развивается и как природное, и как сверхприродное, как жизнь в культуре и посредством культуры, поскольку человек по способу своего бытия не может удовлетвориться только природным. Культура не может быть аксиологически нейтральной, поскольку нацелена на синтез уникального, неповторимого, единичного. Поэтому человеческие пространство и время — это не только объективные, физические акциденции и модусы бытия человека, но и всегда личностно структурированные и несут собой уникальное, индивидуальное, экзистенциальное, этическое и эстетическое содержание и значение человеческой жизни.

Эволюционный путь, который проходят пространство и время, неотрывен от жизненного пути человека, составляет с ним единое целое. Человеческий пространственно-временной континуум становится и эволюционирует как сложная многоуровневая структура, неотрывная от самого человека, базисным непосредственным интегралом которой является имманентная хронотопология, смысловым и ценностным центром — личностная хронотопология (в неразрывной связи с когнитивной), а важнейшими структурными элементами, присутствующими с указанными сферами, обеспечивающими коммуникацию, корреляцию и единство всей структуры человеческого бытия и мироздания, — являются социальная, культурная, историческая, цивилизационная хронотопология. Хронотопология человека формируется на основе трех диалектических принципов: в-себе, для-другого, для-себя, и если принцип «в-себе» и выражающие его модусы — ближнее и окружающее пространство — синтезируют протомир личности, первый круг

ее существования, закладывает первоосновы личностной сферы, формирующие образ собственного подлинного мира личности, который в последующей эволюции человека примет в том числе архетипичный характер, то принцип «для-другого» диалектически противоположен первому и призван заложить основы коммуникации и ориентирования человека во внешней среде, вписать только сформированный личностный мир в контекст социальной и культурной хронотопологии, связать личностную сферу с мирозданием. Конкретные модусы, присутствующие принципу «для-другого», а также сущность третьего принципа «для-себя» будут рассмотрены в следующей статье.

Список литературы

- Акройд П. Диккенс. СПб: Крига, 2018. 1048 с.
- Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 58–262.
- Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2, кн. 1: Стихотворения, 1941–1959. М.: Эллис Лак, 1999. 640 с.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2012. Т. 3. С. 340–511.
- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 81–522.
- Владимиров Ю.С. Пространство–время: явные и скрытые размерности. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 208 с.
- Внутских А.Ю. Исследовательские программы в социально-гуманитарных науках: интерпретации и применение // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 2. С. 47–54.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. Т. 5. 814 с.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
- Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М.: АПК и ППРО, 2007. 296 с.
- Неретина С.С., Огурцов А.П. Онтология процесса: процесс и время. М.: Голос, 2014. 726 с.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 714 с.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2006. 102 с.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Гадкие лебеди // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Отягощенные злом, или сорок лет спустя. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1997. С. 365–596.
- Торн К.С. Черные дыры и складки времени: дерзкое наследие Эйнштейна. М.: Изд-во физ.-мат. лит., 2007. 616 с.
- Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А.А. Избр. труды. Л.: Наука, 1978. С. 63–90.
- Федотова В.Г. Культур-центризм и процессуальность // Вопросы социальной теории. 2019. Т. XI. С. 80–99. DOI: https://doi.org/10.30936/2227_7951_2019_11_80_99
- Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
- Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 460 с.
- Эйнштейн А. Теория относительности. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 2000. 224 с.

Получено 27.05.2020

References

- Ackroyd, P. (2018). *Dickens* [Dickens]. Saint Petersburg: Kriga Publ., 1048 p.
- Akhmatova, A.A. (1999). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 2, kn. 1: Stikhotvoreniya, 1941–1959* [Collected works: in 6 vols. Vol. 2, book 1: Poems, 1941–1959]. Moscow: Ellis Lak Publ., 640 p.
- Aristotle (1981). *Fizika* [Physics]. *Aristotel'. Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 3 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, pp. 58–262.

- Bacon, F. (1977). *O dostoinstve i priumnozhenii nauk* [On the dignity and advancement of learning]. Bacon F. *Sochineniya: v 2 t.* [Bacon F. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 81–522.
- Bakhtin, M.M. (2003). *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie Slovarei Publ.; Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 69–263.
- Bakhtin, M.M. (2012). *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in a novel]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., vol. 3, pp. 341–503.
- Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [To the philosophy of the act]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow: Russkie slovarei Publ.; Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., vol. 1, pp. 7–68.
- Chernyakov, A.G. (2001). *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaydeggera* [Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger]. Saint Petersburg: School of Religion and Philosophy Publ., 460 p.
- Einstein, A. (2000). *Teoriya otnositel'nosti* [Theory of relativity]. Izhevsk: SRC «RCD» Publ., 224 p.
- Fedotova, V.G. (2019). *Kul'tur-tsentrizm i protsessual'nost'* [Culture-centrism and processuality]. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues of Social Theory]. Vol. 11, pp. 80–99. DOI: https://doi.org/10.30936/2227_7951_2019_11_80_99
- Heidegger, M. (1998). *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomons to the history of the concept of time]. Tomsk: Vodoley Publ., 384 p.
- Hegel, G.W.F. (1937). *Nauka logiki* [The science of logic]. Hegel G.W.F. *Sochineniya: v 14 t.* [Hegel G.W.F. Works: in 14 vols]. Moscow: SotsEkGiz Publ., vol. 5, 814 p.
- Hegel, G.W.F. (1975). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T.2: Filosofiya prirody* [Encyclopedia of Philosophical sciences. Vol. 2: The philosophy of nature]. Moscow: Mysl' Publ., 695 p.
- Locke, Jh. (1985). *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An essay concerning humane understanding]. Locke D. *Sochineniya: v 3 t.* [Locke Jh. Works: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, 621 p.
- Masloboeva, O.D. (2007). *Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX–XX vv.: evolyutsiya i aktual'nost'* [Russian organicism and cosmism of the 19th and 20th centuries: evolution and relevance]. Moscow: APK i PPRO Publ., 296 p.
- Neretina, S.S. and Ogurtsov, A.P. (2014). *Ontologiya protsessa: protsess i vremya* [Ontology of process: process and time]. Moscow: Golos Publ., 726 p.
- Newton, I. (1989). *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [Mathematical principles of natural philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 714 p.
- Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing: the experience of a phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 639 p.
- Sidorov, A.N. (2006). *Zhan-Pol' Sartr i libertarnyy sotsializm vo Frantsii (50–70-e gg. XX v.)* [Jean-Paul Sartre and libertarian socialism in France (50–70s of the 20th century)]. Irkutsk: ISTU Publ., 102 p.
- Strugatskiy, A.N. and Strugatskiy, B.N. (1997). *Gadkie lebedi* [Ugly swans]. Strugatskiy A.N., Strugatskiy B.N. *Otyagoschennye zlom, ili sorok let spustya; Za milliard let do kontsa sveta; Gadkie lebedi* [Strugatskiy A.N., Strugatskiy B.N. Weighed down by evil, or forty years later; A billion years before the end of the world; Ugly swans]. Moscow: AST Publ.; Saint Petersburg: Terra Fantastica Publ., pp. 365–596.
- Thorne, K.S. (2007). *Chernye dyry i skladki vremeni: derzkoe nasledie Eynshteyna* [Black holes and time warps. Einstein's outrageous legacy]. Moscow: Fiziko-matematicheskaya Literatura Publ., 616 p.
- Vladimirov, Yu.S. (2010). *Prostranstvo-vremya: yavnye i skrytye razmernosti* [Space-time: explicit and hidden dimensions]. Moscow: Knizhnyy Dom «Librokom» Publ., 208 p.
- Vnutskikh, A.Yu. (2014). *Issledovatel'skie programmy v sotsial'no-gumanitarnykh nauках: interpretatsii i primenenie* [Research programs in social humanities: interpretation and application]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2, pp. 47–54.
- Vygotskiy, L.S. and Luriya, A.R. (1993). *Etyudy po istorii povedeniya: obed'yana. Primitiv. Rebenok* [Studies on the history of behavior: monkey. Primitive man. Child]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 224 p.
- Ukhtomskiy, A.A. (1978). *Dominanta kak faktor povedeniya* [Dominant as a behavior factor]. Ukhtomskiy A.A. *Izbrannye trudy* [Ukhtomskiy A.A. Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 63–90.

Received 27.05.2020

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

About the author

Andrey V. Politov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. Диалектика формирования и развития пространственно-временной структуры человеческой личности. Первоначальное становление личностного мира в-себе и приобщение его к социальной сфере для-другого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 418–429. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-418-429

For citation:

Politov A.V. [Dialectics of the formation and development of the human personality's spatiotemporal structure. The initial becoming of the personal world in-self and its introduction to the social sphere for-other]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 418–429 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-418-429

УДК 101.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-430-437

ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ И ОКОЛОНАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ФИЛОСОФИИ НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ «ВРОЖДЕННОЕ»

Булов Илья Юрьевич

Институт философии Российской академии наук

Рассматривается вопрос о том, какой способ формулирования определений является предпочтительным при работе философа с научными и околонучными понятиями. В первой части статьи анализируются следующие виды определений: реальное, номинальное, словарное (лексикографическое), остенсивное, стипулятивное, дескриптивное, экспликативное и мелиоративное. При детальном рассмотрении экспликативные и мелиоративные определения оказываются наиболее предпочтительными для работы с научными и околонучными понятиями в философии и науке. Мелиоративному методу формулирования определений в этой паре отдается предпочтение, т.к. он предоставляет более широкие возможности для философского анализа. Он позволяет более детально задавать вопросы о целях применения понятия и культурном контексте, в котором оно существует. Во второй части статьи демонстрируются описанные в первой части преимущества мелиоративного метода при работе с научными и околонучными определениями на примере понятия «врожденное». Выбор этого примера обусловлен тем, что у понятия «врожденное» в науке и философии сегодня существует множество разных трактовок. И если подобная проблема будет решена благодаря выбранному методу, то можно утверждать, что этот метод показал свою эффективность. Делается вывод, что мелиоративный анализ оказывается эффективным при работе с понятием «врожденное», и что мелиоративный подход к формулированию определений является наиболее приемлемым для философов и ученых при работе с научными и околонучными понятиями.

Ключевые слова: определение, понятие, мелиоративный анализ, экспликативное определение, врожденное.

DEFINITIONS OF SCIENTIFIC AND SEMISCIENTIFIC CONCEPTS IN PHILOSOPHY THROUGH THE EXAMPLE OF THE «INNATENESS» CONCEPT

Ilya Yu. Bulov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

In this article, the author tries to find the best strategy of defining scientific and semiscientific concepts in philosophy. In the first part of the article, the main types of definitions are analyzed. The author dived into the details of each of them and found explicative and ameliorative definitions to be best suited for scientific and semiscientific concepts. The ameliorative method, however, appears to be slightly more preferable because it provides us with more theoretical tools for philosophical analysis. The second part of the article demonstrates the advantages of the ameliorative method using the «innateness» concept as an example. The author has chosen «innateness» because it has plenty of various definitions in science and philosophy today. If such a complex case can be solved with the ameliorative method, then we may conclude that this method is productive. The author found the ameliorative analysis of «innateness» to be a rather fruitful method of work with the mentioned concept. Therefore, the ameliorative approach to formulating

definitions is concluded to be the most appropriate for philosophers and scholars when working with scientific and semiscientific concepts.

Keywords: definition, concept, ameliorative analysis, explicative definition, innateness.

Введение

Работа с понятиями — одна из важнейших частей философского исследования, а частью работы с понятиями является формулирование определений. Определение понятия *X* можно расценивать как ответ на вопрос «что есть *X*?». Вопросы типа «что есть *X*?» были распространены в философии еще с античности. Так, например, Сократ в диалоге «Филеб» задается вопросом: «что есть благо?». В зависимости от сформулированного определения мы можем по-разному решать существующие философские проблемы. Например, ответ на вопрос «совместима ли свобода воли с детерминизмом?» зависит от определений свободы воли и детерминизма.

Довольно важной частью философской практики является формулирование определений для научных и околонучных понятий. Например, для философии биологии важным является вопрос «что такое врожденное?» [напр., Griffiths P., 2001], а в современной метафизике часто ставится вопрос о том, что такое сознание [напр.: Flanagan O., 1992; Rosenthal D., 1993]. Важно заметить, что здесь специально делается оговорка «...и околонучные», т.к. в этой работе мы оставим за скобками вопрос о критериях научности понятия.

Определения понятий в науке и в философии часто не совпадают, и понятия «сознание» и «врожденное» хороший тому пример. Философы (как, полагаю, и ученые) тем не менее заинтересованы в том, чтобы сохранялся базовый смысл понятия при его переводе из одной области знания в другую, и в том, чтобы оно имело связь со своим значением в обыденном языке. С такими понятиями, которые сохраняют единство смысла в континууме *обыденный язык – философия – наука*, удобно работать как философам, так и ученым: они позволяют специалистам из разных сфер плодотворно обсуждать явления, к которым отсылают. Для сохранения единства понятия в этом континууме философы могут разрабатывать такие определения для научных понятий, которые бы подходили для научных целей. Отсюда закономерно возникает вопрос,

который мы обозначаем как проблему исследования: как выбрать наиболее подходящее определение для явления, описанного наукой, и чем руководствоваться при этом выборе?

Выбор метода формулирования определения зависит от тех требований, которые мы предъявляем к определению. Способы определения, таким образом, могут быть реальные, номинальные, словарные, остенсивные, стипулятивные, дескриптивные, экспликативные и мелиоративные. Далее мы детально рассмотрим упомянутые способы формулирования определений и выберем из них наиболее подходящий. Наша гипотеза заключается в том, что мелиоративный подход к формулированию определений является наиболее перспективным для работы с научными и близкими к науке определениями. Чтобы протестировать гипотезу в качестве иллюстративного примера, мы будем использовать ранее упомянутое понятие «врожденное». Его используют как в науке, так и в философии, но единого определения этого понятия до сих пор нет. Так, английский биолог Патрик Бейтсон в статье 1991 г. выделял 7 различных значений, которые вкладывают в понятие «врожденное» [Bateson P., 1991, p. 21], а с тех пор значений стало еще больше. Если найденный нами способ определения подойдет для работы с таким сложным понятием, как «врожденное», то высока вероятность того, что он подойдет и для определения других научных и близких к науке понятий.

Виды определений

Мы можем дать понятию «врожденное» **реальное определение**. Локк в работе «Опыт о человеческом разумении» разделил определения на номинальные и реальные [Локк Дж., 1985, с. 496–497]. Номинальные — определения, которые отсылают к некой абстрактной сложной идее или использованию/смыслу слова. Например, слово «яшма» отсылает к сложной идее яшмы, т.е. к разным ее характеристикам (камень, плотный, пестрый и т.п.), и употреблению этого слова в языке. Реальное определение — это определение, данное через реальное положение дел. Так, для яшмы реаль-

ным определением будет детальное описание набора атомов (или «не-воспринимаемых частей», как выразался сам Локк) и структуры атомов, из которых состоит яшма, или указание на саму яшму. Кажется, что если мы дадим реальное определение понятию «врожденное», то мы сможем использовать это понятие наиболее адекватным способом, ведь наше о нем представление будет соответствовать реальному положению дел. Следовательно, понятие будет единым для философии, науки и обыденного языка, ведь реальное положение дел может быть лишь одно (исключая некоторые нереалистские метафизики).

Однако, как легко заметить, реальные определения крайне затруднительно дать именам, отсылающим к абстрактным феноменам (свобода, жизнь, мораль и т.п.). Мы не можем указать на некий предмет, описать его части и структуру и сказать, что это врожденность. Другая проблема реальных определений состоит в том, что под ними часто имеют в виду довольно разные способы определения и закрепления смысла. Ричард Робинсон в своей работе «Definition» указывает на эту многозначность и выделяет 12 разных видов деятельности, которые называют реальным определением [Robinson R., 1950]. К тому же само деление определений на номинальные и реальные является проблематичным. Например, реальным определением понятия «фламинго» будет описание его атомной структуры, но такое определение вряд ли будет адекватно описывать «реальное положение дел». Гораздо более подходящим будет описание физиологии фламинго или его места в дереве видов. Хотя, согласно Локку, такое определение будет скорее номинальным, т.к. описывает внешние и видимые признаки фламинго. Обобщая, можно сказать, что разделение на номинальное и реальное определение не работает, т.к. любое описание объекта является результатом (гласной или негласной) конвенции о том, как это определение будет использоваться. Мы можем договориться определять фламинго как набор атомов, или как набор генов, или как биологический вид, или как совокупность внешних признаков, присущих фламинго. И едва ли одно из этих описаний будет больше соответствовать реальности, чем другое. На конвенциональную природу словоупотребления указывал еще Крипке, рас-

суждая о проблеме следования правилам у Витгенштейна [Крипке С., 2010]. Крипке заметил, что конвенциональная природа словоупотребления обусловлена конечностью нашего опыта. Обычно мы не можем проверить, имеется ли в виду вкус или плюс, из-за того, что не встречаем на своем опыте такие большие числа. И точно так же мы не можем проверить, отсылает ли данное определение к реальному фламинго или к псевдофламинго с одним измененным геном. Все указанные проблемы сильно затрудняют работу с реальными определениями. Поэтому для понятия «врожденное» этот тип определения не подходит.

Разумной идеей кажется дать **номинальное определение** (как его понимает Локк) понятию «врожденное»: мы можем собрать статистические данные об употреблении слова «врожденное» и посмотреть, какой его смысл чаще всего используется. Сбор и интерпретация подобных данных может быть объектом будущего исследования в области экспериментальной философии и социологии. Тем не менее популярность определения еще не значит, что это определение будет подходить для нужд науки. Например, может оказаться, что под волосами люди чаще всего понимают *шерсть на голове*. Для обыденного языка такое значение вполне подходит, однако для научных нужд ему не хватает строгости, ведь волосы это не совсем шерсть и они могут расти не только на голове. Поэтому номинальный критерий тоже не подходит для определения научных понятий.

Словарное (лексикографическое) определение — это определение, которое может быть найдено в словаре. Словарное определение можно назвать подвидом номинального определения. Мы можем прочитать в словаре о том, что обычно понимается под тем или иным словом. Кажется, что это довольно простой и удобный способ. Тем не менее такого рода определения имеют свои существенные недостатки. Во-первых, будучи подвидом номинальных определений, словарные определения наследуют их проблему — отсутствие строгости. Во-вторых, словари, т.к. они были составлены давно, часто фиксируют определения, используемые привилегированным классом (т.е. отражают использование этого слова лишь среди определенного круга лиц) [Robinson R., 1950, p. 36–37]. В-третьих, определения часто

устаревают и уже не используются в том контексте, в котором они были зафиксированы ранее [Copi I. et al., 2005, p. 100]. В-четвертых, разные словари могут давать противоречащие друг другу определения. Из-за указанных проблем словарные определения обычно не используются для философского анализа, поэтому подобное определение понятия «врожденное» нам тоже не подходит.

Остенсивные определения — это контекстные определения, которые указывают на непосредственный опыт. Такие определения, что закономерно, сильно зависят от непосредственного сознательного опыта и времени [Gupta A., 2019, p. 228–229]. Например, в определении

(1) Бабочка = насекомое, которое я вижу сейчас на столе

definiens (правая часть (1)) предполагает зрительный опыт здесь и сейчас. Закономерно, что остенсивные определения не могут носить абсолютный характер: они всегда относятся к контексту, а не к миру в целом. Об этом более подробно пишет Анил Гупта [Gupta A., 2019, p. 229–230]. Тем не менее можно сказать, что не только остенсивные определения, но и большинство теоретических определений в той или иной степени зависят от контекста. Однако научные определения, насколько это возможно в заданных методологических рамках, стараются делать обобщающими. В противном случае никакая теоретическая работа не будет возможна. Еще одной важной проблемой остенсивного метода является то, что он ограничен непосредственным опытом. Я могу сказать, что *все живые существа на этом столе — это насекомые*. Однако я могу не увидеть микроскопических живых существ на столе, которые не будут являться насекомыми (например, бактерии). Некоторые философы используют остенсивный метод для определения понятия «врожденное» [Prinz J., 2002, p. 193–194]. Несмотря на это, для его определения остенсивный метод явно не подходит, ведь «врожденное» является теоретическим понятием. А проблема с ограниченностью непосредственного опыта лишь укореняет нашу уверенность в том, что нам необходимо избрать иной способ определения.

Стипулятивные определения — определения, «в которых новым или существующим терминам дается специфическое значение в целях аргументации или дискуссии в данном контексте» [Олейник П.И., 2017, с. 82]. При этом такое определение совершенно необязательно хоть как-то соотносится с общепринятым значением понятия. Известный пример — определение слова «зелубой» («grue») в работе Н. Гудмена «Fact, Fiction, and Forecast». Гудмэн стипулятивно определил слово «зелубой»: объект является зелубым IFF этот объект, будучи рассмотренным до момента t , является зеленым, а, будучи рассмотренным, позже момента t , является голубым [Goodman N., 1983, p. 74]. Стипулятивные определения имеют важное для философов качество: некоторые выводы, которые мы делаем на основе этих определений, являются необходимыми. Например, в определении

(2) Холостяк = неженатый мужчина

из definiens (2) необходимо следует, что все холостяки неженаты. Однако для наших целей стипулятивные определения не подходят, т.к. они не обязательно отталкиваются от существующих определений/коннотаций и служат скорее для демонстрации мысли или аргумента, а не для ответа на вопрос вида «что есть X?» или построения научной теории. Следовательно, для работы с понятием «врожденное» и такой способ определения не подходит.

Дескриптивные определения похожи на стипулятивные, однако основываются на общепринятых значениях слов. У дескриптивных определений есть два неоспоримых преимущества: А) они основаны на общепринятых определениях, Б) некоторые выводы из них являются необходимыми. (А) и (Б) также можно назвать признаками, которые позволяют нам распознать дескриптивное определение. Недостатком дескриптивных определений в нашем случае является отсутствие возможности сравнивать удовлетворительные определения. То есть, когда мы сформулируем несколько определений, которые будут иметь свойства (А) и (Б), мы не сможем сказать, какое из этих определений лучше.

Это играет не такую значимую роль при решении научных задач, но является очень важным для философского исследования. А по-

сколькx мы хотим сохранить смысловое единство понятия «врожденное» при переводе из философии в научный дискурс, для нас важны требования к определению как со стороны ученых, так и со стороны философов.

Экспликативный критерий был впервые предложен Р. Карнапом. В работе «Значение и необходимость» он пишет: «Под экспликацией хорошо знакомого, но не точного понятия мы имеем в виду замещение его новым, точным понятием» [Карнап Р., 1959, с. 36]. Экспликативный метод отталкивается от существующего значения термина и дает ему более совершенное определение. Этот метод схож с дескриптивным тем, что некоторые выводы из экспликативных определений являются необходимыми. Таким образом, данный метод позволяет сделать термин более целостным, менее противоречивым, в большей степени соответствующим нуждам науки и при этом сохранить связь этого термина с общепринятыми коннотациями. Определение при таком подходе оказывается, как выразился Н. Бельнап, тем, что «следует иметь в виду» («a good thing to mean») [Belnap N., 1993, p. 117]. Как заметил Куайн, говоря об экспликативном методе Карнапа, «целью экспликации является не простая перефразировка определяемого в правильный синоним, но исправление определяемого путем очищения или дополнения его значения»¹ [Quine W., 1963, p. 24–25].

Похожий метод был разработан Салли Хаслангер. Она назвала его **мелиоративным анализом** (ameliorative analysis). Мелиоративный анализ дополняет экспликативный метод Карнапа, позволяя применять его в политическом и социальном контексте, чем сильно расширяет возможности философского анализа. Например, с помощью мелиоративного метода можно проанализировать такие политические и социальные категории, как «раса» и «гендер». Подобный анализ оказался возможен благодаря идее Хаслангер о том, что «улучшение существующего значения зависит от цели запроса»² [Haslanger S., 2012, p. 367]. Критерии успеха

определения при данном подходе будут зависеть от тех целей, которые мы себе ставим. Хаслангер выделяет два типа критериев успеха определения: семантические и политические. Первый тип критериев полностью повторяет критерии успеха Карнапа. Основные у них: сходство (с существующим значением), точность и плодотворность (практичность). Политические же критерии в большей степени зависят от цели, которую перед собой ставит философ. Но в целом можно сказать, что политический критерий успеха — это показатель того, насколько данное определение способствует социальным изменениям [Haslanger S., 2012, p. 225]³.

Для достижения наших целей подходят методы Карнапа и Хаслангер: в основных аспектах их методов нет существенных различий. Одна теория при необходимости дополняет другую в прагматическом (политическом) аспекте, но не противоречит ей. Тем не менее далее мы будем использовать именно мелиоративный подход, т.к. он позволяет использовать более широкий инструментарий для анализа понятий и формулирования определения. И, хотя С. Хаслангер разработала мелиоративный анализ как инструмент критики идеологий (в этом она наследует традиции критической теории), он может быть с успехом применен и для формулирования определений научных и околонаучных понятий. Мелиоративные определения имеют все преимущества дескриптивных определений: А) они отталкиваются от общепринятых определений (несмотря на это, мелиоративные определения допускают изменение их изначального смысла), Б) некоторые выводы из них являются необходимыми. Однако мелиоративный метод дополняет эти преимущества четкими критериями успеха: сходство (с существующим значением), точность и плодотворность (практичность). Эти критерии позволяют сравнивать определения между собой и делать вывод, что одно определение лучше/хуже другого. По сравнению с экспликативным методом Карнапа мелиоративный метод имеет небольшое преимущество. Он позволяет более детально задавать вопросы о целях применения понятия и о культурном контексте, в котором

¹ Ориг.: «In explication the purpose is not merely to paraphrase the definiendum into an outright synonym, but actually to improve upon the definiendum by refining or supplementing its meaning» (пер. с англ. Т.А. Дмитриева).

² Ориг.: «improvement on existing meanings depends on the purpose of the inquiry» (пер. наш. – И.Б.).

³ Более детальный сравнительный анализ, показывающий сходства и различия подходов Хаслангер и Карнапа, можно найти в статье Катарины Новаеш [Novaes C., 2020].

оно существует («зачем полезно?» и «где полезно?»). У Карнапа же определение «практические нужды» скорее выступает зонтичным термином [Novaes С., 2020]. Как мы видим, мелиоративный подход к формулированию определения понятия «врожденное» является наиболее приемлемым для философов и ученых при переводе научных понятий из философского дискурса в научный дискурс.

Мелиоративный анализ понятия «врожденное»

Далее мы приведем пример того, каким образом можно давать мелиоративное определение понятию. Более детальный пример работы с таким сложным понятием, как «врожденное», выходит за рамки цели текущей работы и требует отдельного исследования. Процесс формулирования мелиоративного определения можно разделить на две части. Сначала мы обозначаем области применения понятия. Например, мы можем выделить следующие области: *когнитивные науки, нейронауки, социальные науки и культурная среда, в которой существует понятие «врожденное»*. Далее мы спрашиваем себя: с какой целью мы используем это понятие, и каких целей мы хотим достичь, используя его? [Haslanger S., 2012, р. 367–368]. Например, нашей целью может являться *формулирование такого понятия «врожденное», которое мы сможем применять к когнитивным функциям, чтобы отличать их от тех когнитивных функций, которые были сформированы социумом и культурой*. Важно отметить, что определение не должно наделяться абсолютно новым смыслом. Мы не можем сказать

(3) Врожденное = синее или зеленое полотно

даже в том случае, если (3) окажется однажды полезным. Такое определение не будет служить нашим текущим целям и не будет согласовываться с контекстом применения этого понятия. Таким образом, мы даем понятию «врожденное» следующее определение, которое будет удовлетворять контексту применения и поставленным задачам:

(4) Когнитивная функция является врожденной IFF: эта функция сформировалась независимо

от влияния общества и культуры, т.е. она не могла сформироваться иным образом в другом обществе и/или другой культуре.

Как мы видим, когнитивным ученым и социальным исследователям будет удобно работать с (4), так как оно содержит четкие критерии понятия «врожденность». Также мы видим, что (4) непротиворечиво и из него можно вывести неизбежные следствия, что делает его пригодным для философского анализа. Например, если мы скажем, что когнитивная функция была сформирована по-разному в разных обществах, то такая функция не может быть названа врожденной. Еще одним преимуществом (4) является то, что оно не идет вразрез с общепринятыми коннотациями «врожденного». Ко всему прочему, данное определение составлено с учетом задач исследователей и области применения. «Врожденное» здесь понимается как возникшее независимо от культуры и общества, а область его применения в этом значении ограничена когнитивными функциями.

Заключение

В работе были проанализированы основные подходы к формулированию определений. Как показал наш анализ, среди этих методов для работы с научными и околонучными определениями лучше всего подходит мелиоративный метод. Он не разрывает связь с изначальным значением (в отличие от, например, стипулятивного метода), но в то же время делает его более совершенным. Мелиоративный метод имеет следующие преимущества по сравнению с другими подходами: А) мелиоративные определения основаны на общепринятых коннотациях слова, Б) некоторые выводы из мелиоративного определения являются необходимыми, В) мелиоративный анализ позволяет сделать понятие более целостным, менее противоречивым и более соответствующим нуждам науки, Г) мелиоративный подход позволяет формулировать определение с учетом причины и контекста запроса на определение. (В) выгодно отличает мелиоративный и экспликативный методы от дескриптивного метода, а (Г) является преимуществом мелиоративного метода по сравнению с экспликативным методом. Мелиоративный метод сохраняет единство понятия при переводе его из философского дискурса в

научный, и обратно. Для работы с понятием в области философии он предоставляет удобный аналитический инструментарий. Также позволяет выработать удобное определение для научных нужд. Ко всему прочему, он не рвет связи со смыслами из обыденного языка. Следовательно, при работе с понятием сохраняется единый континуум *обыденный язык – философия – наука*. Это сильно упрощает работу с понятием для специалистов из разных областей. Таким образом, гипотеза о том, что мелиоративный метод является наиболее подходящим методом формулирования определения, подтвердилась. Это было наглядно проиллюстрировано на примере довольно сложного понятия «врожденное», благодаря чему была доказана плодотворность и перспективность метода.

Список литературы

Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / пер. с нем. Н.В. Воробьева. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 384 с.

Крикке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. 256 с.

Локк Дж. Об именах субстанций / пер. с англ. А. Савина // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 496–529.

Олейник П.И. Стипулятивный характер принципа Юма // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 81–88. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/40/8>

Bateson P. Are There Principles of Behavioural Development? // *The Development and Integration of Behaviour* / ed. by P. Bateson. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1991. P. 19–39.

Belnap N. On rigorous definitions // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1993. Vol. 72, no. 2/3. P. 115–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00989671>

Copi I., Cohen C., McMahon K. Introduction to logic. 12th ed. Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall, 2005. 640 p.

Flanagan O. Consciousness Reconsidered. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2112.001.0001>

Goodman N. Fact, Fiction, and Forecast. 4th ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 131 p.

Griffiths P. What is Innateness? // *The Monist*. 2001. Vol. 85, iss. 1. P. 70–85. DOI: <https://doi.org/10.5840/monist20028518>

Gupta A. Conscious Experience: A Logical Inquiry. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvckq55t>

Haslanger S. Resisting reality: Social Construction and Social Critique. Oxford: Oxford University Press, 2012. 512 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892631.001.0001>

Novaes C. Carnapian explication and ameliorative analysis: a systematic comparison // *Synthese*. 2020. Vol. 197, iss. 3. P. 1011–1034. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-018-1732-9> (accessed: 21.10.2019). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1732-9>

Prinz J. Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 358 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/3169.001.0001>

Quine W. From a Logical Point of View. N.Y.: Harper & Row, 1963. 184 p.

Robinson R. Definition. Oxford: Clarendon Press, 1950. 216 p.

Rosenthal D. State Consciousness and Transitive Consciousness // *Consciousness and Cognition*. 1993. Vol. 2, iss. 4. P. 355–363. DOI: <https://doi.org/10.1006/ccog.1993.1029>

Получено 07.04.2020

References

Bateson, P. (1991). Are there principles of behavioural development? *The Development and Integration of Behaviour*, ed. by P. Bateson. Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp. 19–39.

Belnap, N. (1993). On rigorous definitions. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 72, no. 2/3, pp. 115–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00989671>

Carnap, R. (1959). *Znachenie i neobkhdimost'.* *Issledovanie po semantike i modal'noy logike* [Meaning and necessity: a study in semantics and modal logic]. Moscow: Inostrannaya Literatura Publ., 384 p.

Copi, I., Cohen, C. and McMahon, K. (2005). *Introduction to logic*. 12th ed. Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall Publ., 640 p.

Flanagan, O. (1992). *Consciousness reconsidered*. Cambridge, MA: MIT Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2112.001.0001>

Goodman, N. (1983). *Fact, fiction, and forecast*. 4th ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 131 p.

Griffiths, P. (2001). What is innateness? *The Monist*. Vol. 85, no. 1, p. 70–85. DOI: <https://doi.org/10.5840/monist20028518>

Gupta, A. (2019). *Conscious experience: A logical inquiry*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 440 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvckq55t>

Haslanger, S. (2012). *Resisting reality: social construction and social critique*. Oxford: Oxford University Press, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892631.001.0001>

Kripke, S. (2010). *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language: an elementary exposition]. Moscow: Kanon+ Publ., 256 p.

Locke, Jh. (1985). *Ob imenakh substantsiy* [Of the names of substances]. *Lokk D. Sochineniya: v 3 t.* [Locke Jh. Works: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 496–529.

Novaes, C. (2020). Carnapian explication and ameliorative analysis: a systematic comparison. *Synthese*. Vol. 197, iss. 3, pp. 1011–1034. Available at:

<https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-018-1732-9> (accessed 21.10.2019). DOI:

<https://doi.org/10.1007/s11229-018-1732-9>

Oleynik, P. (2017). *Stipulyativnyy kharakter printsipa Yuma* [Stipulative character of Hume's principle]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 40, pp. 81–88. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/40/8>

Prinz, J. (2002). *Furnishing the mind: concepts and their perceptual basis*. Cambridge, MA: MIT Press, 358 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/3169.001.0001>

Quine, W. (1963). *From a logical point of view*. New York: Harper Publ., 184 p.

Robinson, R. (1950). *Definition*. Oxford: Clarendon Press, 216 p.

Rosenthal, D. (1993). State consciousness and transitive consciousness. *Consciousness and Cognition*. Vol. 2, iss. 4, pp. 355–363. DOI: <https://doi.org/10.1006/ccog.1993.1029>

Received 07.04.2020

Об авторе

Булов Илья Юрьевич
аспирант

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: bulovilya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-2395>

About the author

Ilya Yu. Bulov
Ph.D. Student

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: bulovilya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-2395>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Булов И.Ю. Определения научных и околонучных понятий в философии на примере понятия «врожденное» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 430–437. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-430-437

For citation:

Bulov I.Yu. [Definitions of scientific and semiscientific concepts in philosophy through the example of the «innateness» concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 430–437 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-430-437

УДК 130.3:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-438-447

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ СОЗНАНИЕМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Арутюнян Каринэ Сергеевна

Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина

Тема сетевого общества связана с проблемой смены ценностных ориентиров, составляющих основу сознания индивида. Для повышения информационной безопасности необходимо управление сознанием, которое представляет собой процесс, направленный на формирование новой системы ценностей, поддерживающей социокультурные институты, аксиологические императивы в новой сетевой среде. Несмотря на огромное количество работ, посвященных сетевому обществу, управлению в сетевом обществе, нет целостного философского исследования управления сознанием как процесса и фактора, способствующего сохранению информационной безопасности в условиях нестабильности. Недостаток исследований управления сознанием в условиях современного общества дает возможность восполнить имеющийся пробел. В этой ситуации возникает необходимость в социально-философском изучении сетевого общества, управления сознанием, определении философско-методологического аспекта данной проблемы. Создание современной информационной среды, появление Интернета, многообразие социальных практик, становление новых социальных институтов, развитие коммуникативных технологий, динамизм современной эпохи актуализируют проблему научного подхода к анализу управления сознанием. Неопределенность и кризисность мира требуют иных исследований, выделения управленческого аспекта (управление сознанием) для сохранения стабильности и мирового развития, информационной безопасности, а также выявления в этих условиях меняющихся ценностных ориентиров личности и формирования новой системы ценностей. Цель данного исследования — осуществление социально-философского анализа, обоснование и выявление специфики управления сознанием в условиях сетевого общества. Научная значимость работы заключается в раскрытии авторского подхода к определению сетевого сознания, управлению сетевым сознанием и взаимосвязи управления, информации и сознания. Практическая составляющая — это обозначение роли управления сетевым сознанием информационной толпы для обеспечения информационной безопасности с целью сохранения стабильности и развития мировой цивилизации. Используются системный и аналитический подходы. Данное исследование — существенный вклад в логико-методологическую базу социальной философии, менеджмента, кибернетики для его дальнейшего внедрения в практику образовательного процесса и социального управления.

Ключевые слова: управление сознанием, сетевое общество, информационное общество, информатизация, информационная безопасность, информационное управление, киберпространство, сетевое сознание.

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS MANAGEMENT IN THE INFORMATION SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Karine S. Arutiunian

Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin

The theme of network society rests on the problem of changes in the basic values of individual consciousness. It is the management of consciousness that should guide all network strategies toward their real hu-

manization, the formation of a 'new system of values' supporting sociocultural institutions, as well as axiological imperatives in the new network world order, thus ensuring information security. Despite the numerous works devoted to network society and management in it, there is no holistic philosophical study of consciousness management as a process and a factor contributing to the preservation of information security in conditions of instability. The lack of philosophical research into the management of consciousness in modern society makes it possible to fill the gap. In this situation, there arises a need for socio-philosophical study of the network society and consciousness management, for defining the philosophical and methodological aspect of the problem. The creation of the modern information environment, the emergence of the Internet, the diversity of social practices, the formation of new social institutions, the development of communicative technologies, the dynamism of the modern era bring to the fore the problem of a scientific approach to the analysis of consciousness management. The uncertainty and crisis nature of the world require new research with a focus on the managerial aspect (management of consciousness) in order to preserve stability and world development, information security. It also becomes necessary to identify the individual's changing values and to develop a new system of values. This study aims to carry out socio-philosophical analysis, to identify and justify the specific features of consciousness management in a network society. The scientific significance of the work is associated with the author's approach to determining and managing the network consciousness, and with the interrelationship of management, information and consciousness. In practical terms, the paper determines the role of managing the information crowd's network consciousness in ensuring information security, in order to preserve the stability and development of the world civilization. The author uses the systemic and analytical approach. This study is a significant contribution to the logical and methodological base of social philosophy, management, cybernetics for further introduction into the practice of educational process and social management.

Keywords: consciousness management, network society, information society, informatization, information security, information management, cyberspace, network consciousness.

Введение

На рубеже столетий формируется новая социокультурная реальность, имеющая аналоги как в природно-материальной действительности, так и с точки зрения доминирования различного рода сетей, сетевых структур в обществе. Возникает вопрос: какую роль играет информационное управление сознанием в условиях сетевого общества? Об управлении сознанием в информационном пространстве свидетельствуют достижения информационно-управленческой культуры и развивающаяся форма сетевого сознания, требующая управления.

Информационное пространство, наполненное реальными чертами современной цивилизации, отражает сущностные характеристики информационного общества, где информированность, информация и знания становятся важными ценностями повседневной жизни людей. Создание современной информационной среды, появление Интернета, многообразие социальных практик, становление новых социальных институтов, развитие коммуникационных технологий, динамизм современной эпохи актуализируют проблему роли управления сознанием в информационных условиях. Неопре-

деленность и нестабильность мира, связанные с ростом информации, требуют философских исследований, направленных на определение роли управления сознанием отдельного индивида с целью создания информационной безопасности, а также выявления в этих условиях меняющихся ценностных ориентиров.

Появление Интернета в современных условиях как результат современной цивилизации охватывает все процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни, а также создает новую форму информационного общества — сетевое общество. Активное распространение информации требует новых подходов, разработки иных инструментов, направленных на проведение социально-философского анализа управления сознанием в информационном пространстве. Проблемы сетевого общества проанализированы в работах как отечественных, так и зарубежных авторов: М.А. Антипова, Б.А. Дорошина [Антипов М.А., Дорошин Б.А., 2012], О.К. Трубицына [Трубицын О.К., 2011], И.Ф. Михайлова [Михайлов И.Ф., 2015], Г.В. Йолевой [Йолева Г.В., 2014], В.Н. Курилкиной [Курилкина В.Н., 2014], А.В. Подопригоры [Подопригора А.В., 2019], E. Burton Swanson [Burton Swanson E., 2020], M. Castells [Castells M., 2018], R. Mansell [Man-

sell R., 2010]. Вопросы, связанные с взаимодействием управления, сознания и информации, отражены в работах Д.В. Иванова [Иванов Д.В., 2002].

Постановка проблемы и цель исследования

В фундаментальных теоретических работах, посвященных проблеме взаимосвязи информации и управления, не учитывается роль управления сознанием с целью создания информационной безопасности для стабильного развития социума. Обратившись к социальной практике, разработке вопросов, связанных с исследованием сущностных характеристик информационных условий, основных параметров информации, информационных технологий и процессов, их влияния на содержание общества, следует развивать элементы управленческого сознания, позволяющие управлять сетевым сознанием в условиях виртуального пространства.

Гипотеза исследования — управление сознанием в информационном пространстве. Это единый социальный процесс, который создает условия для информационной безопасности. Цель — осуществить социально-философский анализ управления сознанием, связанный с трансформацией системы ценностей личности, сложностью и противоречивостью современного этапа мирового развития.

Методология

Для изучения вопросов, связанных с необходимостью управления сознанием в условиях сетевого общества, применялся системный подход, использовались методы анализа, синтеза источников по проблеме исследования, обобщения и сравнения.

Обсуждение

Современный мир характеризуется высоким уровнем распространения информации и информационных процессов. Информационные процессы охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности [Грачев В.И., 2013, с. 184]. Результатом внедрения информации является информатизация. А.Д. Урсул отмечает, что «под информатизацией понимается процесс использования информации как ресурса, необходимого для повышения потенциала дальнейшего развития цивилизации» [Урсул А.Д., 1990, с. 174].

Любые управленческие решения принимаются на основе анализа информационных сведений от различных источников, т.к. сам процесс управления является переработкой поступающей информации в управленческие решения. В современных условиях выделяют разные парадигмы формирования управления под воздействием информации. В рамках неклассической парадигмы формируется тактическое управление или управление на основе конкретных данных. Неклассическая парадигма управления акцентирует внимание на точности и своевременности полученной информации для принятия управленческих решений.

В современных условиях постнеклассическая парадигма информации в управлении отличается тем, что признает принципиальную невозможность получения абсолютно объективной, полной и актуальной информации. В таких условиях важную роль играет управленческое сознание в формировании единого информационного пространства: аккумуляция им информации (признание достоверности информации для принятия эффективных управленческих решений), образование межинформационных связей между объектом и субъектом управления, формирование единой информационно-управленческой культуры, организационного поведения и т.д., а также достижение единства информации, организации и управления.

Информация играет роль связующего звена между субъектом и объектом управления, которое характеризует состояние субъекта управления как носителя управленческого сознания в динамике, способствуя подготовке управленческого воздействия и получения сведений о результатах его осуществления. Информация, применяемая в управлении, представляет собой сложную совокупность информационных потоков для выработки и принятия соответствующих управленческих решений [Елисеева Е.В., 2003]. Субъект управления как носитель управленческого сознания должен воспринимать и оценивать информацию, формировать умения, выделять из информационного потока наиболее значимую информацию для жизненной ситуации, т.к. такая информация способствует обеспечению эффективности управления. Повышение эффективности социального управления можно достичь лишь с помощью его обеспече-

ния своевременными, достоверными и исчерпывающими данными с помощью которых субъект управления судит о характере, специфике социальных объектов и процессов, делает заключение об эффективности управленческого воздействия.

По мнению А.И. Кочергина, информация неразрывно связана с управлением: «...где нет управления, там нет информации» [Кочергин А.И., 1969, с. 109]. В рамках информации аккумулируются сведения, дающие исчерпывающее представление о текущем состоянии и тенденциях развития управляемой системы, ее отдельных компонентов. Благодаря этим сведениям обеспечивается возможность контроля результативности принятия управленческих решений. Научный подход в объяснении взаимосвязи информации и управления дала кибернетика. Она определила информацию как содержательное явление, органически связанное с управлением, с процессами взаимосвязи в живой природе и человеческом обществе. Н. Винер указал на связь информации с упорядоченностью, иерархической организацией систем, вступающей во взаимодействие с другой системой.

Информационная среда приводит к развитию множества подходов, определений, которые находят отражение в теориях, концепциях. Начиная с 60-х гг. XX в. идеи о совершенствовании социальной реальности с помощью электронно-вычислительных машин способствовали формированию понятия «информационное общество». В 70-е гг. в работах Д. Бэлла осуществляется анализ информации как производительной силы общества [Бэлл Д., 1999]. Вторая половина XX в. характеризуется интенсивными процессами глобализации [Уэбстер Ф., 2004; Цветков В.Я., 2005, с. 2; Майров А.А., 2013, с. 59], где информационные продукты, услуги и сфера их производства и применения становятся одним из основных ресурсов, а также фактором, меняющим формы управленческой деятельности. Как отмечал Э. Тоффлер, основой информационного общества является распространение электронных коммуникаций. Э. Гидденс отстаивал точку зрения о том, что информационное общество приводит к кризису сознания человека, поскольку информационный мир разрушает связь с историей, заставляя

ет жить настоящим, которое становится все более иллюзорным.

Информационное общество — это такая форма социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов и цифровых способов установления и поддержки данных связей. Параллельно с развитием понятия «информационное общество» складывается сетевая парадигма, сформированная на основе трудов М. Кастельса [Кастельс М., 2004]. М. Кастельс вводит понятие «сетевое общество», которое подчеркивает роль интернет-сетей и появление нового типа социальной организации [Castells M., 2007, p. 238]. Создавая концепцию сетевого общества, М. Кастельс утверждает, что она часть целостной теории информационного общества, позволяющей оценить фундаментальные последствия революции в информационных технологиях.

На смену информационным технологиям приходят технологии сетевые. Они становятся условием жизнеспособности социума, а управление оказывается необходимым в условиях сетевого пространства, т.к. проникновение информации во все сферы приводит к тому, что обществу требуется все больше специалистов — менеджеров в сфере информационного взаимодействия, а их роль и влияние с каждым днем становятся все более ощутимыми. Свидетельством развития сетевого общества является сетевое сознание с трансформирующейся системой ценностей.

Киберпространство развивает сетевое общество и новую форму управления — информационное управление, направленное на регулирование новых форм сознания (сетевое сознание). Э. Тоффлер приходит к выводу, что в условиях информационного общества происходит борьба за власть, но основой власти является не господство, не материальные средства, а информация, основанная на знаниях [Тоффлер Э., 1986, с. 36]. Утверждая, что принятая система власти на всех уровнях человеческого общества изменяется, Э. Тоффлер связывает это с крушением старого стиля управления и с распространением нового стиля, основанного на информации и знаниях, благодаря которому осуществляется переход общества на новую глобальную стадию развития.

В современных условиях вводится понятие «информационное управление» — неявное воздействие на объект управления, при котором объект получает от субъекта специально подобранную информацию о той или иной ситуации для совместного решения сложных социальных проблем. Под управлением информацией понимают процесс принятия управленческих решений, в ходе которых объекту управления предоставляется определяемая субъектом управления информация о ситуации, ориентируясь на которую объект выбирает линию своего поведения. Особенности такого управления дают возможность получать эффективный результат в сложных ситуациях, которого невозможно достичь с помощью классических методов управления. Специфика информационного управления заключается в том, что данный вид управления используется на практике (в управлении сложными социальными системами). Так, Е.М. Бабосов утверждает, что эффективность и результативность управления организациями возможна только в результате использования информации [Бабосов Е.М., 2001, с. 117].

Носителем сетевого сознания является информационная толпа. Исследователь Г. Рейголд использовал структурно-организационную концепцию цифровизации толпы [Rheingold Н., 2002]. Это новый вид толпы, консолидирующий индивидов в единое целое на основе интернет-технологий. Толпа в данном случае определяется как новый вид социальной организации. Управление сознанием толпы позволяет четко организовать деятельность в интернет-среде на основе интернет-технологий для выполнения рациональной задачи. Большой поток информации формирует проблемы управления сознанием в информационном пространстве. Взаимодействуя с интернет-технологиями, сознание трансформируется, а Интернет является лишь порождением сознания современного человека и выступает не столько как определяющий сознание, сколько как определяемый сознанием [Катреченко С.Л., 1999, с. 47; 2003, с. 230].

Взаимосвязь информации и сознания отмечал И.Б. Новик: «Информация — это качественная и количественная характеристика организованности, упорядоченности данных, отражающих процессы, происходящих в обще-

стве» [Новик И.Б., 1969, с. 22]. Функция отражения способствует объединению информации и сознания. Благодаря сетевому обществу происходят быстрые перемены в общественном сознании и настроениях людей, ускоряются социальные трансформации. Необходимо разрабатывать структуры управления в сетевом обществе, для того чтобы управлять потоком информации. Для этого нужно развивать и формировать управленческое сознание у будущих менеджеров, т.к. его элементы (управленческая и организационная культура, организационное поведение) могут иметь решающее значение не только для той или иной фирмы, компании, но и для всего динамичного мира.

Э. Тоффлер подчеркивал значимость изменений, охватывающих все сферы общественной жизни. Результатом изменений является формирование новой культуры со своей системой ценностей по отношению к труду, науке и досугу [Тоффлер Э., 2001, с. 178]. Ж. Бодрийяр утверждал, что современное общество характеризуется «движением чистых симулякров, видимостей, иллюзий, поэтому симуляция является матрицей любого инклюзивного процесса» [Бодрийяр Ж., 2000, с. 22]. В сетевом обществе можно констатировать агрессивность и эскалацию СМИ, ориентированных на рекламу и пиар-технологии [Иванов Д.В., 2002, с. 183].

Сетевое сознание — это уровень сознания, относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальных групп, воспринимающая мир определенным образом [Островерх В.А., 2010, с. 19]. Изучение сетевого сознания не просто отличается стихийностью, а принимает форму приспособительно-защитной реакции на изменения, кризисы, нестабильность. Управление сетевым сознанием в условиях сетевого общества заключается в следующем: в формировании культурного уровня сетевого общества, которое определяется не только совокупностью элементов, которые имеют ценность, но и развитием сетевого сознания как способа интеллектуального и ценностного освоения информационно-виртуальной реальности [Игнатов М.А., 2015]. Управление сетевым сознанием можно определить как возможность самовыражения, позволяющую человеку с помощью ролевых игр быть любым и «другим», а главное — собой на общем фоне утраты базисных убеждений, при-

вычного существования, отчуждения, ухода в свой мир. В сетевом потоке массовых информационных идей и мнений формируется и получает оформление сетевая поведенческая культура с присущей ей системой ценностей, норм и идеалов.

Управление сознанием субъекта в условиях сетевого общества представляет собой совокупность информационных знаний, элементов информационной культуры, ценностей, необходимых для управления информационными потоками. Влияние управленческого сознания на сетевое общество способно формировать, развивать сетевое сознание, которое становится для массового потребителя информационной продукции так называемой испытательной площадкой, а также управлять им [Игнатов М.А., 2011].

Воздействие управленческого аспекта на сознание возможно при развитии культурно-цивилизационной системы, где доминантой признаются гуманистические принципы управления, основанные на прозрачности власти, всеобщем доступе к информации, демократичности принятия общественных решений [Рейман Л.Д., 2001, с. 8]. Процессы информатизации позволяют говорить о современном обществе не как об информационном, а как о сетевом. Роль информации и управления в киберпространстве настолько велика, что необходимо управлять процессами, происходящими как внутри, так вне общества [Одинцов А.В., 2017, с. 167].

Результаты исследования

Таким образом, управление сознанием увеличивает шансы людей на участие в процессе принятия решений, расширяет не только возможность индивидов иметь доступ к разнообразной информации, но и их умение управлять информационным потоком. Управление сетевым сознанием в условиях информационного пространства создает предпосылки для развития творчества и самоорганизации человеческого сообщества, для систематизации информации, необходимой для принятия управленческих решений.

Управление сознанием развивает элементы информационно-сетевой культуры. Информационно-сетевая культура — это совокупность норм, правил, которые формируются при ис-

пользовании материалов интернет-ресурсов, а также нравственных требований в процессе коммуникаций внутри сети.

В свою очередь, информационная культура определяется не только совокупностью ресурсов, имеющих ценность, но и степенью развития сетевого сознания как способа освоения информационно-сетевой реальности. Дальнейшее развитие сетевых сетей приводит к кризису сознания, связанному с формированием двух миров, где виртуальный — это «настоящая действительность», а «подлинный жизненный мир» всего лишь иллюзия, симулякр, превращенная форма. В этой ситуации для предотвращения кризисных тенденций в сознании необходимо обратиться к управлению.

Управление сознанием обеспечивает информационную безопасность в условиях сетевого общества. В социально-философском плане информационная безопасность позволяет гарантировать гармоничное развитие информационно-когнитивных процессов, их взаимосвязь, а также защиту для эффективного управления социальными процессами. Не только информация и знания нуждаются в системе безопасности, но и социальные объекты, находящиеся под воздействием управления. Нарушение безопасности социальных объектов может привести к неуправляемости социальным поведением субъекта и создать почву для деструктивного манипулирования.

Управление сознанием позволяет информационной безопасности определить состояние защищенности объекта, выражающееся в его информационной и психологической безопасности, которое достигается посредством единства существования и развития информационных процессов. Управление сетевым сознанием как инструмент безопасности включает несколько этапов: анализ особенностей сетевой среды (сетевого пространства), планирование реального события, контроль над СМИ, т.е. управление сетевым фильтром, призванное синхронизировать в СМИ сетевые потоки.

Результатом управления сетевым сознанием для информационной безопасности является контроль над информационно-коммуникационными средствами, которые формируют и определяют поведение индивида, его представления, установки. Все это дает возможность вкладывать в сознание людей то, что принято иметь в

нем для понимания его содержательного компонента. Эффективность управления сознанием связана с выработкой умения объектов самостоятельно интерпретировать информацию. Поэтому главная задача субъекта управления — понимание объекта воздействия, поиск оптимальных механизмов. В условиях сетевого общества необходимо использовать рациональную модель управления сознанием.

Заключение

Информатизация общества представляет собой организованный социальный процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и развития общества. Информационное общество — это такая форма социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов и цифровых способов установления и поддержки данных связей. Это общество, в котором способы формирования потребностей и способы установления связей и системы ожиданий укоренены в информационном жизненном мире. Развитой формой информационного общества является сетевое общество. Такое общество связано с существованием цифровых технологий, сетевой коммуникации, появлением Интернета. Свидетельством развития сетевого общества является сетевое сознание с трансформирующейся системой ценностей. В этой ситуации необходимо управлять данным видом сознания. Сетевое сознание — это совокупность установок, норм, правил поведения, система ценностей и ориентиров, воспринимающая мир определенным образом.

Управление сетевым сознанием в условиях сетевого общества заключается в формировании культурного уровня сетевого общества, которое определяется не только совокупностью ресурсов, имеющих ценность, но и степенью развития сетевого сознания как способа интеллектуального и ценностного освоения информационно-виртуальной реальности. Управление сознанием объекта в условиях сетевого общества представляет собой совокупность информационных знаний, элементов информационной культуры, ценностей сетевого общества, необходимых для управления информационными потоками.

Список литературы

- Антипов М.А., Дорошин Б.А.* Сетевое общество как феномен постсовременности // XXI в.: итоги прошлого и проблемы настоящего. 2012. № 3(07). С. 11–18.
- Бабосов Е.М.* Социология управления. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2001. 288 с.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.
- Бэлл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 788 с.
- Грачев В.И.* Аксиогенные свойства информации в социокультурных коммуникациях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2, № 2. С. 184–193.
- Елисеева Е.В.* Социальная информатика. Брянск: БГУ, 2003. 240 с.
- Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 224 с.
- Игнатов М.А.* Дискурс информационно-сетевой культуры // Наука. Искусство. Общество. 2015. Вып. 2(6). С. 70–79.
- Игнатов М.А.* Феномен отчуждения человека в дискурсе информационно-сетевой культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2011. 22 с.
- Йолева Г.В.* Сознание в сфере информатизации общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 36–41.
- Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
- Катречко С.Л.* «Волновая» онтология как четвертый тип онтологии // XXI век: будущее России в философском измерении: материалы Второго Рос. философ. конгр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Т. 1, ч. 2. С. 47–48.
- Катречко С.Л.* Специфика философского дискурса // Философия в современном мире: опыт философского дискурса. М.: Мысль, 2003. С. 230–233.
- Кочергин А.И.* Моделирование мышления. М.: Политиздат, 1969. 224 с.
- Курилкина В.Н.* Онтология информационного общества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 5. С. 49–53.
- Михайлов И.Ф.* Человек, сознание, сети: монография. М.: ИФ РАН, 2015. 196 с.

Новик И.Б. Философские идеи Ленина и кибернетика. М.: Знание, 1969. 48 с.

Одинцов А.В. Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171>

Острроверх В.А. Культурные основания толерантности мифитарных народов Сахалина и Приамурья: на примере нивхского этоса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск н/А, 2010. 27 с.

Подопригора А.В. Информация и сознание: как работает «генератор реальности» // Научный ежегодник центра анализа прогнозирования. 2019. № 1(3). С. 29–44.

Рейман Л.Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 3–9.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001. 669 с.

Тоффлер Э. Раса, власть, культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 276–288.

Трубицын О.Н. Формирование теории сетевого общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2011. № 2. С. 45–52.

Урсул А.Д. Информатизация общества. Введение в социальную информатику. М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1990. 191 с.

Уэбстер Ф. Теория информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

Цветков В.Я. Глобализация и информатизации // Информационные технологии. 2005. № 2. С. 2–4.

Burton Swanson E. How information systems come to rule the world: reflections on the information systems field // The Information Society. 2020. Vol. 36, iss. 2. P. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.1080/01972243.2019.1709931>

Castells M. Communication, power, counter-power in the network society // International of communication. 2007. Vol. 1. P. 238–266.

Castells M. The customs of the network society // Foresight. 2018. Vol. 2, iss. 2. P. 151–157. DOI: <https://doi.org/10.1108/14636680010802591>

Mansell R. The life and times of the information society // Prometheus. 2010. Vol. 28, iss. 2. P. 165–186. DOI: <https://doi.org/10.1080/08109028.2010.503120>

Rheingold H. Smart mobs: The next social revolution. Cambridge: Basic Books, 2002. 288 p.

Получено 16.03.2020

References

Antipov, M.A., Doroshin, B.A. (2012). *Setevoe obschestvo kak fenomen postsovremennosti* [Network society as a phenomenon of post-modern]. XXI v.: itogi proshlogo i problemy nastoyashego [21 th Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus]. No. 3(07), pp. 11–18.

Babosov, E.M. (2001). *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of Management]. 2nd ed. Minsk: Tetrasystems Publ., 288 p.

Baudrillard, J. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva ili konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majorities]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 95 p.

Bell, D. (1999). *Gryadushee postindustrial'noe obschestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting]. Moscow: Academia Publ., 788 p.

Burton Swanson, E. (2020). How information systems come to rule the world: reflections on the information systems field. *The Information Society*. Vol. 36, iss. 2, pp. 109–123 DOI: <https://doi.org/10.1080/01972243.2019.1709931>

Castells, M. (2007). Communication, power, counter-power in the network society. *International of Communication*. Vol. 1, pp. 238–266.

Castells, M. (2004). *Galaktika Internet: razmyshleniya ob internete, biznese i obschestve* [The Internet Galaxy: reflections on Internet, business and society]. Yekaterinburg: U-Factoria Publ., 328 p.

Castells, M. (2018). The customs of the network society. *Foresight*. Vol. 2, iss. 2, pp. 151–157. DOI: <https://doi.org/10.1108/14636680010802591>

Cohergin, A.I. (1969). *Modelirovanie myshleniya* [Thinking modeling]. Moscow: Politizdat Publ., 224 p.

Eliseeva, E.V. (2003). *Sotsial'naya informatika* [Social informatics]. Bryansk: BSU Publ., 240 p.

Grachev, V.I. (2013). *Aksiogennye svoystva informatsii v sotsiokul'turnykh kommunikatsiyakh* [Information axiological properties in sociocultural communications]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. Vol. 2, no. 2, pp. 184–193.

Ignatov, M.A. (2015). *Diskurs informatsionno-setevoy kul'tury* [Discourse of information and network culture]. *Nauka. Iskusstvo. Obschestvo* [Science. Art. Society]. Iss. 2(6), pp. 70–79.

Ignatov, M.A. (2011). *Fenomen otchuzhdeniya cheloveka v diskurse informatsionno-setevoy kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of human exclusion in the discourse of information and network culture: dissertation]. Belgorod, 22 p.

Ivanov, D.V. (2002). *Virtualizatsiya obschestva* [Virtualization of society]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 224 p.

Katrechko, S.L. (2003). *Spetsifika filosofskogo diskursa* [The specifics of philosophical discourse]. *Filosofiya v sovremennom mire: opyt filosofskogo diskursa* [Philosophy in the modern world: the experience of philosophical discourse]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 230–233.

Katrechko, S.L. (1999). «*Volnovaya*» ontologiya kak chetvertiy tip ontologii [«Wave» ontology as the fourth type of ontology]. *XXI vek: budushee Rossii v filosofskom izmerenii: materialy filosofskogo kongressa* [21 th Century: future of Russia in philosophical dimension: proceedings of philosophical congress]. Yekaterinburg: Ural University Publ., vol. 1, pt. 2, pp. 47–48.

Kurilkina, V.N. (2014). *Ontologiya informatsionnogo obschestva* [Ontology of the information society]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. Vol. 11, no. 5, pp. 49–53.

Mansell, R. (2010). The life and times of the information society. *Prometheus*. Vol. 28, iss. 2, pp. 165–186. DOI: <https://doi.org/10.1080/08109028.2010.503120>

Mikhailov, I.F. (2015). *Chelovek, soznanie, seti* [Man, consciousness, networks]. Moscow: IP RAS Publ., 196 p.

Novik, I.B. (1969). *Filosofskie idei Lenina i kibernetika* [Philosophical ideas of Lenin and cybernetics]. Moscow: Znanie Publ., 48 p.

Odintsov, A.V. (2017). *Media prostranstvo v setevom obschestve: kontury novoy vlastvuyushey elity* [The media in the Network Society: Outlines of a New Ruling Elite]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 17, iss. 2, pp. 167–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171>

Ostroverkh, V.A. (2010). *Kul'turnye osnovaniya tolerantnosti mifitarnykh narodov Sakhalina i Priamur'ya: na primere nivkhsogo etosa: dis. ... kand.*

kult. nauk [Cultural grounds of tolerance of mythitarian peoples of Sakhalin and Amur region: on the example of Nivh ethos: dissertation]. Komsomolsk-on-Amur, 27 p.

Podoprogora, A.V. (2019). *Informatsiya i soznaniye: kak rabotayet «generator real'nosti»* [Information and consciousness: How the «reality generator» works]. *Nauchnyy ezhegodnik tsentra analiza prognozirovaniya* [Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting]. No. 1(3), pp. 29–44.

Reiman, L.D. (2001). *Informatsionnoe obschestvo i rol' telekommunikatsiy v ego stanovlenii* [Information society and the role of telecommunications in its formation]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 3, pp. 3–9.

Rheingold, H. (2002). *Smart mobs: The next social revolution*. Cambridge: Basic Books, 288 p.

Toffler, A. (2001). *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of power]. Moscow: AST Publ., 669 p.

Toffler, A. (1986). *Rasa, vlast', kul'tura* [Race, Power, Culture]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress Publ., pp. 276–288.

Trubitsin, O.N. (2011). *Formirovanie teorii setevogo obschestva* [Formation of the theory of network society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. No. 2, pp. 45–52.

Tsvetkov, V.J. (2005). *Globalizatsiya i informatizatsii* [Globalization and informatization]. *Informatsionnye tekhnologii* [Information Technologies]. No. 2, pp. 2–4.

Ursul, A.D. (1990). *Informatizatsiya obschestva. Vvedenie v sotsial'nuyu informatiku* [Informatization of society. Introduction to social informatics]. Moscow: Academy of social Sciences under the Central Committee of the CPSU Publ., 191 p.

Yoleva, G.V. (2014). *Soznanie v sfere informatizatsii obschestva* [Consciousness in the Sphere of Informatization of Society]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Pomor University. Series «Humanitarian and Social Sciences»]. No. 4, pp. 36–41.

Webster, F. (2004). *Teoriya informatsionnogo obschestva* [Theories of the information society]. Moscow: Aspekt Press Publ., 400 p.

Received 16.03.2020

Об авторе

Арутюнян Каринэ Сергеевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории, философии и права

Рязанский государственный радиотехнический
университет им. В.Ф. Уткина,
390005, Рязань, ул. Гагарина, 59/1;
e-mail: carin-dop@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1305-0619>

About the author

Karine S. Arutiunian

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of History,
Philosophy and Law

Ryazan State Radio Engineering University
named after V.F. Utkin,
59/1, Gagarin st., Ryazan, 390005, Russia;
e-mail: carin-dop@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1305-0619>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Арутюнян К.С. Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2020. Вып. 3. С. 438–447.

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-438-447

For citation:

Arutiunian K.S. [The problem of consciousness management in the information society: socio-philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 438–447 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-438-447

УДК 1:3+930.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-448-458

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» — СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА

Пахарь Людмила Ивановна

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Анализируется проблема «лишних людей» в современной социокультурной реальности. Термин «лишние люди» вошел в отечественную литературу и публицистику в середине XIX в. для обозначения людей, которые при всем внешнем благополучии испытывали неудовлетворенность собственной жизнью. В противовес этой трактовке термина английский экономист Т. Мальтус лишними людьми называл население, потребляющее ресурсы с минимальной отдачей. В статье осуществляется поиск ответа на вопрос о том, почему в современном мире наблюдается рост численности «лишних людей» в мальтусовском смысле: изгоев, безработных, людей, не вписывающихся в стандарты общества потребления. Данная проблема обусловлена искажением социальных установок развитых стран Запада. Мировой экономический кризис, особенно на фоне COVID-19, требует изменения либерального экономического курса. В связи с прогнозируемым спадом в мировой экономике необходимо быстрыми темпами, опережая наступление кризисных явлений, откорректировать экономическую политику в стране с учетом постоянных санкций, принимаемых в отношении РФ. В этих условиях наиболее адекватным представляется вариант мобилизационной экономической политики. Правительство должно взять на себя организацию работы по созданию предприятий для производства импортозамещающей продукции, что позволит избежать развала отечественной экономики. Значительное внимание и поддержка должны быть оказаны и социальной сфере, которая обеспечит населению большое количество рабочих мест. Эти действия правительства поддержат не только экономическое состояние страны, но и социальную стабильность в обществе, позволят избежать массовой безработицы.

Ключевые слова: глобализация, политическая система, либеральная экономика, экономическая политика, «лишние люди», социальное неравенство, безработица, конфликт, реформа, пандемия.

«SUPERFLUOUS PEOPLE» AS SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEM OF THE 21ST CENTURY

Lyudmila I. Pakhar

Orel State University named after I.S. Turgenev

The article deals with the problem of «superfluous people» in the contemporary socio-cultural reality. This term appeared in Russian literature and journalism in the middle of the 19th century to describe people who, with all their external well-being, were dissatisfied with their own life. In contrast to this interpretation, the English economist T. Malthus defined «superfluous people» as the population that consumes resources with minimal profit. The author of the article is in search for the answer to the question why in the contemporary world there is an increase in the number of «superfluous people» in the Malthus's sense, that is the outcasts, the unemployed, and people who do not fit the standards of consumer society. According to the author, the reason is the distortion of social attitudes in developed countries of the West. The global economic crisis, especially in the context of COVID-19, requires a change in the liberal economic course. The author suggests adjusting the Russian economic policy taking into account the constant sanctions imposed by the West against the Russian Federation. In these conditions, the most appropriate option is the mobilization economic policy. The government should ensure the creation of enterprises for manufacturing import-substituting

products, which would protect the country's economy from the inevitable collapse. Significant attention and support should also be given to the social sphere, which would provide the population with a sufficient number of jobs. These actions of the government would support the country's economic and social stability, thus making it possible to avoid mass unemployment.

Keywords: globalization, political system, liberal economy, economic policy, «superfluous people», social inequality, unemployment, conflict, reform, pandemic.

В 60-е гг. XX в. стало очевидным, что человечество переходит на качественно новый этап развития. Его существенным признаком являлось создание высокоразвитой техники и сложных искусственных систем в области авиации и космонавтики, вооружения и транспорта, коммуникации и информации и др. Происходящие изменения нуждались в философском анализе. Одним из первых исследователей, который обратил внимание на сущностные изменения в мировом развитии, вызванные этими процессами, следует признать итальянского ученого, общественного деятеля, менеджера Аурелио Печчеи (1908–1984). По его инициативе в 1968 г. был создан так называемый Римский клуб — сообщество ученых и общественных деятелей разных стран с мировым именем, взявшихся за изучение глобальных изменений в обществе [Гришиани Д.М., 1997]. Давая оценку происходящим общественным процессам, Печчеи писал: «Суть этих изменений в том, что за какие-нибудь несколько десятилетий завершился продолжающийся много тысяч лет период медленного развития человечества и наступила новая динамическая эра. Буквально ошеломленные событиями, которые свидетельствуют об этих изменениях, мы все время задаем себе вопрос, что же несет нам новый век, станет ли он звездным часом человечества или ввергнет нас в пучину ужасов и зла» [Печчеи А., 1985, с. 63]. Очевидно, что новые технические достижения способствовали всевозрастающему могуществу самого человека. Являясь первым президентом Римского клуба, Печчеи организовал работу по созданию глобальной модели ближайшего будущего развития человечества. Участники Римского клуба первыми обратили внимание общественности на тот факт, что «развитие это в высшей степени сомнительно и неоднозначно, ибо оно может послужить на благо человеку только при разумном и сдержанном к нему отношении, при безрассудном же его использовании человеку

грозит непоправимая катастрофа» [Печчеи А., 1985, с. 63].

Эти предостережения не были напрасными. Донелла Медоуз, представившая первый доклад клуба научной общественности, подтверждает эти неутешительные прогнозы в книге «Пределы роста. 30 лет спустя» [Медоуз Д., 2007]. Сегодня научно-технический прогресс, компьютерная революция, проникновение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе в повседневную жизнь человека, кардинальным образом изменили природную и социальную реальность. Мы можем наблюдать серьезные изменения климата на планете, рост экологических катастроф, загрязнение окружающей среды: воды, воздуха, почвы. Грубое потребительское отношение к природе обусловлено алчностью человека, его безрассудным стремлением к обогащению. Влияние этих процессов можно обнаружить не только в возросших динамике и темпах экономического развития, но и в изменении отношения людей друг к другу, их моральных и эстетических ценностей, что наиболее ярко проявляется в сфере занятости. Нестабильность экономического развития общества, проявляющаяся в периодически возникающих кризисах, падении производства, росте безработицы и т.п., постоянно сопровождала развитие капитализма с момента его возникновения. Но сегодня ввиду исключительной динамичности изменений общественной жизни катаклизмы в обществе встречаются гораздо чаще. Особенно остро это ощущают люди, лишившиеся работы. Таким образом, «лишние люди» — это в первую очередь безработные, разорившиеся мелкие собственники, люди, живущие случайными заработками; они составляют в обществе пласт изгоев.

Особенно неуютно в современных условиях рынка чувствует себя молодое поколение. Как отмечали участники международной конференции «Глобализация в контексте современности» С.П. Иваненков и Д.Г. Шкаев, «в жест-

ких условиях свободной конкуренции на международном рынке труда молодому человеку очень сложно отыскать желаемую позицию, тем более что сделать это зачастую не позволяет уровень его образования» [Глобализация..., 2008], а также отсутствие практических навыков. Таким образом, в контингент «лишних людей» сегодня автоматически попадает и определенная часть молодежи, которая не нашла свое место в жизни и остро ощущает неудовлетворенность своим существованием.

Термин «лишние люди» не является новым. Он часто использовался в отечественной литературе и литературной критике XIX в. К «лишним людям» причисляли таких литературных героев, как Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин. Все они принадлежали к дворянской среде и были достаточно обеспеченными в отличие от современных представителей «лишних людей». Литературные критики прошлого неоднократно обращались к анализу образов «лишних людей». Среди современных литературоведов, анализирующих такую проблему в отечественной литературе, можно выделить Н.Г. Федосеенко [Федосеенко Н.Г., 2009]. Автор, в частности, отмечает, что «лишний человек» в представлениях русского общества периода XIX в. — это высокообразованный, связанный с европейской культурой человек, который испытывает неудовлетворенность собственной жизнью, он рефлексивен, страдает от неразделенной любви.

Иные представления о «лишних людях» были у английского экономиста, священника Т. Мальтуса (1766–1834). Оправдывая существующее вопиющее социальное неравенство, Мальтус декларировал так называемый закон о народонаселении, согласно которому население имеет тенденцию расти в геометрической прогрессии, а рост необходимого для его существования продовольствия — в арифметической прогрессии [Мальтус Т., 1993]. Поэтому существование «лишних людей» неизбежно и поэтому бедным людям нет места на земле. Мальтус считает необходимым искусственно ограничивать рост народонаселения, всякая благотворительность неуместна. Несмотря на антигуманистическую сущность закона и выводы, которые делает Мальтус, острота поднятой им проблемы очевидна. Но в данной статье, говоря о «лишних людях», мы имеем ввиду не

избыточное население, а людей, которым отказано в нормальном существовании в рамках современной социально-экономической системы.

Современные экономически развитые государства пытаются сгладить существующее социальное неравенство внутри страны. Используя в этих целях социальную политику, они выделяют пособия, льготы, квоты на образование, медицинскую помощь бедным слоям населения. Однако даже богатому Западу не удалось более чем за триста лет своего существования в полной мере преодолеть бедность и несправедливость. Наоборот, пропасть между сверхбогатыми и малоимущими слоями общества многократно выросла. Как пишет российский философ А.Н. Чумаков, «социальное расслоение и огромная пропасть между нищетой большинства населения планеты и избыточным богатством абсолютного меньшинства является наиболее характерной чертой этого мира» [Чумаков А.Н., 2018, с. 6]. Таким образом, можно констатировать, что в современном мире наблюдается рост численности неблагоприятного населения, «лишних людей», изгоев. Почему? Причин этому много. Прежде всего, следует назвать внешнюю политику «коллективного Запада». Целые народы оказались обездоленными, утратившими привычный уклад жизни, жилье, работу в ходе вмешательства во внутренние дела стран Ближнего Востока и Северной Африки, что привело не только к разрушению этих государств, но и к невиданному ранее потоку беженцев, обострению ситуации в европейских странах, всплеску националистических настроений. Еще более разрушительными действия США на международной арене стали с приходом в Белый дом администрации Трампа. Как отмечает доктор экономических наук, профессор П.П. Яковлев, «победа Трампа повысила уровень международной неопределенности, усилила риски радикального изменения правил глобальной игры, в конечном счете поставила под вопрос будущее самой глобализации в ее современных рамках, в решающей степени определенных в 80-х годах прошлого века именно правящими кругами США» [Яковлев П.П., 2017, с. 6].

Во-вторых, нельзя не отметить, что политика глобализации сделала богатые страны еще богаче, а бедные — еще беднее. Провозглашение открытых границ, свободного доступа то-

варов и капитала на внутренние рынки оказалось выгодным экономически развитым странам. Но навязанная миру рыночная идеология свободной торговли принесла в большей степени выгоды Китаю и Южной Корее, чем США, для которых внешняя торговля товарами становилась все более дефицитной [Яковлев П.П., 2017, с. 6].

В-третьих, объяснение происходящему надо искать в изменении структуры производительных сил, которые не нашли адекватного отражения в содержании общественного сознания и в изменении политического устройства общества. В XX столетии основная масса трудоспособного населения была занята на заводах и фабриках, которые нуждались в большом количестве рабочих рук. Один из теоретиков постиндустриального общества Элвин Тоффлер (1928–2016) предсказал многие черты современного общества еще в начале 80-х гг. XX в. в известном труде «Третья волна» [Тоффлер Э., 2004]. Он, в частности, предвидел, что ключевым продуктом третьей технологической волны станет информация. Могущество стран будет зависеть от того, в какой мере страна будет владеть производством этого продукта. Фактически Тоффлер делает прогноз о массовой информатизации общества. Именно это и происходит на наших глазах. Как отмечают отечественные ученые М.В. Ковальчук, О.С. Нарайкин и Е.Б. Яцишина, с появлением информационных технологий наука впервые сталкивается «с технологией, носящей надотраслевой характер» [Ковальчук М.В. и др., 2013, с. 7], что свидетельствует о качественно новом синтезе науки и производства.

В настоящее время в связи с переходом экономики на высокотехнологичное производство, с внедрением робототехники и цифровизации в производственный процесс происходит колоссальный рост производительности труда и одновременно сокращается численность занятых на производстве людей. Современное производство заинтересовано в работнике высокого уровня знаний, умений, что требует определенной подготовки, а ответственность работников за результаты своего труда многократно повышается. В этой связи интересно мнение главы Министерства финансов РФ Антона Силуанова, которое в статье на Газета.ru от 5 марта 2020 г. приводит Жанна Нейгебауэр. По его словам,

«технологический процесс не только лишает граждан рабочих мест, но и углубляет экономический разрыв между богатыми и бедными — теми, кто создает технологии и владеет фирмами, и работниками этих предприятий» [Нейгебауэр Ж., 2020]. В этой ситуации большое количество людей оказывается, образно говоря, в «свободном плавании» в поисках работы: конкуренция на рынке труда возрастает, а реальные возможности трудоустройства сужаются.

Если даже согласиться с прогнозом о появлении значительного перечня новых профессий и специальностей, это не решает проблему занятости. Например, разработчики портала «Атлас новых профессий» [Атлас..., 2020] прогнозируют появление таких, еще несуществующих сегодня профессий, как архитектор живых систем, биоэтик, проектировщик домашних роботов, архитектор интеллектуальных систем, кибертехник умных сред, техномедиатор, дизайнер-эргономист носимых устройств для безопасности, дизайнер виртуальных миров и многих других. Но все эти достаточно уникальные профессии не будут носить массовый характер, какими в свое время были профессии токаря или слесаря, и тем более не смогут получить широкое распространение в самое ближайшее время. Например, сейчас значительная часть мужского населения России работает охранниками, автослесарями, шоферами, ремонтниками, строителями, а значительная часть женского населения — продавцами, учителями, бухгалтерами. Если представить, что некоторые из этих профессий в будущем тоже перестанут существовать в результате роботизации, тогда одной из серьезнейших социальных проблем России в XXI в. будет проблема занятости.

По нашему мнению, нельзя согласиться с утверждением исполнительного директора Национальной ассоциации участников рынка робототехники Алисы Конюховской, утверждающей, что «роботизация не отнимает у людей рабочие места, а, наоборот, создает их», поскольку способствует развитию экономики в целом [Ясакова Е., 2018] и приводящей примеры автоматизации в банковском деле, торговле, машиностроении, которая якобы не привела к массовым сокращениям работников этих сфер. Пример подобных размышлений показателен именно в плане нежелания видеть деструктив-

ные тенденции в социальной сфере и замечать людей «оставшихся за бортом». Именно массовое использование программного обеспечения для ведения бухучета и банковских терминалов привело к тому, что по данным Росстата доля сокращенных работников банков, менеджеров, бухгалтеров, кассиров составила на 2019 г., по регионам России до 30 % от общего числа безработных. И это еще не все, результатом цифровизации экономики явилось закрытие банковских колледжей и соответствующих направлений подготовки в высших учебных заведениях, что в свою очередь привело к сокращению профессорско-преподавательского состава и обслуживающего персонала этих учебных заведений. Очевидно, что потерявший работу бухгалтер или кассир не освоит профессию менеджера краудфандинговых и краудинвестинговых платформ, оценщика интеллектуальной собственности или мультивалютного переводчика и либо существенно понизит свой социальный статус, либо пополнит число «лишних людей».

Подавляющее большинство мыслителей прошлого и настоящего разделяют точку зрения, согласно которой труд был основой становления человека как вида *homo sapiens*. Человек как главная производительная сила развивался благодаря труду, и вместе с развитием человека происходило историческое развитие общества. Неслучайно люди, оставшиеся без работы, часто впадают в состояние депрессии, совершают суицид, спиваются и рано уходят из жизни. Следовательно, нельзя легкомысленно воспринимать случаи, когда трудовые отношения перестают быть нормой человеческой жизни для целых поколений людей, поскольку это влечет за собой нравственную деформацию личности и деградацию общества в целом. Так, некоторые пользователи интернет-сервисов через своих подписчиков, фактически, «делают деньги» из воздуха, не создавая никакого общественно значимого и полезного продукта. Это становится в новых условиях дефицита трудовых мест моральным кредо значительного числа людей и одновременно порождает ранее неизвестный обществу новый тип «лишних людей», которые не создают полезные обществу продукты, товары или услуги, а паразитируют на извращенных вкусах. Новые «лишние люди» материально обеспечены, не бедствуют, но

нравственно убоги и представляют серьезную угрозу для общества.

В Советском Союзе темпы технического прогресса к 80-м гг. XX в. были значительно ниже темпов роста западных стран, но существующая политическая система вела борьбу с тунеядством. Поэтому так называемых незнательных граждан — праздно шатающихся ловкачей, валютчиков и прочих тунеядцев — было немного. Их выявляли, наказывали и трудоустраивали. Безделье осуждалось в обществе.

Развал социалистического строя в нашей стране привел не только к массовому закрытию предприятий, но и к огромному количеству безработных, обездоленных, в полном смысле слова «лишних людей». Реформы 90-х гг. породили массовую нищету. Постепенно исчезли значимые ранее моральные нормы. Печальные экономические следствия такого курса подробно анализировались в книге С.Ю. Глазьева, С.Г. Кара-Мурзы и С.А. Батчикова «Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2002 гг.». В ней, в частности, отмечается: «...за годы реформы страна по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям — в дореволюционный период» [Глазьев С.Ю. и др., 2004, с. 6]. Идеологическим обоснованием курса реформ был выбран миф о том, что «любая приватизация, вне зависимости от способа ее проведения, ведет к повышению эффективности производства по простой причине преимущества частной собственности над государственной» [Глазьев С.Ю. и др., 2004, с. 6]. Но как оказалось, собственника интересует только прибыль, а не потребности людей, общественное развитие как таковое. Именно поэтому, на наш взгляд, РФ за весь почти 30-летний период своего существования не смогла осуществить серьезный прорыв в экономическом развитии.

Нестабильность мирового развития, постоянные военные конфликты, голод и нищета целых регионов, политика «управляемого хаоса» бесконечно продолжаться не может. Это отмечает отечественный ученый, доктор исторических наук, профессор В.Б. Кувалдин в монографии «Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения» [Кувалдин В.Б., 2017]. Автор, в частности, пишет, что современный мир напоминает, с одной стороны,

огромную коммунальную квартиру, а с другой стороны, представлен множеством национальных государств, которые пекутся о своей национальной идентичности, и разнообразными наднациональными образованиями. Такое противоречивое устройство мира может порождать смертельные для человечества опасности. Фактически человечество неуклонно приближается к глобальному социально-экономическому кризису. Оно в очередной раз стоит на пороге эпохи социальных потрясений, последствиями которых всегда являются разруха, падение жизненного уровня, нестабильность.

Такому развитию событий может способствовать охватившая все континенты земного шара пандемия коронавируса. Она продемонстрировала, во-первых, неготовность мировой медицины решать подобного рода проблемы, во-вторых, оборотную сторону политики глобализации. Единство мирового сообщества оказалось фиктивным и фактически ограниченным принципом «против кого дружим». В условиях пандемии ведущие страны мира должны были бы объединить усилия по созданию вакцины, сплотиться перед нависшей угрозой, принять совместные меры по борьбе с опасностью, как только она обнаружилась в Китае. Но практика показала полное отсутствие такой солидарности.

Как ни странно, весь исторический опыт человечества свидетельствует о том, что люди не склонны, а возможно, и не способны извлекать уроки из прошлого. Власти, как правило, озабочены лишь тем, как сохранить свое господство. Однако перспектива триумфа искусственного интеллекта не только влечет за собой свержение крупных корпораций, но и предвещает закат политической и экономической системы капитализма. Нельзя надеяться и на то, что формируемый благодаря автоматизации и цифровизации производства огромный пласт «лишних людей» сам собой рассосется. Нужны заблаговременные реформы как политического, социального, так и экономического порядка, причем не в отдельно взятой стране, а в мировом сообществе в целом. Как считает А.Д. Урсул, для того чтобы «трансформировать стихийное глобальное развитие в общепланетарное устойчивое развитие, необходимо в течение по крайней мере нескольких поколений сформировать сознание людей, принимающих и реализующих новую цивилизационную стра-

тегию, предвидящих последствия своих решений и действий. Поэтому для достижения глобальной устойчивости необходимо формирование опережающего сознания подавляющего большинства (или хотя бы «критического» большинства) населения планеты с помощью образования и просвещения в интересах устойчивого развития» [Урсул А.Д., 2018]. К сожалению, таким сознанием не обладают даже политики ведущих стран мира. Развитые страны не готовы делиться своими привилегиями, разделять ответственность за происходящее в мире.

Чтобы понять, в каком направлении двигаться нашей собственной стране, надо определиться с ключевыми точками роста. *Первая задача* — резко снизить количество «лишних людей», раскрепостить от ненужной бюрократической волокиты творческую инициативу населения, создать рабочие места. Министерство экономического развития должно стать своего рода дирижером оркестра экономической системы страны. Его работа должна начинаться с ревизии основных составляющих материально-технической базы национальной экономики, уточнения слабых мест производства, первичных потребностей в импортозамещении, восстановления утраченных в 90-е гг. производств.

Вторая задача в экономических преобразованиях связана с организацией производств, продукция которых отсутствует в нашей стране. Для решения этой проблемы надо предложить — в первую очередь депрессивным регионам, где есть серьезный дефицит рабочих мест, — создать такие производства. Естественно, они должны создаваться на базе современных технологий. Это позволит возродить умирающие малые города, остановить поток миграции населения в мегаполисы, обезлюдивание села. Центральные органы власти должны содействовать развитию среднего и малого бизнеса, повсеместно инициировать создание новых производств на основе государственной формы собственности и государственно-частного партнерства. Это относится в первую очередь к сферам, которые связаны с национальной безопасностью, где необходимо импортозамещение, например фармацевтическое производство. Такая экономическая политика будет возрождением в некотором смысле плановой экономики, но в новых условиях и на новом уровне. Современная технология искус-

ственного интеллекта позволяет проводить системный анализ и программировать развитие экономики. В либеральной экономике инициатива на то или иное новое производство истекает от собственника. Но в условиях высокотехнологичного производства и больших затрат на его создание либеральные установки не работают, поскольку собственники не желают рисковать и им нужна быстрая стабильная прибыль. Поэтому нужно развивать современный вариант мобилизационной экономики, которая затронет управление главным образом ключевыми отраслями производства и не коснется функционирования мелкого и среднего бизнеса. Мобилизационная экономика, поскольку в ней главный игрок — государство, задаст необходимые параметры для интенсивного и расширенного развития крупного производства и опосредованно подключит к этим процессам малый и средний бизнес. Это обеспечит нашей стране экономический прорыв.

Третьей ключевой задачей реформирования экономического курса является достижение эффекта управляемости экономическим развитием страны в целом. В настоящее время государство не обладает эффективным механизмом воздействия на крупных собственников. Нет юридических норм, которые заставили бы собственников производить дешевые качественные товары, вкладывать деньги в производство, которое не сулит быстрой прибыли, но необходимо обществу, делиться своей прибылью с государством. В либеральной экономике интересы собственника выше и важнее общественных интересов. Это наглядно проявляется, например, в пищевой промышленности, где вместо качественных продуктов производятся суррогаты и продаются под брендом высококачественного товара. При этом государственные органы далеко не всегда используют юридическое воздействие и наказывают за нарушения регламента качества продукта. Последним примером экономии средств на столь необходимой модернизации производства является авария нефтехранилища в Норильске.

Четвертой задачей реформирования экономического курса следует считать изменение в системе налогообложения. В современных условиях эффективное воздействие на собственника возможно только через *индивидуально дифференцированную систему налогообло-*

жения, учитывающую, в какой степени тот или иной производитель действует в интересах общества, социально поддерживает своих работников, заботится о состоянии их здоровья, поддерживает оптимальные условия труда. Это потребует выработки объективных критериев оценки работы и «социального вклада» владельцев крупной собственности.

Пятая ключевая задача, от решения которой зависят перспективы экономического роста, связана с функционированием естественных монополий. Это наглядно можно продемонстрировать на примере приватизации ранее единой эффективно работающей энергосистемы страны. Как только энергосистема была расчленена и попала в руки частных собственников, цены на нее взлетели, а вслед за этим стали разоряться предприятия. Решение пятой ключевой задачи в реформировании экономики состоит в возвращении под управление и контроль государства энергетики и добывающих отраслей промышленности. Национальными богатствами не должны распоряжаться в собственных интересах небольшие социальные группы в ущерб основному населению страны, напротив, доход от этих отраслей хозяйства должен пополнять общественные фонды потребления и содействовать развитию социальной сферы.

Шестая задача реформирования либерального экономического курса развития страны связана с необходимостью сдерживания оттока из страны финансового капитала и высококвалифицированных специалистов. Ее решение непосредственно связано с развертыванием мобилизационного курса развития экономики. Формирование высокотехнологичных производств потребует наличия специалистов высокой квалификации. Молодым перспективным выпускникам вузов не будет необходимости уезжать за рубеж в поисках интересной и высокооплачиваемой работы, если их труд будет оплачиваться по достоинству в родной стране. Мобилизационная экономика — это вынужденный в условиях санкций, информационной войны, жесточайшей конкуренции, пандемии экономический курс выживания страны, способный уберечь ее от распада и деградации. В то же время формирование мобилизационной экономики — это не возврат к малоэффективной административной системе, существовав-

шей в СССР. Это попытка создать в стране многоукладную и сбалансированную систему народного хозяйства. Об экономике смешанного типа как о пути развития РФ говорил еще Е.М. Примаков. Сегодня эту точку зрения развивает профессор, академик РАН С.Ю. Глазьев. Согласно Глазьеву, государство должно поддерживать сельское хозяйство и промышленность, выдавая кредиты под малый или даже нулевой процент. Это необходимо для создания рабочих мест, роста спроса со стороны населения, которые будут способствовать реальному развитию экономики [Глазьев С.Ю., 2010].

Однако только экономические меры не смогут решить проблему «лишних людей» XXI в. Решение этой проблемы напрямую связано и с социально-политическими преобразованиями страны. Поскольку научно-технический прогресс остановить невозможно и высокие технологии в будущем будут использоваться в большинстве сфер деятельности людей, необходимо выявить резервы для трудоустройства широких слоев населения, обратить внимание на те области, где люди смогут получить специальность и найти работу. На наш взгляд, есть ряд сфер деятельности, где человека как главную производительную силу заменить роботами невозможно. Это, прежде всего, области здравоохранения и образования, а также сфера услуг и малого бизнеса, нуждающиеся в постоянном притоке рабочей силы. Именно на них руководство страны должно обратить особое внимание.

Ситуация с коронавирусом в мире однозначно показала, что там, где существует эффективно управляемая и контролируемая государственная система здравоохранения, удалось в достаточно короткие сроки справиться с эпидемией. Пример тому — Китай, Куба, т.е., страны, где сохранилось централизованное управление. Страховая медицина оказалась не способна решить серьезные кризисные задачи. Из этого следует, что, во-первых, в России нужно восстановить отечественную систему здравоохранения в полном объеме и, во-вторых, сделать здравоохранение ведущей отраслью экономики страны, полноценно финансируемой из государственного бюджета.

К работе в медицинской отрасли могут быть подключены большие людские ресурсы: от вспомогательного и младшего медицинского персонала до врачей разного уровня квалифи-

кации и инженерного персонала, создающего и обслуживающего медицинскую технику. Именно эта область деятельности в значительной степени поможет решить проблему «лишних людей». Руководство страны должно в корне пересмотреть политику в отношении в первую очередь здравоохранения. Необходимо не сокращать медицинские учреждения по всей стране, а, наоборот, расширять их сеть, разделять поликлиники по возрастному признаку пациентов, по направлениям оказываемых медицинских услуг, по месту жительства пациентов, по профилю оказываемых услуг. Медицина — это именно та область общественной жизни, где в первую очередь проявляется гуманизм общества, его социальная сущность, где наиболее наглядно ощущается справедливость или несправедливость, равенство или неравенство людей в обществе.

Аналогично обстоит дело и с образованием. В 90-е гг. были закрыты малокомплектные школы, увеличились нормативы численности учеников в классе, выросла нагрузка учителей и бюрократическая отчетность, оказались сокращены педагогические вузы и выпуск специалистов-педагогов, появилась нехватка педагогических кадров, что отрицательно сказалось не только на системе образования, но и на обществе в целом. Однако сфера образования важна не только с точки зрения воспитания, социализации и инкультурации личности — она является областью, которая сможет обеспечить работой значительную долю населения и снизить число «лишних людей». Это потребует соответствующей политики со стороны власти и серьезных государственных вложений. Пока же и медицина, и образование финансируются по остаточному принципу. Но именно в этих сферах возможны прямые вложения в человеческий фактор и, следовательно, в будущее страны.

В настоящее время в стране сохраняется дефицит дошкольных и школьных учебных заведений, который особенно обострился во времена интенсивной приватизации. Сегодня государство старается решить эту проблему с помощью строительства новых учебных заведений. Однако вопрос состоит не только в достаточном количестве подобных заведений, но и в их материальном оснащении и качестве получаемого образования. Непродуманные сокращения количества часов по русскому языку и

литературе, истории Отечества и другим ключевым дисциплинам привели к тому, что значительная часть детей плохо знают историю, в том числе, историю своей Родины. Остается надеется на позитивные изменения от реализации национального проекта «Образование» 2019–2024 гг., вступившего в силу 10 января 2019 г. Целями проекта являются обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности [Национальный проект..., 2019].

Неутешительно обстоят дела и в системе высшего образования, являющейся важнейшим социальным институтом любого развитого общества. Она, путем решения культурно-просветительских и образовательных задач, обеспечивает общество кадрами высшей квалификации и таким образом решает проблему занятости. Сегодня система высшего образования находится на стадии реформирования, поисков путей встраивания в новую социальную реальность постиндустриального общества [Основные тенденции..., 2010]. Присоединение России к Болонской системе, подготовка бакалавров и магистров, отказ в большинстве случаев от специалитета увеличили время обучения, но не обеспечили более высокий уровень образования. Хотя число вузов выросло за счет негосударственных частных учреждений, качество образования резко упало. Сложность трудоустройства, низкая заработная плата, сомнительные перспективы карьерного роста для большинства выпускников, особенно на фоне коррупции, не способствуют серьезному отношению студентов к учебе и овладению знаниями. Многие из абитуриентов приходят в вузы не для получения знаний, а за дипломными «корочками», поскольку ценность диплома о высшем образовании как маркера социального статуса в обществе пока сохраняется. Но фактически при отсутствии знаний и квалификации покупаются фиктивные дипломы, которые, тем не менее, некоторым личностям позволяют строить успешную карьеру. Такое плачевное состояние образования в стране становится уже просто опасным для ее дальнейшего существования.

Таким образом, российское общество близко к критической точке невозврата к оптимальному пути развития. Оно нуждается в серьезной комплексной коррекции внутреннего экономического и социально-политического курса. Особенно это становится важным для страны на фоне общемировых кризисных процессов. Предлагаемые меры реформирования экономического и социально-политического порядка, на взгляд автора, позволят решить текущие задачи прорывного развития России; также они носят опережающий характер. Способствуя развитию среднего и малого бизнеса, заблаговременно создавая рабочие места в социальной сфере, предлагаемые реформы позволят безболезненно перейти к высокотехнологичному развитию общества и избежать в будущем резкого увеличения количества «лишних людей». Но для этого необходимо выстраивать многоукладную экономику и эффективно функционирующую общедоступную социальную сферу. Необходимо поддерживать устойчивое развитие страны с учетом консолидированных интересов всех слоев населения.

Список литературы

- Атлас* новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 10.09.2020).
- Гвишиани Д.М.* Пределы роста — первый доклад римскому клубу / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. 1997. URL: http://old.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm (дата обращения: 19.06.2020).
- Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.
- Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2002 гг. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 376 с.
- Глобализация* в контексте современности: материалы Междунар. конф. «Глобальный мир: гуманитарный кризис или момент развития». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008. 358 с.
- Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б.* Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
- Кувалдин В.Б.* Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир, 2017. 400 с.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2 т. М.: Эконов: Ключ, 1993. Т. 2. С. 3–134.

Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

Национальный проект «Образование» 2019–2024 гг. Паспорт проекта / Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 09.06.2020).

Нейгебауэр Ж. «Страна охранников»: Силуанов назвал отмирающие профессии // Газета.ру. 2020. 5 мар. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/05/12990811.shtml> (дата обращения: 05.03.2020).

Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские изменения / под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В.И. Байденко; Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. М., 2010. 352 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 784 с.

Урсул А.Д. От глобального развития к глобальному миру // Мировая политика. 2018. № 4. С. 10–20. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28334 (дата обращения: 01.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.4.28334>

Федосеев Н.Г. К вопросу о типологическом характере «лишнего человека»: скитальцы Ф.М. Достоевского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 108–115.

Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с.

Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 7. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-5-14>

Ясакова Е. Робот придумает работу // Российская газета – Столичный выпуск. 2018. № 183(7646). 20 авг. URL: <https://rg.ru/2018/08/20/robotizaciia-sozdast-novye-rabochie-mesta.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Получено 07.04.2020

References

Atlas novykh professiy [Atlas of Emerging Jobs]. Available at: <http://atlas100.ru/> (accessed 10.09.2020).

Baydenko, V.I. (ed.) (2010). *Osnovnye tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya: global'nye i bolon'skie izmeneniya* [The main trends in the development of higher education: global and Bologna changes]. Moscow: IQHU Publ., 352 p.

Chumakov, A.N. (2018). *Global'nyy mir: stolknovenie interesov* [Global peace: clash of interests]. Moscow: Prospekt Publ., 512 p.

Fedoseenko, N.G. (2009). *K voprosu o tipologicheskom kharaktere «lishnego cheloveka»: skital'tsy F.M. Dostoevskogo* [To the question of the typological character of the «extra man»: wanderers F.M. Dostoevsky]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 87, pp. 108–115.

Glaz'ev, S.Yu. (2010). *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [Strategy for the rapid development of Russia in the context of the global crisis]. Moscow: Ekonomika Publ., 254 p.

Glazyev, S.Yu., Kara-Murza, S.G. and Batchikov, S.A. (2004). *Belaya kniga. Ekonomicheskie reformy v Rossii 1991–2002 gg.* [White paper. Economic reforms in Russia 1991–2002]. Moscow: Eksmo Publ., Algoritm Publ., 376 p.

Globalizatsiya v kontekste sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Global'nyy mir: gumanitarnyy krizis ili moment razvitiya» (2008). [Globalization in the context of modernity: Proceedings of the International conference «Global World: Humanitarian Crisis or Moment of Development»]. Saint Petersburg: Polytechnic University Publ., 358 p.

Gvishiani, D.M. (1997). *Predely rosta — pervyy doklad rimskomu klubu* [The limits of growth — the first report to the Club of Rome]. Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov RAS. Available at: http://old.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm (accessed 19.06.2020).

Kovalchuk, M.V., Naraykin, O.S. and Yatsishina, E.B. (2013). *Konvergentsiya nauk i tekhnologiy — novyy etap nauchno-tekhnicheskogo razvitiya* [The convergence of sciences and technologies — a new stage in scientific and technological development]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 3, pp. 3–11.

Kuvaldin, V.B. (2017). *Global'nyy mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nye otnosheniya* [Global world. Politics. Economy. Social relations]. Moscow: Ves' mir Publ., 400 p.

Malthus, T. (1993). *Opyt o zakone narodonasele-niya* [Experience on the law of population]. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: v 2 t.* [Anthology of economic classics: in 2 vols]. Moscow: Eeconov Publ., Kluch Publ., vol 2, pp. 3–134.

Meadows, D. (2007). *Predely rosta. 30 let spustya* [Limits of growth. 30 years later]. Moscow: Akademykniga Publ., 342 p.

Natsional'nyy projekt «Obrazovanie» 2019–2024 gg. Passport proekta (2019). [National project «Education» 2019–2024. Project passport]. Government of Russia: official site. Available at: <http://government.ru/info/35566/> (accessed 09.06.2020).

Neugebauer, Zh. (2020). «Strana okhrannikov»: Siluanov nazval otmirayuschie professii [«The land of guards»: Siluanov called the dying professions]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/05/12990811.shtml> (accessed 05.03.2020).

Peccei, A. (1985). *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Moscow: Progress Publ., 312 p.

Toffler, E. (2004). *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: AST Publ., 784 p.

Ursul, A.D. (2018). *Ot global'nogo razvitiya k global'nomu miru* [From global development to global world]. *Mirovaya politika* [World Politics]. No. 4, pp. 10–20. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28334 (accessed 01.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.4.28334>

Yakovlev, P.P. (2017). «Faktor Trampa» i menyayuschisya oblik globalizatsii [«Trump factor» and the changing face of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 61, no. 7, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-5-14>

Yasakova, E. (2018). *Robot pridumayet rabotu* [The robot will come up with a job]. *Rossiyskaya gazeta* (Capital issue). No. 183(7646), Aug. 20. Available at: <https://rg.ru/2018/08/20/robotizaciia-sozdast-novye-rabochie-mesta.html> (accessed 10.09.2020).

Received 07.04.2020

Об авторе

Пахарь Людмила Ивановна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и культурологии

Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева,
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95;
e-mail: bulgakovskie.htenia@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4556-0012>

About the author

Lyudmila I. Pakhar

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy
and Cultural Studies

Orel State University named after I.S. Turgenev,
95, Komsomolskaya st., Orel, 302026, Russia;
e-mail: bulgakovskie.htenia@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4556-0012>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пахарь Л.И. «Лишние люди» — социально-философская проблема XXI века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 448–458. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-448-458

For citation:

Pakhar L.I. [«Superfluous people» as social and philosophical problem of the 21st century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 448–458 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-448-458

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-459-474

**РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ
И РОЛЕВЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ***Цыганкова Полина Васильевна**Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова**Суворова Екатерина Юрьевна*

Исследуются функции ролевых игр разного типа во взрослом возрасте во взаимосвязи с особенностями самосознания игроков. Обсуждается изменение статуса игры в социокультурном контексте общества постмодерна. В эмпирическом исследовании с использованием авторской анкеты «Автопортрет участника ролевых игр», теста «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда, методики диагностики самооценки Дембо–Рубинштейн и «Гиссенского личностного опросника» Д. Бекмана приняли участие 45 респондентов: 15 участников ролевых игр живого действия (8 женщин, средний возраст — $31,53 \pm 6,48$ года, игровой стаж — $10,7 \pm 5,9$ года), 15 участников ролевой онлайн-игры Second Life (8 женщин, средний возраст — $33,8 \pm 5,62$ года, игровой стаж — $9,57 \pm 4,33$ года) и 15 чел., не увлекающихся ролевыми играми (8 женщин, средний возраст — $30,33 \pm 6,03$ года). Выявлено, что при отсутствии различий в самооценке игроков и не-игроков участники ролевых игр оценивают я-игровое по ряду параметров выше, чем я-повседневное. Обнаружены характерные особенности самосознания участников ролевых игр, среди которых когнитивная простота образа «я» и социальная ориентация самоидентичности участников ролевых игр живого действия, сверхдифференцированность образа «я», эгоцентрическая направленность самоидентичности игроков ролевой онлайн-игры. На основании контент-анализа анкет выявлены ведущие функции ролевой игры: в группе участников ролевых игр живого действия — получение ярких эмоций и возможность смены идентичности, в группе игроков Second Life — самореализация и трансгрессия. Результаты обсуждаются в контексте изменения современных представлений о критериях нормы и патологии личности.

Ключевые слова: функции игры во взрослом возрасте, ролевая игра, ролевые игры живого действия, массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры, MMORPG, Second Life, самоидентичность, самосознание, я-игровое, социокультурные аспекты нормы и патологии.

**LIVE-ACTION ROLE-PLAYING GAMES
AND ONLINE ROLE-PLAYING GAMES: PSYCHOLOGICAL FUNCTIONS
IN THE MODERN SOCIOCULTURAL CONTEXT***Polina V. Tsygankova**Pirogov Russian National Research Medical University**Ekaterina Yu. Suvorova*

The article deals with the functions of role-playing games of different types in adulthood in conjunction with the particularities of the players' self-consciousness. Changes in the status of game in the sociocul-

tural context of postmodern society are discussed. 45 respondents took part in the empirical study: 15 participants of live action role-playing games (8 women, average age 31.53 ± 6.48 years old, game experience 10.7 ± 5.9 years), 15 participants of the online role-playing game «Second Life» (8 women, average age 33.8 ± 5.62 years old, game experience 9.57 ± 4.33 years), and 15 people who are not keen on role-playing games (8 women, average age 30.33 ± 6.03 years old). In course of research were used the author's questionnaire Self-Portrait of a Role-Playing Games Participant, a modification of Kuhn–McPartland's Twenty Statements Test, Dembo–Rubinstein's self-esteem measurement methods, and the Giessen Personality Questionnaire by D. Beckman. It has been found that while «players» and «non-players» lack differences in self-esteem, the participants in role-playing games rate the in-game-self higher in a number of parameters than the real-life-self. The characteristic features of self-consciousness of participants in role-playing games have been identified. For the participants in live action role-playing games, those include cognitive simplicity of the self-image and social orientation of the self-identity. For the «Second Life» players, over-differentiation of the self-image and egocentric orientation of the self-identity are common. The key functions of role-playing games have been identified based on the content analysis of the questionnaires. They are as follows: getting intense emotions and changing identities are the key functions in the group of live action role-playing games' participants, while self-fulfillment and transgression are typical for the «Second Life» players. The results are discussed in the context of possible changes in modern criteria for distinguishing normal and pathological personality.

Keywords: functions of game in adulthood, role-playing game, live action role-playing game, LARP, massively multiplayer online role-playing games, MMORPG, Second Life, self-identity, in-game-self, sociocultural aspects of norm and pathology.

Введение

В отечественной психологии ролевая игра осмыслялась преимущественно как ведущая деятельность детей дошкольного возраста, в рамках которой развивается воображение, произвольное поведение, символическая функция. При всем многообразии сюжетов детских игр их содержание всегда составляет деятельность людей и их отношения между собой. Освоение этих отношений происходит через роль взрослого человека, которую берет на себя ребенок, и именно роль рассматривается как единица игры [Эльконин Д.Б., 1999, с. 34]. Однако ролевая игра нередко становится значимым видом деятельности и во взрослом возрасте [Кутас Э.А., 2011, с. 96].

Взрослые люди играли на протяжении всей истории развития человечества, но функции игры качественно менялись. На заре цивилизации в традиционных обществах ролевые игры были призваны помочь человеку выжить в непознанном мире, реализовать потребность в контроле над силами, определяющими его жизнь [Киппер Д., 1993, с. 9]. В процессе модернизации игры взрослых заняли маргинальное положение по отношению к «серьезным» продуктивным видам деятельности, им стала приписываться преимущественно рекреационная функция. Взрослые игры (англ. game) противопоставлялись детским

играм (англ. play) как строго организованные, урегулированные, подчиняющиеся четкой системе правил [Кутас Э.А., 2011, с. 96]. Ситуация вновь изменилась в конце XX в., когда произошел взрыв увлечения ролевыми играми среди взрослого населения.

Исторически возникновение и развитие ролевых игр совпадает с формированием информационного общества [Царева А.В., 2014, с. 16]. Впервые ролевая игра как отдельный вид досуга возникла в США в 1970-х гг. Ролевая субкультура в России сформировалась на фоне общественного и политического кризиса 80–90-х гг. [Есаулов В.И. и др., 2015, с. 128; Щербачев В.В., 2014, с. 217]. В настоящее время число любителей ролевых игр в России и мире насчитывает десятки тысяч (до 100 000, по некоторым оценкам) [Писаревская Д.Б., 2009, с. 15], массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра Second Life, являющаяся предметом интереса данной статьи, насчитывает 0,8 млн активных пользователей [Белозеров С.А., 2015а, с. 56]. В обоих случаях основной контингент игроков составляют взрослые люди [Кутас Э.А., 2011, с. 95].

Психологические функции ролевой игры для современного взрослого человека могут быть осмыслены в контексте новой социокультурной ситуации общества постмодерна, в котором игра перемещается с периферии в центр, становится онтологической основой бытия человека, опре-

деляющей его самосознание и самоидентичность [Бауман З., 1995; Беляева Л.А., Новикова О.Н., 2018; Плохинова М.Б., Глотова В.В., 2012; Сысоева Л.С., Голобородова Т.Н., 2001].

Игровой характер культуры постмодерна проявляется в ее симулятивности, сценичности, превращении жизни в шоу и в «театральную призрачность» [Сысоева Л.С., Голобородова Т.Н., 2001, с. 5]. Место единой культуры занимает «культура многого», в разорванном, отчужденном, лишенном смысла и закономерности мире господствуют случай и принцип игры, правила которой постоянно меняются [Плохинова М.Б., Глотова В.В., 2012, с. 87]. Игра все больше институционализируется, проникает во все сферы и формы действительности, становится моделью реальности, способом выстраивания личностных жизненных стратегий, средством презентации себя и мира [Беляева Л.А., Новикова О.Н., 2018, с. 86]. Все больше видов деятельности (образование, работа, подбор персонала, идеологическая пропаганда) перестраиваются на основании игровых механик и методов, подвергаясь геймификации.

Для человека играющего нормальна готовность к быстрой смене самоидентичности. Как полагает З. Бауман [Бауман З., 1995], проблема идентичности в наши дни значительно трансформировалась: если перед человеком модерна стояла задача построить свою идентичность и сохранить ее целостность и стабильность, то перед человеком постмодерна стоит задача избежать любой фиксации и сохранить свободу выбора. Е.Т. Соколова указывает, что в мире хаотически меняющихся ценностей и расплывающихся границ высшей ценностью становится свобода маневра, личного произвола в конструировании и «переиздании» собственного «я» [Соколова Е.Т., 2015, с. 22–23]. Изобретаемая в ходе череды различных жизненных игр идентичность выливается в поиски бесчисленных начал, в «рассеивание Я» [Сысоева Л.С., Голобородова Т.Н., 2001, с. 6]. Человек оказывается *обречен на игру* [Плохинова М.Б., Глотова В.В., 2012, с. 88].

Психологическая характеристика ролевых игр живого действия и онлайн-игр

Любая ролевая игра имеет развернутую сюжетную составляющую и предполагает отыгрыш личности персонажа во взаимодействии с другими игроками. Многопользовательские роле-

вые онлайн-игры разворачиваются в киберпространстве, в виртуальном мире, который продолжает свое развитие вне зависимости от игровых сессий конкретных игроков и в котором могут быть задействованы сотни и тысячи пользователей одновременно [Богачева Н.В., Войскунский А.Е., 2015]. Ролевые игры живого действия разыгрываются в условном, игровом, но вполне материальном пространстве, управляются «мастером» игры, в них участвует ограниченное количество игроков, нередко поддерживающих неформальное общение за пределами игры.

Очевидно, что ролевые игры живого действия и ролевые онлайн-игры имеют ряд существенных различий. Онлайн-игры, в отличие от игр живого действия, разворачиваются в символическом, нетелесном плане, созданном компьютерной технологией, их участники обладают частичной или полной анонимностью, возможностью гибкого управления самопрезентацией и конструирования идентичности [Turkle Sh., 1997; Сергеева О.В. и др., 2017, с. 52]. Создание виртуального аватара позволяет «убежать из собственного тела» — от внешнего облика, индикаторов пола, возраста, социально-экономического статуса, этнической принадлежности [Лысак И.В., Косенчук Л.Ф., 2016, с. 127], т.е. перейти на символический уровень инсценировки своей индивидуальности. При увлечении ролевыми играми живого действия, напротив, значительное место занимает личное общение в игровом сообществе в процессе подготовки к игре и ее реализации, происходит взаимопроникновение реальных и игровых отношений участников. В центре компьютерных ролевых игр лежит концепция развития персонажа в соответствии с тем, каким хочет его видеть игрок, тогда как при ролевых играх живого действия на первый план выходит оценка мастерства игрока на основании того, насколько хорошо он «отыграл» свою роль [Акулина Т.В., 2006].

Различными представляются и психологические портреты игроков, предпочитающих ролевые онлайн- и офлайн-игры.

Так, В.В. Щербачевым получены данные, согласно которым для людей, увлекающихся ролевыми играми живого действия, характерны инфантильность, конфликт между эмоциональной чувствительностью, потребностью во внимании и восприятием социума как опасной, враждебной среды [Щербачев В.В., 2014]. В исследова-

нии В.И. Есаулова с соавторами установлена незрелость «ролевигов» и деформация их личностной структуры с гипертимным и экспансивно-шизоидным типом реагирования [Есаулов В.И. и др., 2015]. Согласно данным А.С. Журавлевой, напротив, «ролевики» отличаются от людей, не имеющих подобного увлечения, более высоким уровнем самоактуализации, гибкости поведения, спонтанности, самопринятия и креативности [Журавлева А.С., 2014]. Отметим, что результаты исследований игроков данного типа подчас варьируются в зависимости от принадлежности самого исследователя к ролевому движению.

У игроков многопользовательских ролевых онлайн-игр Н.М.И. Петровской выявлены такие характеристики, как эгоистичность, доминантность, агрессивность, тревожность, завышенная самооценка, ориентация на прошлое, уход от социальных контактов [Петровская Н.М.И., 2018]. Согласно результатам исследования Н.В. Богачевой и А.Е. Войскунского, онлайн-игроки отличаются от людей, не увлекающихся компьютерными играми или предпочитающих игры офлайн, высоким уровнем склонности к риску и к поиску острых ощущений [Богачева Н.В., Войскунский А.Е., 2015].

Помимо неоднородности результатов эмпирических исследований, дискуссионным остается вопрос, является ли описанный комплекс черт предрасполагающим к формированию соответствующего увлечения или долговременное участие в ролевых играх приводит к формированию и закреплению соответствующих черт. Также специалистами активно обсуждаются вопросы наличия дезадаптирующих и адаптирующих аспектов влияния ролевых игр на их участников.

Функции ролевых игр

Проблема функций ролевых игр обсуждается в последнее десятилетие отечественными авторами достаточно активно [Белозеров С.А., 2015а, 2015б; Брагина О.А., 2015; Есаулов В.И. и др., 2015; Лысак И.В., Косенчук Л.Ф., 2016; Писаревская Д.Б., 2009; Сергеева О.В. и др., 2017; Щербачев В.В., 2014]. Упомянув образовательную, рекреационную и коммерческую функции, остановимся подробнее на функциях, непосредственно связанных с личностью и самосознанием игроков.

Часто упоминаемой функцией ролевой игры является компенсаторное удовлетворение по-

требностей, депривированных в повседневной жизни. О.А. Брагина отмечает, что ролевые онлайн-игры могут использоваться для компенсации переживания одиночества, нереализованности и низкой самооценки в реальном мире [Брагина О.А., 2015]. С.А. Белозеров считает компенсаторный потенциал онлайн-игр бесценным для людей с проблемой мобильности, находящихся в состоянии физической или социальной изоляции и нуждающихся в «социальной самореабилитации» [Белозеров С.А., 2015а, 2015б]. В определенном смысле в качестве компенсаторных могут быть рассмотрены такие часто упоминаемые в самоотчетах участников возможности игры, как самореализация и творческое самовыражение [Писаревская Д.Б., 2009], выражение эмоций, общение с интересными людьми [Есаулов В.И. и др., 2015], приобретение друзей и романтических партнеров [Белозеров С.А., 2015б; Сергеева О.В. и др., 2017], поскольку соответствующие психологические задачи потенциально могут быть решены и вне игровой деятельности.

Другой функцией ролевой игры, выделяемой исследователями, является улучшение адаптации личности к реальной действительности. Авторы указывают на возможность приобретения в игре коммуникативных навыков и отработки паттернов поведения, которые впоследствии могут быть перенесены в реальную жизнь. Ролевые игры живого действия помогают избавиться от страха перед социумом [Щербачев В.В., 2014], попробовать себя в разных сферах [Писаревская Д.Б., 2009], смоделировать различные жизненные ситуации и получить в безопасных условиях опыт, недоступный в реальной жизни [Есаулов В.И. и др., 2015]. Ролевые онлайн-игры выполняют социализирующую функцию, обеспечивают тренировку социальных навыков и выработку активной жизненной позиции в условиях отсутствия ограничений офлайн-реальности и страха провала [Сергеева О.В. и др., 2017].

Наконец, третьей функцией ролевых игр является конструирование личной идентичности и преодоление ее диффузии. Ролевая игра понимается как «мастерская идентичности» [Turkle Sh., 1997], как способ преодоления затяжного кризиса идентичности, удовлетворения базовых детских потребностей и противостояния полученным в семье сценарным предписаниям [Есаулов В.И. и др., 2015, с. 131]. При этом авторы расходятся во мнении относительно ме-

ста и функции игрового «я» в структуре самосознания личности [Лысак И.В., Косенчук Л.Ф., 2016; Петровская Н.М.И., 2018].

В целом обзор современных психологических исследований проблемы увлечения ролевыми играми во взрослом возрасте позволяет прийти к выводу, что данное предметное поле содержит в себе значительное количество дискуссионных аспектов, нуждается в дальнейшем исследовании и осмыслении в контексте современной социокультурной ситуации.

Объектом представленного исследования является игра, **предметом** — функции ролевых игр разного типа во взрослом возрасте. **Цель** исследования — выявление специфических функций игры у участников сюжетных ролевых игр живого действия и ролевых онлайн-игр (на примере симулятора реальной жизни Second Life) во взаимосвязи с особенностями их самосознания. Выдвинута **гипотеза**, согласно которой игровая деятельность выполняет различные функции для участников ролевых игр разного типа в соответствии с особенностями их самосознания:

1. Участники ролевых игр живого действия характеризуются большей полезависимостью самосознания и диффузией идентичности: игра дает им возможность определить собственную социальную принадлежность и множество раз сменить идентичность.

2. Участники ролевых онлайн-игр имеют более эгоцентрическую направленность самосознания: игра позволяет им воплощать в виртуальном пространстве идеализированные или запретные компоненты самоидентичности.

Методы и методики

1. Авторская анкета «Автопортрет участника ролевых игр». Анкета включала в себя 21 вопрос, направленный на сбор общей информации об участнике (имя/никнейм, возраст, род деятельности, семейное положение, игровой стаж), выявление игровых предпочтений (предпочитаемые сюжеты, характеристики отыгрываемых персонажей), оценку системы социальных связей внутри и вне игрового сообщества, выяснение мотивов и целей участия в ролевых играх. Ответы были подвергнуты контент-анализу.

2. Тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой), [Румянцева Т.В., 2006]. Методика позволяет установить соотношение 7 основных компонентов идентич-

ности: социальное «я», коммуникативное «я», материальное «я», физическое «я», деятельное «я», перспективное «я», рефлексивное «я».

3. Методика диагностики самооценки Дембо–Рубинштейн (Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн) [Рубинштейн С.Я., 2010]. В нее были включены шкалы «здоровье», «характер», «ум», «счастье», «привлекательность», «самореализация», «уверенность в себе», «общительность» и «интересная жизнь». Участники, увлекающиеся ролевыми играми, выполняли задания дважды: в отношении я-повседневного и я-игрового.

4. «Гиссенский личностный опросник» (D. Beckman et al; адаптация Е.А. Голынкиной и колл.) [Голынкина Е.А. и др., 1993]. Опросник включает в себя шкалы «социальное одобрение», «доминантность», «контроль», «преобладающее настроение», «открытость – замкнутость», «социальные способности». Участники, увлекающиеся ролевыми играми, выполняли методику дважды: в отношении я-повседневного и я-игрового.

Результаты исследования были подвергнуты анализу с использованием методов математической статистики в программе IBM SPSS Statistics 23.

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 45 чел., составивших две экспериментальные и одну контрольную группу по 15 чел. (по 8 женщин).

1. Экспериментальную группу № 1 составили участники ролевых игр живого действия (далее — РИЖД). Средний возраст — $31,53 \pm 6,48$ года, игровой стаж — $10,7 \pm 5,9$ года. В исследовании приняли участие игроки, предпочитающие сюжетные ролевые игры, преимущественно павильонные и кабинетные. Такие игры подразумевают проживание игроками фрагмента жизни персонажей, связанных принадлежностью к одной истории, развитие сюжета, заданного «мастером» игры.

2. Экспериментальную группу № 2 составили участники массовой многопользовательской ролевой онлайн-игры в жанре симулятора Second Life (далее — SL). Средний возраст — $33,8 \pm 5,62$ года, игровой стаж — $9,57 \pm 4,33$ года. Игра Second Life («Вторая жизнь», 2003 г., Linden Lab) полностью оправдывает свое название, позволяя своим участникам строить карьеру, заводить друзей, создавать семью и обзаводиться собственностью на про-

сторах виртуального мира. Пользователи могут самостоятельно наполнять виртуальные территории, создавать новые виды виртуальных объектов, а аватар опосредованным трудом зарабатывать виртуальную валюту (линден) и личное виртуальное имущество.

3. Контрольную группу составили люди, не имеющие среди увлечений ролевые игры, их средний возраст — $30,33 \pm 6,03$ года.

Результаты исследования

При межгрупповом сравнении результатов участников, увлекающихся ролевыми играми, и участников, не имеющих подобного увлечения, по методикам Дембо–Рубенштейн и «Гиссенскому личностному опроснику» статистически значимых различий не выявлено. В обеих сравниваемых группах средние показатели по всем предложенным шкалам находятся в диапазоне от среднего до умеренно высокого, что условно соответствует адекватной самооценке.

При анализе результатов методики «Кто я?» бросается в глаза значительное расхождение

среднего количества ответов, данных участниками каждой из групп. Участники контрольной группы дали в среднем 10,7 ответов, участники РИЖД — 5,7, а участники SL — 16,1. Что касается выраженности отдельных компонентов самоидентичности, то участники РИЖД по сравнению с участниками контрольной группы на уровне тенденции ($p = 0,091$) чаще дают ответы в категориях «деятельное “я”». Также в ответах трех участников РИЖД присутствует проблемная идентичность в отличие от ответов участников контрольной группы. Участники SL по сравнению с участниками контрольной группы значимо реже используют при ответе на вопрос «Кто я?» слова и выражения категории «социальное “я”» ($p = 0,001$) и гораздо чаще дают ответы категорий «деятельное “я”» ($p = 0,017$) и «рефлексивное “я”» ($p = 0,027$).

Второй этап статистической обработки данных заключался в сравнении самооценок я-повседневного и я-игрового игроками ролевых игр разного типа, результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение самооценки я-повседневного и я-игрового

Table 1. Comparison of the self-esteem of the in-game-self and real-life-self

Шкалы	Участники РИЖД			Участники SL		
	я-повседневное	я-игровое	<i>p</i> =	я-повседневное	я-игровое	<i>p</i> =
<i>Самооценка по методике Дембо–Рубинштейн</i>						
Характер	55,47	66,47	0,084	72,67	85,33	0,022*
Привлекательность	57,73	76,20	0,002*	56,67	83,33	0,002*
Самореализация	60,53	81,07	0,020*	68,00	81,33	0,044*
Уверенность в себе	54,40	79,67	0,004*	73,33	87,33	0,009*
Общительность	68,93	68,93	0,660	70,67	80,67	0,073
Интересная жизнь	70,60	84,80	0,022*	70,00	74,67	0,227
<i>«Гиссенский личностный опросник»</i>						
Шкала социального одобрения	44,93	58,80	0,007*	52,73	59,20	0,023*
Шкала преобладающего настроения	47,53	39,00	0,030*	42,80	39,60	0,090

Примечание: звездочкой отмечены статистически значимые различия по Т-критерию Уилкоксона для зависимых выборок ($*p \leq 0,05$; $**p \leq 0,01$), курсивом — различия на уровне тенденции ($p < 0,1$). Участники РИЖД — участники ролевых игр живого действия, Участники SL — участники ролевой онлайн-игры Second Life.

Note: ‘*’ highlights statistically significant differences by Wilcoxon signed-rank test for the dependent samples ($*p \leq 0,05$; $**p \leq 0,01$), italic letters highlight differences on the inclination level ($p < 0,1$). RIZhD players — participants of the live-action role-playing games, SL players — participants of the online role-playing game «Second Life».

По ряду параметров я-игровое оценивается игроками значимо выше, чем я-повседневное: участники обеих экспериментальных групп в игре чувствуют себя более социально успешными, привлекательными, достойными уважения окружающих и способными достигать поставленных целей. Также участники обеих групп в

игре чувствуют меньшую ответственность за свое поведение, ощущают себя более свободными в выражении собственных чувств, менее склонны к самокритике, у них реже бывает плохое настроение.

Третий этап обработки данных был направлен на сравнение особенностей самосознания и

функций игровой деятельности у участников ролевых игр разного типа.

Статистически значимые различия в самооценке игроков РИЖД и SL представлены в табл. 2.

Таблица 2. Сравнение самооценок игроков ролевых игр разного типа

Table 2. Comparison of the self-esteem of the role-playing games of different types' players

Шкалы	Участники РИЖД	Участники SL	p=
<i>Самооценка по методике Дембо–Рубинштейн</i>			
Я-повседневное: характер	55,47	72,67	0,041*
Я-игровое: характер	66,47	85,33	0,007**
Я-повседневное: уверенность в себе	54,40	73,33	0,033*
<i>«Гиссенский личностный опросник»</i>			
Я-повседневное: социальное одобрение	44,93	52,73	0,089
Я-игровое: контроль	56,67	50,40	0,050*

Примечание: звездочкой отмечены статистически значимые различия по U-критерию Манна–Уитни для независимых выборок (*p < 0,05; **p < 0,01); курсивом — различия на уровне тенденции (p < 0,1). РИЖД — ролевые игры живого действия, SL — ролевая онлайн-игра Second Life.

Note: '*' highlights statistically significant differences by Mann–Whitney test for independent samples (*p < 0,05; **p < 0,01); italic letters highlight differences on the inclination level (p < 0,1). RIZhD — live-action role-playing games, SL — online role-playing game «Second Life».

При совпадении самооценок по большинству шкал в обеих группах было выявлено, что участники SL оценивают себя выше, чем участники РИЖД, по шкале «характер» как в повседневности, так и в игре, а также чувствуют себя более уверенными в себе и (на уровне тенденции) получающими больше социального одобрения в повседневной жизни. Участники РИЖД

оценивают себя в игре как более ответственных, аккуратных, чем участники SL (шкала контроля «Гиссенского личностного опросника»).

Структура самоидентичности игроков двух групп также имеет определенные различия, проявляющиеся при ответе на вопрос «Кто я?» и представленные в табл. 3.

Таблица 3. Частоты упоминания различных компонентов идентичности участниками ролевых игр разного типа

Table 3. Frequency of mentioning of the different identity components by the role-playing games of different types' players

Компонент идентичности	Участники РИЖД (% ответов, n = 86)	Участники SL (% ответов, n = 242)	$\chi^2=$	p=
Социальное «я»	34	18	9,425	0,003**
Коммуникативное «я»	7	4	1,106	0,293
Материальное «я»	1	2	0,102	0,751
Физическое «я»	0	2	2,172	0,141
Деятельное «я»	20	21	0,066	0,798
Перспективное «я»	0	1	0,715	0,398
Рефлексивное «я»	35	52	7,159	0,008**
Проблемная идентичность	3	0	4,981	0,026*

Примечание: звездочкой отмечены статистически значимые различия по критерию χ^2 Пирсона (*p < 0,05; **p < 0,01). РИЖД — ролевые игры живого действия, SL — ролевая онлайн-игра Second Life.

Note: '*' highlights statistically significant differences by Pearson's chi-squared test (*p < 0,05; **p < 0,01). RIZhD — live-action role-playing games, SL — online role-playing game «Second Life».

Выявлено, что участники РИЖД значимо чаще употребляют при ответе на вопрос «Кто я?» слова и выражения, относящиеся к категориям «социальное «я»» (p = 0,003) и значимо реже — «рефлексивное «я»» (p = 0,008).

На основании контент-анализа анкет участников исследования выделены следующие функции игровой деятельности, упоминаемые респондентами:

1. Рекреация — проведение досуга, развлечения.

2. Эскапизм — уход от проблем повседневности, отвлечение.

3. Общение — поиск новых знакомых и друзей, коммуникация.

4. Образование — получение знаний и навыков, полезных в реальной жизни.

5. Заработок — использование игры для получения дохода.

6. Самореализация — реализация в игре своих талантов, способностей, отдельных проектов; достижение социального признания посредством игры, успеха в игровом сообществе.

7. Получение ярких эмоций — переживание интенсивных эмоций, недоступных в повседневной жизни.

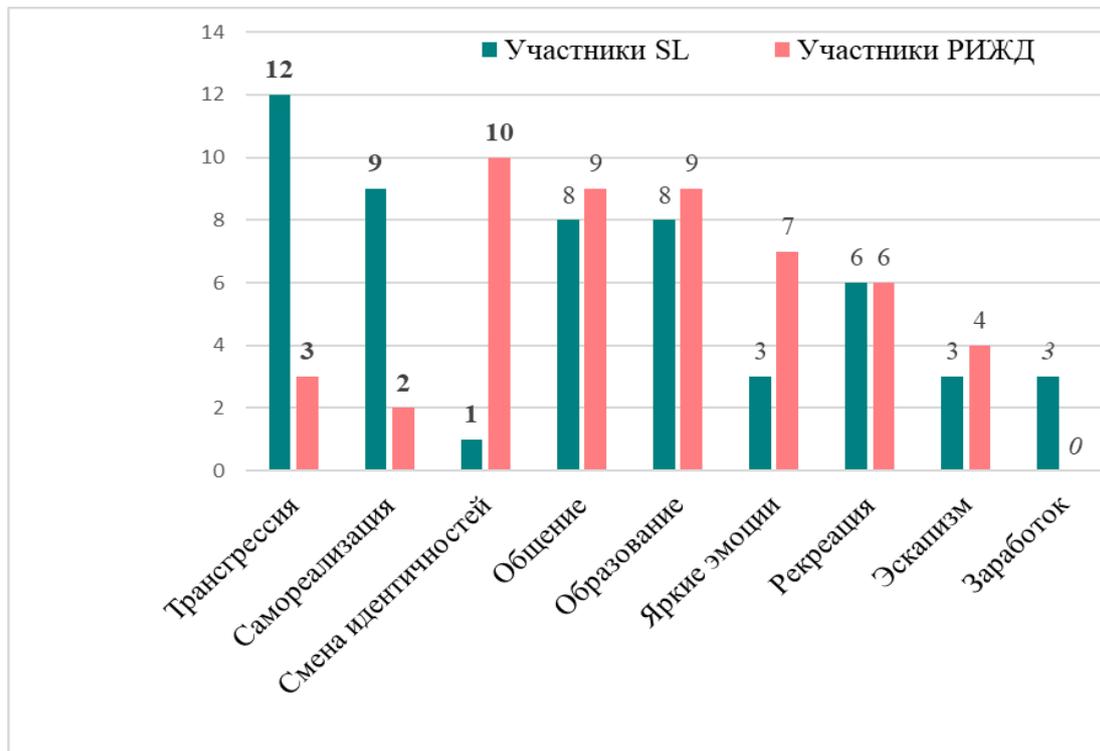
8. Трансгрессия — преодоление ограничений реального мира:

8.1. Реализация невозможного, преодоление физических законов (использование магии, создание аватара в виде мифического существа);

8.2. Реализация неприемлемого, аморального, запретного (вербальная и физическая агрессия, сексуальные девиации, аморальное поведение).

9. Смена идентичностей — идентификация с множеством разнообразных персонажей, существенно различающихся по социально-демографическим и индивидуально-личностным характеристикам.

Суммарная частота упоминания функций игры наглядно представлена на рисунке.

Частоты упоминания функций игровой деятельности в анкетах участников ролевых игр разного типа

Frequency of mentioning of the playing activity functions in the surveys of the role-playing games of different types' players

Примечание: полужирным шрифтом отмечены статистически значимые различия по критерию χ^2 Пирсона, $p < 0,05$, курсивом — различия на уровне тенденции ($p < 0,1$). РИЖД — ролевые игры живого действия, SL — ролевая онлайн-игра Second Life.

Note: semi-bold letters highlight statistically significant differences by Pearson's chi-squared test, $p < 0,05$, italic letters highlight differences on the inclination level ($p < 0,1$). RIZhD — live-action role-playing games, SL — online role-playing game «Second Life».

Получено, что участники SL значимо чаще упоминают функцию самореализации в игре ($p = 0,034$), а также трансгрессивную функцию реализации невозможного или запретного ($p = 0,017$), тогда как участники РИЖД гораздо чаще выделяют функцию смены идентичности, проживания множества разнообразных жизней ($p = 0,003$).

Помимо подсчета абсолютных частот упоминания различных функций игровой деятельности в анкетах, для каждого игрока была выделена ведущая функция игры. Частоты ведущих функций для двух групп представлены в табл. 4.

Таблица 4. Ведущие функции игры для участников ролевых игр разного типа

Table 4. The leading functions of the play for the role-playing games of different types' players

Функция игры	Участники SL	Участники РИЖД	$\chi^2=$	$p=$
Яркие эмоции	1	6	4,658	0,031*
Смена идентичностей	0	5	6,000	0,015*
Эскапизм	2	3	0,240	0,625
Трансгрессия	4	0	4,615	0,032*
Самореализация	3	0	3,333	0,068
Общение	2	1	0,370	0,543
Заработок	2	0	2,143	0,144
Рекреация	1	0	1,034	0,310

Примечание: звездочкой отмечены статистически значимые различия по критерию χ^2 Пирсона ($p < 0,05$), курсивом — различия на уровне тенденции ($p < 0,1$). РИЖД — ролевые игры живого действия, SL — ролевая онлайн-игра Second Life.

Note: '*' highlights statistically significant differences by Pearson's chi-squared test ($p < 0,05$), italic letters highlight differences on the inclination level ($p < 0,1$). RIZhD — live-action role-playing games, SL — online role-playing game «Second Life».

В качестве ведущих в группе участников SL значимо чаще выступает трансгрессивная функция реализации невозможного и неприемлемого ($p = 0,032$) и функция самореализации на уровне тенденции ($p = 0,068$), тогда как значимо более частотными ведущими функциями для участников РИЖД являются получение ярких эмоций ($p = 0,031$) и смена идентичности ($p = 0,015$).

Обсуждение результатов

Исследование было посвящено выявлению функций ролевых игр разного типа во взрослом возрасте. Отсутствие различий в самооценке участников, увлекающихся и не увлекающихся ролевыми играми, и ее достаточно высокий уровень в обеих группах не подтверждают предположение, что ролевые игры выполняют компенсаторно-эскапистскую функцию для людей с заниженной самооценкой. Отсутствие лонгитюдного наблюдения не позволяет, однако, исключить, что увлечение ролевыми играми оказало позитивное влияние на исходно заниженную самооценку и недостаточность коммуникативных навыков игроков, особенно в контексте того, что я-игровое оценивается ими по

ряду параметров (социальная успешность, привлекательность, уважение окружающих, способность достигать поставленных целей) значимо выше, чем я-повседневное. Я-игровое может расцениваться как обладающее развивающим личностный потенциалом, но может рассматриваться и в качестве отдельного, обособленного компонента самосознания участников ролевых игр, не оказывающего прямого влияния на их самооценку и степень адаптации в повседневной жизни.

Различия между игроками и не-игроками обнаруживаются при анализе содержательных особенностей их самоидентичности. Так, на основании результатов методики «Кто я?» можно предположить, что образ себя участников РИЖД по сравнению с образом себя участников из контрольной группы является когнитивно упрощенным, недостаточно дифференцированным, тогда как для участников SL, напротив, характерна высокая рефлексивность, сверхдифференцированность образа «я» и особая его значимость, что подтверждает выдвинутые гипотезы.

В целом проделанное исследование позволяет выдвинуть предположение о ведущих пси-

хологических функциях ролевых игр как для участников РИЖД, так и для игроков SL в контексте особенностей их самосознания.

Участники ролевых игр живого действия при самоопределении больше опираются на описание видов деятельности по сравнению с людьми, не увлекающимися играми, и на свою принадлежность к различным социальным группам и общностям по сравнению с участниками ролевых онлайн-игр. В целом задача описать себя вызывает у них затруднения, они дают существенно меньше ответов на вопрос «Кто я?», чем другие участники, а также упоминают проблемную идентичность, что может отражать более низкий уровень дифференцированности их образа «я», когнитивную простоту самосознания. В качестве наиболее часто упоминаемых и ведущих для большинства участников данной группы функций игры выступают возможность смены идентичности и получения ярких эмоций, недоступных в повседневной жизни. Проиллюстрируем данные функции выдержками из двух анкет¹.

Респондент № 4, 28 лет, жен., трудоустроена, не замужем. В РИЖД участвует с 2005 г., в настоящее время играет реже, поскольку «*хороших игр, к сожалению, мало*», однако описывает периоды, когда участвовала в играх «*каждые выходные*». Упоминает эскапистскую функцию игр: «*...это как наркотик. Хорошая игра позволяет расслабиться и отогнать проблемы, которые есть в реальном мире*». Однако в качестве ведущей функции выделяет получение ярких эмоций: «*Мне нужны эмоции. Живые и настоящие. Моя реальная жизнь довольно скушна и пресна. Я труслива и ленива. А вот в играх хочется развернуться. Так развернуться, что бы мало не показалось. В общем, на игры я езжу за эмоциями. Неподдельными и настоящими*».

Респондент № 11, 28 лет, жен., работает, не замужем, играет в РИЖД с 2004 г., 10–25 игр в год, каждая игра — от 4–5 ч. до 4–8 сут., «*персонажи предельно разные*». Основные цели и направление развития в игре: «*...разнообразии. Освоение как можно большего количества вариантов поведения и персонажей*». На вопрос,

что может дать ей игра, в отличие от любой другой деятельности, дает ответ: «*Возможность быть кем угодно. Возможность часто менять лицо и не привязываться к конкретной личности*».

Подобный тип организации самосознания напоминает синдром диффузии идентичности, описанный О. Кернбергом в качестве характерной особенности пограничной личностной организации [Кернберг О., 2014]. Пограничное самосознание характеризуется уязвимостью и хрупкостью самоидентичности, выраженными чертами психологической зависимости, дефицитом индивидуальности и когнитивной простотой, а также состоянием хронического «эмоционального голода» [Соколова Е.Т., 2015, с. 33], что объясняет поиск интенсивных эмоций в игре. Можно предположить, что, не ощущая достаточной связности личного нарратива, цельности своего «я» и самопоследовательности в повседневной жизни, игроки РИЖД совершают решительные поступки и делают судьбоносные выборы в рамках игрового сюжета, временно обретают определенность самоидентичности, заимствуя ее у отыгрываемого персонажа, чтобы затем сбросить ее вместе с ролью и вернуться к состоянию неопределенности и диффузии.

Участники ролевой игры онлайн *Second Life* обладают по ряду параметров более высокой самооценкой как я-повседневного (характер, уверенность в себе, социальное одобрение), так и я-игрового (характер) по сравнению с участниками РИЖД. В сравнении с другими респондентами при самоопределении они чаще опираются на свои личностные качества и реже — на социальные роли, что отражает эгоцентрическую направленность самоидентичности. Их образ себя более дифференцированный, усложненный, многокомпонентный по сравнению с остальными участниками исследования, что отражает высокую рефлексивность и особую значимость своего «я». Наиболее частотными и ведущими функциями игры для участников SL являются самореализация, а также реализация невозможного и неприемлемого. Приведем в качестве примеров выдержки из двух анкет.

Респондент № 23, 35 лет, муж., женат, трудоустроен, стаж игры около 6 лет, играет от 2 до 40 ч. в неделю. Выбрал игру *Second Life*, поскольку она «*помогает реализовать фетиши и*

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация респондентов.

наклонности, которым препятствует реальность», предоставляет «возможность реализовать без вреда для окружающих». Своего персонажа он описывает так: «Потомственный барон, бывший военный. Воспитан, образован, аристократичен, перфекционист. При этом, садист и обладатель чувства черного юмора», и утверждает, что в значительной степени идентифицируется с ним. Цель игры для него «как была, так и осталась — элегантно и аристократично перепороть как можно больше народу». В дальнейшем в течение неограниченного времени планирует «продолжать виртуально самореализовываться в качестве жестокого барона».

Респондент № 26, жен., 35 лет, замужем, есть ребенок, стаж игры — 9 лет, в настоящее время проводит в игре 8–9 ч. в день. Выбрала «Second Life» в связи с «возможностью развития себя в творческом плане, а также возможностью заработка внутри игры». Пришла в игру «от нехватки общения в декрете», «принимала участие во всем что мне было интересно. Была диджеем, занималась местными клубами. Пробовала себя в фото. Строительстве. Театральные постановки и проведение всевозможных шоу программ. Конечно же влезла и в отношения близкие с другими игроками...». Затем «после очередного разлада с очередным клубом, увлеклась дизайном. Открыла свой магазин... Долго училась, долго пробивалась и добивалась. Целью было ...достичь хорошего заработка и популярности у других пользователей». Планирует «развивать себя дальше в дизайне и моделировании». В качестве эксклюзивной (т.е. недостижимой иначе) функции игровой деятельности для себя называет «самореализацию в любом ее проявлении».

Полученные нами данные согласуются с данными Н.М.И. Петровской, свидетельствующими о высокой рефлексивности и повышенной самооценке игроков ролевых онлайн-игр [Петровская Н.М.И., 2018]. Нам также созвучна интерпретация автором подобных проявлений как нарциссических. В связи с тем, что виртуальный аватар «порывает с телом» (что невозможно в ролевых играх живого действия), он может быть наделен любыми желаемыми для игрока качествами и приобретать характер совершенного, неповторимого, грандиозного нарциссического фасада, за которым может

скрываться слабое и тяжело переживающее свою неполноценность реальное «я».

В отличие от игроков РИЖД, в значительной степени ориентированных на правила и нормы ролевого сообщества и пребывающих в значимых эмоционально-личностных отношениях друг с другом вне игры, онлайн-игроки не связаны никакими социальными обязательствами и могут прервать опосредованные Интернетом связи в любой момент. В таких условиях отсутствия сдерживающих нормативов и правил под маской аватара становится возможным безнаказанное нарушение моральных табу, реализация нарциссической «вседоступности и вседозволенности» [Соколова Е.Т., 2015, с. 45]. Стоит, однако, отметить, что проблемы правового регулирования поведения участников массовых многопользовательских онлайн-игр и создания «виртуального права» начинают привлекать внимание специалистов и активно обсуждаться [Батурин Ю.М., Полубинская С.В., 2018].

Мы полагаем, что именно трансгрессивный потенциал ролевых игр, особенно в онлайн-формате, создает риски для усугубления личностных дисфункций. В.И. Есаулов с соавторами указывает, что в рамках ролевых игр живого действия, спрятавшись под маской персонажа, становится возможным безопасно исследовать теневые стороны своей личности [Есаулов В.И. и др., 2015, с. 131]. Sh. Turkle пишет о том, что многопользовательские онлайн-игры служат своеобразным пятном Поршаха, проекцией внутренних фантазий [Turkle Sh., 1997, p. 162]. Н.М.И. Петровская полагает, что образ героя игры отражает вытесненные стремления игрока, не реализованные в реальном пространстве, а поле игры становится идеальным вариантом для отреагирования подавляемых импульсов [Петровская Н.М.И., 2018, с. 293]. Ключевым в отношении потенциально адаптирующего или дезадаптирующего потенциала игры представляется нам противопоставление, предложенное Sh. Turkle [Turkle Sh., 1997]: между «отыгрыванием» и «проработкой» неприемлемых импульсов. Как способ отыгрывания нарциссических, психопатических и перверсивных фантазий игра может провоцировать эскапизм и зависимость, усугубить фрагментацию самосознания, тогда как в случае проработки и разрешения внутриличностных конфликтов, «рескриптин-

га» психотравматического опыта она обретает психотерапевтический потенциал. Представляется дискуссионным утверждение О.В. Сергеевой с соавторами, что миры, создаваемые в компьютерных играх, функционируют как обучающие ситуации, готовящие к действиям в реальном мире. Авторы аргументируют это утверждение тем, что в компьютерных играх нет ограничений и нет страха бесповоротного провала, что можно перезапустить игру или начать следующую, в которой все удастся, и это формирует у ее участника позитивную установку [Сергеева О.В. и др., 2017, с. 54]. Для освоения конкретных навыков такие условия действительно являются оптимальными, однако с «правилами игры» реальной жизни игровые правила драматически расходятся: в реальной жизни случаются бесповоротные провалы и далеко не всякий процесс можно «перезапустить». Перенос соответствующей установки из игры в жизнь может способствовать укреплению примитивных защитных механизмов отрицания и всемогущего контроля.

Однако, как было показано, ролевая игра не только имеет трансгрессивные функции, но и создает возможность «примерки» различных ролей и идентичностей, опробования различных паттернов поведения и различных жизненных стратегий. Особенно явно эта функция представлена в самоотчетах игроков ролевых игр живого действия. Возвращаясь к философскому и культурологическому контексту данного исследования, сошлемся вновь на З. Баумана, описавшего стратегию игрока в качестве одной из основных жизненных стратегий постмодерна. В ситуации, когда правила жизненной игры постоянно меняются, оптимальной становится стратегия ведения коротких партий: человеку следует избегать любых «фиксаций» и долговременных обязательств и «играть короткие игры» [Бауман З., 1995].

Л.А. Беляева и О.Н. Новикова указывают, что благодаря перенесению интернет-игроком в реальную жизнь его собственного виртуального мировосприятия, включающего в себя представление о возможности поливариантного развития жизненной ситуации, поиска лучшего хода ему предоставляется возможность с легкостью изменить свою жизненную траекторию [Беляева Л.А., Новикова О.Н., 2018, с. 84]. М.Б. Плохинова и В.В. Глотова считают, что

игра спасает человека от кризиса идентичности, т.к. играя, мы соответствуем не одному проекту, а множеству возможностей [Плохинова М.Б., Глотова В.В., 2012, с. 88]. Л.С. Сысоева, Т.Н. Голобородова видят в игре способность человека ориентироваться в бессмысленном мире эпохи постмодерна, «вести диалог с хаосом», реконструировать через игру свою «распавшуюся целостность» и таким образом «отодвигать свою гибель в децентрированном мире» [Сысоева Л.С., Голобородова Т.Н., 2001, с. 7]. Можно заключить, что с философских и социологических позиций именно человек играющий, легко меняющий свои идентичности, в наилучшей степени приспособлен к миру «текучей современности» [Бауман З., 1995].

Изучение феномена увлечения взрослых людей ролевыми играми непосредственно затрагивает вопрос о возможности пересмотра критериев нормы и патологии личности в современном обществе. При обсуждении результатов исследования мы проводим аналогию между особенностями самосознания игроков ролевых игр живого действия с диагностическими критериями пограничной личности с одной стороны — и особенностями самосознания игроков онлайн-игры Second Life с критериями нарциссической личности с другой; они традиционно считаются вариантами патологических типов личностной организации. В то же время есть основания полагать, что ролевая игра может стать деятельностью, в рамках которой личность будет повышать свою гибкость, приспособляемость, увеличивать потенциал собственной адаптации к быстро изменяющейся и непредсказуемой социальной среде. Становится ли пограничное и нарциссическое самосознание в постмодернистском мире новой нормой — вопрос, обсуждение которого выходит за рамки данной статьи, однако его обозначение представляется важным.

Заключение

1. Самосознание участников ролевых игр живого действия характеризуется такими особенностями, как когнитивная простота образа «я» и преобладание социального компонента идентичности при самоопределении.

2. Ведущими и наиболее частотными функциями увлечения ролевыми играми живого

действия являются возможность смены идентичностей и возможность переживания ярких эмоций, недоступных в реальной жизни.

3. Самосознание участников ролевой онлайн-игры Second Life характеризуется более высокой самооценкой по сравнению с участниками ролевых игр живого действия, усложненностью, сверхдифференцированностью образа «я», а также эгоцентрической направленностью при самоопределении.

4. Ведущими и наиболее частотными функциями игры для игроков онлайн-игры Second Life являются трансгрессивная (реализация в игре невозможного и неприемлемого в реальности) и функция самореализации.

К основным **ограничениям** данного исследования можно отнести небольшой объем выборки, ее неоднородность по стажу игровой деятельности участников, их профессии, семейному положению, отсутствие лонгитюдных наблюдений изменений степени социальной адаптированности, удовлетворенности жизнью и самооценки людей, увлекающихся ролевыми играми во взрослом возрасте. Все это может стать целью дальнейших исследований обозначенной темы.

Список литературы

- Акулинина Т.В.* Настольные ролевые игры: история развития и терминология // Омский научный вестник. 2006. № 9(47). С. 239–241.
- Батурин Ю.М., Полубинская С.В.* Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 9–35.
- Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- Белозеров С.А.* Виртуальные миры MMORPG: Часть I. Определение, описание, классификация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 1. С. 54–70.
- Белозеров С.А.* Виртуальные миры MMORPG: Часть II. Средство от социального и психологического неблагополучия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 1. С. 71–89.
- Беляева Л.А., Новикова О.Н.* «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2, № 3(37). С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95>
- Богачева Н.В., Войсункский А.Е.* Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 1. С. 29–53.
- Брагина О.А.* Одиночество как значимый фактор формирования зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр // Пензенский психологический вестник. 2015. № 2(5). С. 77–85. DOI: <https://doi.org/10.17689/psy-2015.2.6>
- Гольнкина Е.А., Исурин Г.Л., Кайдановская Е.В., Карвасарский Б.Д. и др.* Гиссенский личностный опросник (использование в психодиагностике для решения дифференциально-диагностических и психотерапевтических задач): метод. пособие. СПб.: Психоневрол. ин-т, 1993. 20 с.
- Есаулов В.И., Ошемкова С.А., Ошемкова Н.А.* Ролевые игры живого действия: кто играет и зачем // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. С. 127–134.
- Журавлева А.С.* Самоактуализация участников неформального молодежного объединения (на примере движения ролевых игр) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 77–82.
- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. М.: Класс, 2014. 464 с.
- Киппер Д.* Клинические ролевые игры и психодрама: пер. с англ. М.: Класс, 1993. 224 с.
- Кутас Э.А.* Игровая деятельность взрослых // Философия и социальные науки. 2011. № 3/4. С. 94–98.
- Лысак И.В., Косенчук Л.Ф.* Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник+, 2016. 147 с.
- Петровская Н.М.И.* Психологические особенности Я-образа интернет-пользователей, играющих в ролевые компьютерные онлайн-игры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4(48). С. 290–298.
- Писаревская Д.Б.* Феномен субкультуры ролевых игр в современном обществе: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 262 с.
- Плохинова М.Б., Глотова В.В.* Проблема самоидентификаций в период современных социальных трансформаций // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8, № 6. С. 85–88.
- Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике: практ. руководство. М.: Апрель-Пресс: Психотерапия, 2010. 224 с.

Румянцева Т.В. Методика «Кто Я?» // Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2006. С. 82–103.

Сергеева О.В., Царева А.В., Зиновьева Н.А. «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.4.6>

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 896 с.

Сысоева Л.С., Голобородова Т.Н. Онтологические и антропологические проблемы игры в постмодернистском дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2001. № 3(28). С. 3–7.

Щербачев В.В. Индивидуально-психологические особенности участников субкультуры ролевых игр живого действия // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 3. С. 217–221.

Царева А.В. Ролевые игры живого действия: определение исследовательского подхода // Социум и власть. 2014. № 3(47). С. 14–20.

Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М.: Владос, 1999. 360 с.

Turkle Sh. Constructions and Reconstructions of Self in Virtual Reality: Playing in the MUDs // Culture of the Internet / ed. by S. Kiesler. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 143–155.

Получено 15.04.2020

References

Akulina, T.V. (2006). *Nastol'nye rolevye igry: istoriya razvitiya i terminologiya* [Tabletop RPGs: Development history and terminology]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 9(47), pp. 239–241.

Baturin, Yu.M. and Polubinskaya, S.V. (2018). *Chto delaet virtual'nye prestupleniya real'nymi* [What makes virtual crimes to be real]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]. Vol. 13, no. 2, pp. 9–35.

Bauman, Z. (1995). *Ot palomnika k turistu* [From pilgrim to tourist]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4, pp. 133–154.

Belozarov, S.A. (2015). *Virtual'nye miry MMORPG: Chast' I. Opredelenie, opisanie, klassi-*

fikatsiya [Virtual worlds of MMORPG: Part I. Definition, description, classification]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 12, no. 1, pp. 54–70.

Belozarov, S.A. (2015). *Virtual'nye miry MMORPG: Chast' II. Sredstvo ot sotsial'nogo i psikhologicheskogo neblagopoluchiya* [Virtual worlds of MMORPG: Part II. Remedy for social and psychological ill-being]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 12, no. 1, pp. 71–89.

Belyaeva, L.A. and Novikova, O.N. (2018). «*Chelovek igrayuschiy*» v epokhu postmoderna [«Homo mobiludens» in the era of postmodernity]. *Idei i idealy* [Ideas & Ideals]. Vol. 2, no. 3(37), pp. 82–95. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95>

Bogacheva, N.V. and Voyskunskiy, A.E. (2015). *Kognitivnye stili i impul'sivnost' u geymerov s raznym urovnem igrovoy aktivnosti i predpochitaemym tipom igr* [Cognitive styles and impulsivity of videogamers with different levels of gaming activity and preference of different game types (online and offline)]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 12, no. 1, pp. 29–53.

Bragina, O.A. (2015). *Oдиночество как значимый фактор формирования зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр* [Loneliness as a significant factor in the formation according to the multiplayer online role-games]. *Penzenskiy psikhologicheskii vestnik* [Penza Psychological Newsletter]. No. 2(5), pp. 77–85. DOI: <https://doi.org/10.17689/psy-2015.2.6>

El'konin, D.B. (1999). *Psikhologiya igry* [Psychology of the game]. 2nd ed. Moscow: Vlados Publ., 360 p.

Esaulov, V.I., Oshemkova, S.A. and Oshemkova, N.A. (2015). *Rolevye igry zhivogo deystviya: kto igraet i zachem* [Live action role-play games: who plays and why]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences]. No. 11–2, pp. 127–134.

Golyunkina, E.A., Isurina, G.L., Kaydanovskaya, E.V., Karvasarskiy, B.D. et al. (1993). *Gissenskiy lichnostnyy oprosnik (ispolzovanie v psikhodiagnostike dlya resheniya differentsial'no-diagnosticheskikh i psikhoterapevticheskikh zadach)* [Giessen personality questionnaire (use in psychodiagnostics for solving differential di-

agnostic and psychotherapeutic tasks)]. Saint Petersburg: Psychoneurological Institute Publ., 20 p.

Kernberg, O. (2014). *Tyazhelye lichnostnye rasstroystva. Strategii psikhoterapii* [Severe personality disorders. Psychotherapeutic strategies]. Moscow: Klass Publ., 464 p.

Kipper, D. (1993). *Klinicheskie rolevye igrы i psikhodrama* [Psychotherapy through clinical role playing]. Moscow: Klass Publ., 224 p.

Kutas, E.A. (2011). *Igrovaya deyatel'nost' vzroslykh* [Play activities of adults]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki: nauchnyy zhurnal* [The Journal of Philosophy and Social Sciences]. No. 3/4, pp. 94–98.

Lysak, I.V. and Kosenchuk, L.F. (2016). *Formirovanie personal'noy identichnosti v usloviyakh setevoy kul'tury* [Formation of personal identity in the context of network culture]. Moscow: Sputnik+ Publ., 147 p.

Petrovskaya, N.M.I. (2018). *Psikhologicheskie osobennosti Ya-obraza internet-pol'zovateley, igrayushchikh v rolevye komp'yuternye onlayn-igrы* [Psychological features of the self-image of Internet users playing role-playing computer online games]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University]. No. 4(48), pp. 290–298.

Pisarevskaya, D.B. (2009). *Fenomen subkul'tury rolevykh igr v sovremennom obschestve: dis. ...kand. ist. nauk.* [The phenomenon of the subculture of role-playing games in modern society: dissertation]. Moscow, 262 p.

Plokhinova, M.B. and Glotova, V.V. (2012). *Problema samoidentifikatsiy v period sovremennykh sotsial'nykh transformatsiy* [The problem of self-identification in period of modern social transformation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State Technical University]. Vol. 8, no. 6, pp. 85–88.

Rubinshteyn, S.Ya. (2010). *Eksperimental'nye metodiki patopsikologii i opyt ikh primeneniya v klinike (Prakticheskoe rukovodstvo)* [Experimental methods of pathopsychology and the experience of their clinical use (Practical Guide)]. Moscow: Aprel'-Press Publ., Psikhoterapiya Publ., 224 p.

Rumyantseva, T.V. (2006). *Metodika «Kto Ya?»* [Method «Who am I?». *Psikhologicheskoye konsul'tirovaniye: diagnostika otnosheniy v pare* [Psychological counseling: diagnostics of relationships in couples]. Saint Petersburg: Rech' Publ., pp. 82–103.

Scherbachev, V.V. (2014). *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti uchastnikov subkul'tury rolevykh igr zhivogo deystviya* [Individual and psychological features of participants of subculture of live action role-play games]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. Vol. 2, no. 3, pp. 217–221.

Sergeeva, O.V., Careva, A.V., Zinov'eva, N.A. (2017). «*Vstretimsya v dopolnennoj real'nosti...*»: *sotsial'nye kompetencii igrokov v mnogopol'zovatel'skie onlayn-igrы* [«Let's meet in augmented reality...»: social competences of MMORPG-gamers]. *Logos et Praxis*. Vol. 16, no. 4, pp. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.4.6>

Sokolova, E.T. (2015) *Klinicheskaya psihologiya utraty Ya* [Clinical Psychology of Loss of Self]. Moscow: Smysl. 896 p.

Sysoeva, L.S., Goloborodova T.N. (2001). *Ontologicheskie i antropologicheskie problemy igrы v postmodernistskom diskurse* [Ontological and anthropological problems of the game in postmodern discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk state pedagogical university bulletin]. No. 3(28), pp. 3–7.

Tsareva, A.V. (2014). *Rolevye igrы zhivogo deystviya: opredelenie issledovatel'skogo podkhoda* [Role-playing game of real performance: defining the research approach]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 3(47), pp. 14–20.

Turkle, Sh. (1997). *Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. Culture of the Internet*, ed. by S. Kiesler. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 143–155.

Zhuravleva, A.S. (2014). *Samoaktualizatsiya uchastnikov neformal'nogo molodezhnogo ob'edineniya (na primere dvizheniya rolevykh igr)* [Self-actualization of youth subculture members (role-playing movement as an example)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. No. 1, pp. 77–82.

Received 15.04.2020

Об авторах

Цыганкова Полина Васильевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры клинической психологии

Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
117997, Москва, ул. Островитянова, 1;
e-mail: polina_tsy@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>

Суворова Екатерина Юрьевна

независимый исследователь

121353, Москва
e-mail: ekaterinabatyshkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3572-9777>

About the authors

Polina V. Tsygankova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Clinical Psychology

Pirogov Russian National Research
Medical University,
1, Ostrovityanov st., Moscow, 117997, Russia;
e-mail: polina_tsy@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>

Ekaterina Yu. Suvorova

Independent Researcher

Moscow, 117997, Russia;
e-mail: ekaterinabatyshkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3572-9777>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Цыганкова П.В., Суворова Е.Ю. Ролевые игры живого действия и ролевые онлайн-игры: психологические функции в современном социокультурном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 459–474. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-459-474

For citation:

Tsygankova P.V., Suvorova E.Yu. [Live-action role-playing games and online role-playing games: psychological functions in the modern sociocultural context]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 459–474 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-459-474

УДК 159.947:79

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-475-485

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И СПОРТИВНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ И НЕ ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ

Кондратьев Игорь Михайлович, Дудорова Екатерина Валерьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье приводятся данные исследования академической и спортивной мотивации студентов-спортсменов и студентов, которые не занимаются спортом. Исследование проводилось с мая 2019 г. по февраль 2020 г. на базе ФГБОУ ВО «ПГНИУ». В исследовании приняли участие 140 студентов: 70 занимающихся спортом и 70 не занимающихся. Средний возраст опрошенных — $M = 19,85$. Для изучения учебной и спортивной мотивации среди студентов были использованы следующие методики: «Шкала самоэффективности» (Self-efficacy scale; в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), «Шкала самоэффективности в отношении регулярных тренировок» (Self-efficacy to regulate exercise; в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), «Шкала спортивной мотивации» (Sport motivation scale; в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), «Шкалы академической мотивации» (в адаптации Т.О. Гордеевой). Результаты исследования показали, что у студентов, не занимающихся спортом, более выражены такие типы академической мотивации, как познавательная и мотивация достижения. Студенты-спортсмены отличаются более выраженной спортивной мотивацией по сравнению со студентами, не занимающимися спортом, а также такими типами мотивации, как получение положительных эмоций, совершенствование, познание, достижение цели, одобрение. У студентов-спортсменов уровень спортивной самоэффективности и общей самоэффективности значимо выше, чем у студентов, не занимающихся спортом. Обнаружены взаимосвязи между спортивной и учебной мотивациями внутри групп. В группе студентов-спортсменов была обнаружена отрицательная взаимосвязь между мотивацией совершенства в спорте и мотивацией самоуважения в учебе. У студентов, не занимающихся спортом, экстернатальная мотивация взаимосвязана с мотивацией одобрения. Установлена положительная взаимосвязь мотивации достижения с эмоциями и познанием.

Ключевые слова: академическая мотивация, спортивная мотивация, самоэффективность, теория самодетерминации, студенты-спортсмены.

SPECIAL FEATURES OF ACADEMIC AND SPORTS MOTIVATION OF STUDENTS ENGAGED AND NOT ENGAGED IN SPORTS

Igor M. Kondratev, Ekaterina V. Dudorova

Perm State University

The paper provides results of research on academic and sports motivation of student-athletes and students who do not participate in sports. The study was carried out in the period from May 2019 to February 2020 in Perm State University. It engaged 140 students: 70 involved in sports and 70 not involved. The average age of the interviewees was $M = 19.85$. The following methods were used to study the students' educational and sports motivation: *Self-Efficacy Scale* (as adapted by D.S. Kornienko, A.Ya. Fominykh); *Self-Efficacy to Regulate Exercise* (as adapted by D.S. Kornienko, A.Ya. Fominykh); *Sports Motivation Scale* (as adapted by D.S. Kornienko, A.Ya. Fominykh); *Scale of Academic Motivation* (as adapted by T.O. Gordeeva). The results of the study show that students who are not involved in sports have more

pronounced types of academic motivation, such as cognitive and achievement motivation. Student-athletes are more strongly motivated than non-athletic students in such types of motivations as positive emotions, improvement, learning, achievement, approval. Student-athletes have a higher level of sportsmanship and overall self-efficacy than non-athletic students. Some correlations between sports and academic motivation within groups have been found. In the group of student-athletes, a negative correlation was found between the motivation for excellence in sports and the motivation for self-esteem in learning. As for non-athletic students, external motivation is linked to approval motivation. The positive correlation of achievement motivation with emotions and cognition has been established.

Keywords: academic motivation, sports motivation, self-efficacy, self-determination theory, student-athletes.

Введение

Существует множество различных теорий мотивации: по данным Е.П. Ильина, в зарубежной психологии имеется более 50 таких теорий. Считается, что термин «мотивация» впервые встречается в статье А. Шопенгауэра «Четыре принципа достаточной причины» [Ильин Е.П., 2011]. Затем этот термин прочно вошел в психологический обиход для объяснения причин поведения человека и животных. Широкое распространение получила теория самодетерминации американских авторов Эдварда Л. Деси и Ричарда М. Райна. Она основывается на принятии того, что люди активны, нацелены на развитие, склонны организовывать и направлять свою деятельность, жаждут знания, совершенствуют свои умения и развивают свои способности [Deci E.L., Ryan R.M., 1985]. Вслед за Э.Л. Деси и Р.М. Райном в настоящей работе анализируются внутренние и внешние аспекты мотивации. *Внутренняя мотивация* базируется на потребности человека быть компетентным и самодетерминированным при взаимодействии со средой [Deci E.L., 1980]. *Внешняя* — деятельность осуществляется ради чего-то другого: ради достижения определенных целей, но не ради нее самой [Ryan R.M., Deci E.L., 2017].

Теория самодетерминации продолжает активно развиваться, многие ее положения уточняются, растет число публикаций в этой области, регулярно проводятся международные конгрессы, собирающие большое количество исследователей со всего мира [Гордеева Т.О., 2006]. Данная теория послужила базой для выявления новых типов мотивации, в том числе спортивной и учебной, также был предложен целый ряд опросников для выявления постулируемых теорией типов мотивации [Sherer M. et al., 1982].

Одним из таких примеров является методика «Шкала спортивной мотивации» [Pelletier L.G. et al., 2013] в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых. Так как в основе теоретического конструкта методики лежит теория самодетерминации Э.Л. Деси и Р.М. Райна [Deci E.L., Ryan R.M., 1985], каждый тип мотивации характеризует степень фрустрации потребности в автономии (максимальная фрустрация — при внешней мотивации, минимальная — при внутренней).

Также теория получила свое развитие благодаря Р. Валлеранду [Vallerand R.J. et al., 1992], который расширил понимание внутренней мотивации. В результате были выделены общие и частные факторы мотивации. В теории Р. Валлеранда *внутренняя (или интроецированная)* мотивация понимается как стремление к удовольствиям и приятным эмоциям; *внешняя (или экстернальная)* мотивация описывает ситуации, когда действия совершаются ради того, чтобы достичь цели и получить вознаграждение со стороны других; *амотивация* характеризует общее избегание деятельности, стремление субъекта уйти от деятельности и не разделяется на более мелкие факторы. На основании данных положений [Дериш Ф.В., Пузырева Л.О., 2018] была разработана «Шкала академической мотивации», которая в дальнейшем наряду с теорией самодетерминации была использована Т.О. Гордеевой для создания ей методики «Шкала академической мотивации» [Гордеева Т.О. и др., 2014].

В нашей работе мы также рассматриваем понятие самооффективности, которое впервые было предложено А. Бандурой и определялось как «вера в собственные способности к организации и осуществлению действий, необходимых для разрешения предполагаемой ситуации» [Bandura A., 2006]. При этом факторами

самоэффективности являются успешность в выполняемом деле, доступность для субъекта примеров успешной реализации задачи, вербальные подкрепления собственной убежденности в успехе, соответствующее психическое состояние [Bandura A., 2006].

Данные о связях самоэффективности с целеполаганием, интенсивностью и продолжительностью усилий, затрачиваемых на задачу [Корниенко Д.С. и др., 2016], позволяют предположить, что она может являться фактором внутренней мотивации к деятельности. Влияние самоэффективности на спортивную деятельность и ее взаимосвязь со спортивной мотивацией, рассматривались в работе Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых и Е.А. Сорокиной [Корниенко Д.С. и др., 2016]. Авторами была выявлена взаимосвязь самодетерминированных мотивов и уверенности в собственном успехе и возможностях (самоэффективность) вне зависимости от вида спорта, но с различиями между индивидуальными и командными видами.

Наш интерес к теме мотивации студентов, занимающихся и не занимающихся спортом, возник на стыке исследований академической и спортивной мотивации. Проблему двойной (учебной и спортивной) деятельности отмечают В.М. Афанасьева и Ф.Р. Зотова [Зотова Ф.Р. и др., 2015]. В своей работе они провели анкетный опрос среди 118 студентов-спортсменов высших учебных заведений, специализирующихся на таких видах спорта, как фехтование, плавание, бадминтон, баскетбол, хоккей и т.д. Авторы отмечают, что две трети таких студентов либо совмещают образовательный процесс со спортивной подготовкой ценой очень больших усилий, либо вообще не справляются с этим.

Исследования академической мотивации проводятся либо у студентов не-спортсменов [Гордеева Т.О. и др., 2016], либо у студентов-спортсменов, которые обучаются на направлениях, связанных со спортивной деятельностью [Жуков Ю.Ю., 2013; Иванов К.С., Осин А.К., 2012]. Спортивную мотивацию изучают лишь у спортсменов [Тихомирова Е.В., Уманская И.А., 2016; Пристав О.В. и др., 2014; Кузнецов С.А., 2014], не рассматривая категорию студентов, которые вынуждены посещать занятия физической культуры в рамках учебной деятельности. Эти исследования ставят перед нами *проблему*

нехватки данных о спортивной и академической мотивации, их взаимосвязи и влиянии на успешность и эффективность деятельности студентов, которые заинтересованы как в обучении, так и в занятиях спортом. Также остается малоизученной категория студентов, которые занимаются спортом сугубо в рамках учебной деятельности (занятия физической культуры): отличаются ли они от студентов, которые занимаются спортом профессионально, в чем их различия и сходства?

Для решения данной проблемы нами была поставлена *цель* — изучить спортивную и академическую мотивацию у студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.

Для достижения цели настоящей исследовательской работы были выдвинуты следующие *задачи* исследования:

1. Выяснить, существуют ли различия в учебной мотивации среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.
2. Выяснить, существуют ли различия в спортивной мотивации среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.
3. Выяснить, существуют ли различия по уровню оценки самоэффективности среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.
4. Выяснить, связаны ли самоэффективность, спортивная и академическая мотивация в группе студентов-спортсменов.
5. Выяснить, связаны ли самоэффективность, спортивная и академическая мотивация в группе студентов, не занимающихся спортом.

Обозначенные задачи и цель исследования, а также имеющиеся эмпирические данные предыдущих работ [Волков Н.К., 1976; Горбунов Г.Д., 1986; Горбушина А.Н., 2014; Гордеева Т.О. и др., 2014, 2016; Дашкевич О.В., Зобков В.А., 1982] позволили выдвинуть следующие *гипотезы*:

1. У студентов, занимающихся спортом, будет значимо меньше выражена академическая мотивация в сравнении со студентами, не занимающимися спортом.

2. У студентов-спортсменов будет более выражена спортивная мотивация по сравнению со студентами, не занимающимися спортом.
3. Существуют особенности взаимосвязей между учебной и спортивной мотивациями у студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось с мая 2019 г. по февраль 2020 г. на базе ФГБОУ ВО «ЛГНИУ». В исследовании приняли участие 140 студентов: 70 занимающихся спортом (из них: 20 чел. — баскетболисты, 20 — волейболисты, 21 — футболисты, 9 — чирлидеры) и 70 не занимающихся спортом. Средний возраст опрашиваемых — $M = 19,85$. Выборку студентов-спортсменов составили испытуемые, включенные в состав спортивных профессиональных сборных команд со стажем от 1 года до 17 лет ($M = 7,24$). Участникам предлагалось самостоятельно ознакомиться с пакетом методик и заполнить их. Время заполнения методик не было ограничено. Испытуемые участвовали в исследовании на добровольной основе. При желании студента исследователем предоставлялась обратная связь.

В данной работе для изучения мотивации и уровня самооэффективности, использовались следующие методики:

– «Шкала академической мотивации» (в адаптации Т.О. Гордеевой), включающая в себя такие шкалы, как мотивация достижения, саморазвития, мотивация самоуважения, интроецированная мотивация, экстернальная мотивация, амотивация [Гордеева Т.О. и др., 2014];

– «Шкала спортивной мотивации» (Sport motivation scale [Pelletier L.G. et al., 2013]; в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), которая включает в себя шесть шкал: получение положительных эмоций (внутренняя мотивация), совершенствование (внутренняя мотивация), познание (внутренняя мотивация), достижение цели (внутренняя мотивация), одобрение (внешняя мотивация), демотивация [Касаткин В.Н. и др., 2012; Корниенко Д.С. и др., 2016].

– «Шкала самооэффективности» (Self-efficacy scale [Sherer M. et al., 1982], в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), включающая

в себя общую и социальную самооэффективность;

– «Шкала самооэффективности в отношении регулярных тренировок» (Self-efficacy to regulate exercise [Bandura A., 2006]; в адаптации Д.С. Корниенко, А.Я. Фоминых), подсчитывающая уровень спортивной самооэффективности.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ Excel и SPSS Statistics 17.0. Первичные данные были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова–Смирнова, а также показателей асимметрии и эксцесса. Было обнаружено, что показатели не имеют нормального распределения, поэтому в последующей обработке использовались непараметрические критерии. Так, для сравнения самооэффективности, академической и спортивной мотивации среди студентов-спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, был использован U-критерий Манна–Уитни. Для выявления взаимосвязи самооэффективности, академической и спортивной мотивации студентов-спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ академической мотивации

Значимые результаты сравнительного анализа групп студентов-спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, представлены в табл. 1. Сравнение производилось по типам учебной мотивации с помощью критерия Манна–Уитни.

Представленные результаты говорят о том, что у студентов, не занимающихся спортом, преобладают познавательная мотивация ($p < 0,05$) и мотивация саморазвития ($< 0,05$) (по сравнению со студентами-спортсменами). Это говорит о том, что студенты, не занимающиеся спортом, более, чем студенты-спортсмены, склонны узнавать что-то новое, развивать свои способности, свой потенциал в рамках учебной деятельности, достигать ощущения мастерства и компетентности.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа академической мотивации в группах студентов, занимающихся и не занимающихся спортом

Table 1. Comparative analysis of educational motivation in groups of students involved and not involved in sports

Показатели методик	Средний ранг		Уровень значимости
	Спорт	Не спорт	
Мотивация достижения	68,54	72,46	0,565
Мотивация саморазвития	63,21	77,79	0,032
Мотивация самоуважения	69,37	71,63	0,740
Интроецированная мотивация	72,90	68,10	0,482
Экстернальная мотивация	73,19	67,81	0,430
Амотивация	72,01	68,99	0,656
Познавательная мотивация	63,28	77,71	0,034

В свете предположений Э.Л. Деси и Р.М. Райна [Deci E.L., Ryan R.M., 1985] о фрустрации потребности в автономии как факторе мотивации настоящие свидетельства меньшей выраженности внутренней академической мотивации у студентов-спортсменов можно связать с их большей ориентацией на деятельность, результат которой в большей мере зависит от командной, а не индивидуальной работы.

Сравнительный анализ спортивной мотивации

Значимые результаты сравнительного анализа групп студентов-спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, представлены в табл. 2. Сравнение производилось по типам спортивной мотивации с помощью критерия Манна–Уитни.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа спортивной мотивации в группах студентов, занимающихся и не занимающихся спортом

Table 2. Comparative analysis of sports motivation in groups of students involved and not involved in sports

Показатели методик	Средний ранг		Уровень значимости
	Спорт	Не спорт	
Эмоции	85,21	55,79	0,000
Совершенство	92,69	48,31	0,000
Познание	84,28	56,71	0,000
Цель	86,79	54,20	0,000
Одобрение	78,11	62,88	0,020
Демотивация	70,94	70,06	0,897

Были обнаружены различия между группами в спортивной мотивации. Так, спортсменам по сравнению со студентами, которые не занимаются спортом, мотивирует на занятие спортом получение положительных эмоций от этой деятельности ($p < 0,001$), желание совершенствоваться и повышать свой уровень мастерства ($< 0,001$), познавательная потребность ($< 0,001$), смещение цели ($< 0,001$) и желание получить похвалу ($< 0,001$).

Таким образом, студенты-спортсмены склонны рассматривать занятия спортом как средство достижения личных целей за счет результатов спортивной деятельности. К таким целям относятся развитие личности студента в

различных сферах, его знакомство с людьми на фоне общих интересов, а также поддержание хороших отношений с помощью занятий спортом. Это подкрепляется стимулированием возникновения положительных эмоций и ярких впечатлений от занятий спортом. Также спортсменам важно получать одобрение от окружения, материальное вознаграждение или похвалу. Данной группой студентов движет желание показать наилучший результат во время выступления, проявить свои навыки и тем самым самоутвердиться. Настоящие результаты эмпирически поддерживают идеи Э.Л. Деси и Р.М. Райна [Deci E.L., Ryan R.M., 1985] о внутренних и внешних аспектах мотивации, а также

предположения о связи мотивации и самооэффективности.

Сравнительный анализ самооэффективности

Значимые результаты сравнительного анализа групп студентов-спортсменов и студентов, не занимающихся спортом, по уровню оценки самооэффективности, представлены в табл. 3.

Результаты сравнительного анализа показывают, что у студентов-спортсменов по сравнению со студентами, не занимающимися спортом, значимо выше оценка общей самооэффек-

тивности ($p = 0,003$) и спортивной самооэффективности ($p = 0,000$). Таким образом, уровень самооэффективности у студентов-спортсменов значимо выше, чем у неспортивных студентов, т.е. их вера в собственные способности к организации и осуществлению действий, необходимых для разрешения предполагаемой ситуации, более выражена. Опираясь на идеи связанности деятельности и личности [Леонтьев А.Н., 2005], можно предположить, что занятия спортом как раз и являются фактором развития общей и спортивной самооэффективности.

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа самооэффективности в группах студентов, занимающихся и не занимающихся спортом, с помощью критерия Манна–Уитни

Table 3. Comparative analysis of self-efficiency in groups of students involved and not involved in sports using Mann–Whitney test

Показатели методик	Средний ранг		Уровень значимости
	Спорт	Не спорт	
Общая самооэффективность	80,52	60,48	0,003
Спортивная самооэффективность	89,08	51,91	0,000
Социальная самооэффективность	74,24	66,76	0,273

Установление взаимосвязей самооэффективности, учебной и спортивной мотивации в группе студентов, занимающихся спортом

Выявлена положительная корреляция между общей и социальной самооэффективностью ($r = 0,388$, $p < 0,001$).

Обнаружены целые цепочки взаимосвязей внутри спортивной мотивации. Таким образом, достижение цели положительно связано с познанием ($r = 0,348$, $p < 0,01$), совершенствованием ($r = 0,487$, $p < 0,001$) и эмоциями ($r = 0,313$, $p < 0,01$). Мотивация познания коррелирует с достижением совершенства ($r = 0,695$, $p < 0,001$) и эмоциями ($r = 0,542$, $p < 0,001$), которые, в свою очередь, также взаимосвязаны ($r = 0,661$, $p < 0,001$). Тем не менее желание достичь совершенства в спортивной деятельности негативно сказывается на мотивации самоуважения в учебной деятельности ($r = -0,354$, $p < 0,01$). Желание получить эмоциональное удовлетворение от занятий спортом неразрывно связано с желанием совершенствовать свои навыки, узнавать что-то новое в спортивной деятельности и достигать новых вершин.

Внутри академической мотивации наблюдается множество взаимосвязей. Так, мотивация

самоуважения имеет несколько положительных связей с мотивацией саморазвития ($r = 0,501$, $p < 0,001$), познанием ($r = 0,406$, $p < 0,001$) и мотивацией достижения ($r = 0,470$, $p < 0,001$), а также одну отрицательную с амотивацией ($r = -0,329$, $p < 0,01$). Помимо этого, амотивация негативно влияет на познавательную мотивацию ($r = -0,347$, $p < 0,01$) и мотивацию саморазвития ($r = -0,342$, $p < 0,01$), которые положительно связаны между собой ($r = 0,873$, $p < 0,001$). Стремление узнавать новое, понимать изучаемый предмет, добиваться максимально высоких результатов в учебе, испытывать удовольствие в процессе решения трудных задач, достижение ощущения мастерства и компетентности, повышение самооценки за счет достижений в учебе — все это образует (как и ранее в спортивной мотивации) цепочку продуктивной мотивации и приводит к снижению амотивации.

Интроецированная мотивация положительно коррелирует с экстернальной мотивацией ($r = 0,529$, $p < 0,001$), которая негативно сказывается на саморазвитии ($r = -0,424$, $p < 0,001$), познании ($r = -0,475$, $p < 0,001$) и достижениях ($r = -0,383$, $p < 0,001$). Таким образом, стремление учиться ради повышения самооценки подкрепляет стремление учиться ради получения в

будущем престижной работы, что негативно влияет на желание погружаться в обучение.

В свете идей Э.Л. Деси и Р.М. Райна [Deci E.L., Ryan R.M., 1985] и Р. Валлеранду [Vallerand R.J. et al., 1992] настоящие эмпирические результаты можно понимать как тенденцию большей проявленности у студентов-спортсменов внутренней мотивации к занятиям спортом и внешней мотивации к академической деятельности. Кроме того, настоящие данные можно рассматривать как поддерживающие наши идеи о том, что самоэффективность может быть фактором мотивации.

Взаимосвязи самоэффективности, учебной и спортивной мотивации в группе студентов, не занимающихся спортом

Спортивная самоэффективность положительно связана с мотивацией получения эмоций в спорте ($r = 0,463$, $p < 0,001$), с которой также коррелирует общая самоэффективность ($r = 0,348$, $p < 0,01$). Вероятно, получение эмоциональной разрядки при занятиях спортом повышает самооценку, ощущение собственной значимости у студентов. Помимо этого, общая самоэффективность отрицательно коррелирует с экстернальной мотивацией в учебе ($r = -0,337$, $p < 0,01$). Таким образом, обучение только ради престижной должности в будущем снижает у студента ощущение собственной эффективности в деятельности.

Демотивация в спорте напрямую соотносится с желанием одобрения ($r = 0,562$, $p < 0,001$), которое связано с амотивацией в обучении ($r = 0,337$, $p < 0,01$) и экстернальной мотивацией ($r = 0,362$, $p < 0,01$). Отсутствие желания заниматься спортом купируется требованиями общества (вероятно, в рамках учебной деятельности это занятия физической культурой), однако это приводит к нежеланию студента заниматься учебной деятельностью. Мотивация получения положительных эмоций в спорте положительно коррелирует с достижением цели ($r = 0,417$, $p < 0,001$), познанием ($r = 0,468$, $p < 0,001$) и совершенствованием ($r = 0,685$, $p < 0,001$), а также с мотивацией саморазвития в учебной деятельности ($r = 0,368$, $p < 0,001$). Достижение цели коррелирует с познанием ($r = 0,408$, $p < 0,001$) и совершенствованием ($r = 0,541$, $p < 0,001$), которые связаны между собой ($r = 0,504$, $p < 0,001$). Помимо этого, по-

знание в спорте связано с мотивацией достижения успеха в учебе ($r = 0,314$, $p < 0,01$). Можно заметить, что у неспортивных студентов присутствует такая же «здоровая» связка спортивной мотивации, как и у студентов-спортсменов.

Академическая мотивация достижения имеет корреляционные связи с познанием ($r = 0,510$, $p < 0,001$), саморазвитием ($r = 0,604$, $p < 0,001$) и самоуважением ($r = 0,402$, $p < 0,001$). Мотивация самоуважения коррелирует с познанием ($r = 0,402$, $p < 0,001$) и саморазвитием ($r = 0,609$, $p < 0,001$), которые имеют положительную взаимосвязь ($r = 0,702$, $p < 0,001$). Таким образом, академическая мотивация представляет собой целостность, которая включает как желание получать новые знания, так и развиваться, достигать успехов и получать признание этих достижений.

Эти эмпирические результаты дополняют идеи Э.Л. Деси и Р.М. Райна [Deci E.L., Ryan R.M., 1985] и Р. Валлеранду [Vallerand R.J. et al., 1992] о внешней и внутренней мотивации в части ее реализации относительно учащихся. В частности, настоящие результаты можно интерпретировать как свидетельства тенденции большей проявленности у студентов, не занимающихся профессионально спортом, внешней мотивации к занятиям спортом и внутренней мотивации к академической деятельности.

Заключение

1. Выявлены различия в учебной мотивации среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом. Последние более мотивированы на учебную деятельность, что проявляется в их желании узнавать что-то новое, развивать свои способности, повышать мастерство и компетенции, получая от этого удовольствие. Это подтверждает нашу первую гипотезу о более выраженной учебной мотивации среди студентов, не занимающихся спортом.

2. Выявлены различия в спортивной мотивации среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом. Студенты-спортсмены более мотивированы на занятия спортом. Они склонны рассматривать занятия спортом как средство достижения личных целей за счет результатов спортивной деятельности. Это подкрепляется стимулированием возникновения положительных эмоций и ярких впечатлений от

занятий. Также студентам-спортсменам важно получать одобрение от окружения, материальное вознаграждение или похвалу. Данной группой студентов движет желание показать наилучший результат во время выступления, проявить свои навыки и тем самым самоутвердиться. Приведенные результаты подтверждают нашу вторую гипотезу о том, что у студентов, занимающихся спортом, мотивация занятий спортом будет сильнее выражена, чем у студентов, не занимающихся спортом.

3. Были обнаружены различия в уровне оценки самооффективности среди студентов, занимающихся и не занимающихся спортом. Уровень спортивной и общей самооффективности у студентов-спортсменов значимо выше, чем у студентов, которые не занимаются спортом. Это может объясняться тем, что они больше вовлечены в спортивную деятельность, нежели в учебную, и оценивают свои достижения именно за счет результатов в спорте.

4. Выявлены взаимосвязи между спортивной и академической мотивациями в обеих группах. В группе студентов-спортсменов была обнаружена отрицательная взаимосвязь между мотивацией совершенства в спорте и мотивацией самоуважения в учебе. Это можно объяснить тем, что студенты-спортсмены реализуются за счет успехов в спорте и не нуждаются в реализации за счет учебы. Взаимосвязей между самооффективностью и мотивацией в данной группе обнаружено не было.

5. У студентов, не занимающихся спортом, также были обнаружены взаимосвязи между спортивной и учебной мотивациями. Так, экстернальная мотивация (которая представляет собой вынужденную учебную деятельность) связана с мотивацией одобрения. Так как данная группа студентов посещает занятия физической культуры, вероятно, занятия спортом для них — это вынужденные требования для избегания проблем в учебе. Установлена положительная взаимосвязь между мотивацией достижения и эмоциями и познанием. Данную связку можно объяснить тем, что на занятиях по физической культуре, при обучении чему-то новому или испытывании удовлетворения от упражнений у студента возрастает желание добиваться высоких оценок в данном предмете. Были выявлены взаимосвязи между мотивацией и самооффективностью. Экстернальная мо-

тивация отрицательно взаимосвязана с общей самооффективностью, т.е. обучение, навязанное обществом, снижает эффективность студента. Спортивная самооффективность для данной группы студентов напрямую зависит от получения удовольствия от занятий физической культурой.

Список литературы

- Волков Н.К.* Исследование психологического и физического развития учащихся 4–8 классов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976. 21 с.
- Горбунов Г.Д.* Психопедагогика спорта. М.: Физкультура и спорт, 1986. 208 с.
- Горбушина А.Н.* Взаимосвязь учебной мотивации и академической неуспеваемости студентов вуза // Молодой ученый. 2014. № 6(65). С. 793–795.
- Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения. М.: Смысл: Академия, 2006. 336 с.
- Гордеева Т.О., Гижницкий В.В., Сычев О.А., Гавриченко Т.К.* Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 2. С. 57–68.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 4. С. 96–107.
- Дашкевич О.В., Зобков В.А.* Личностные факторы психической готовности юного спортсмена к спортивной деятельности. М.: ГЦОЛИФК, 1982. 79 с.
- Дериш Ф.В., Пузырева Л.О.* Вклад черт личности и академической мотивации в успешность обучения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2018. № 1. С. 39–53.
- Жуков Ю.Ю.* Психологические факторы познавательной активности студентов вузов физической культуры // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 7(101). С. 53–60.
- Зотова Ф.Р., Афанасьева В.М., Давлетова Н.Х., Мавлиев Ф.А.* Отношение студентов-спортсменов к интеграции образовательного процесса и спортивной подготовки // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 10(128). С. 73–79.
- Иванов К.С., Осин А.К.* Изучение мотивации учебной деятельности студентов-спортсменов // Материалы IV Междунар. студ. электр. науч. конф. «Студенческий научный форум – 2012» (15 февраля – 31 марта 2012). URL:

<https://scienceforum.ru/2012/article/2012001923> (дата обращения: 23.05.2020).

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 512 с.

Касаткин В.Н., Выходец И.Т., Бочавер К.А., Квитчастый А.В. К вопросу о диагностике спортивной мотивации: адаптация опросника «Sport motivation scale» // Спортивный психолог. 2012. № 1(25). С. 38–43.

Корниенко Д.С., Фоминых А.Я., Сорокина Е.А. Взаимосвязь самооффективности и спортивной мотивации в разных видах спорта: пилотажное исследование // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2016. № 1. С. 69–84.

Кузнецов С.А. Особенности мотивации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта: дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 175 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.

Пристав О.В., Дементьев К.Н., Миронова О.В., Москаленко И.С., Скороходов А.А. Исследование мотивационной сферы студентов-пловцов вузов в контексте популяризации физкультурно-спортивной деятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 10(116). С. 208–212.

Тихомирова Е.В., Уманская И.А. Мотивы занятия спортом, как психологический ресурс успешной спортивной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22, № 2. С. 234–236.

Bandura A. Guide for constructing self-efficacy scales // Self-efficacy beliefs of adolescents / ed. by F. Pajares, T. Urdan. Greenwich, CT: Information Age Publ., 2006. Vol. 5. P. 307–337.

Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y.; L.: Plenum Press, 1985. 372 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2271-7>

Deci E.L. The psychology of self-determination. Lexington, MA: Lexington Books, 1980. 240 p.

Pelletier L.G., Rocchi M.A., Vallerand R.J., Deci E.L., Ryan R.M. Validation of the revised sport motivation scale (SMS-II) // Psychology of Sport and Exercise. 2013. Vol. 14, iss. 3. P. 329–341. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2012.12.002>

Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, develop-

ment, and wellness. N.Y.: Guilford Press, 2017. 756 p. DOI: <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>

Sherer M., Maddux J.E., Mercandante B., Prentice-Dunn S., Jacobs B., Rogers R.W. The self-efficacy scale: Construction and validation // Psychological reports. 1982. Vol. 51, iss. 2. P. 663–671. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1982.51.2.663>

Vallerand R.J., Pelletier L.G., Blais M.R., Briere N.M., Senecal C., Vallières E.F. The Academic Motivation Scale: A measure of intrinsic, extrinsic, and amotivation in education // Educational and Psychological Measurement. 1992. Vol. 52, iss. 4. P. 1003–1017. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013164492052004025>

Получено 09.06.2020

References

Bandura, A. (2006). Guide for constructing self-efficacy scales. *Self-Efficacy Beliefs of Adolescents*, ed. by F. Pajares, T. Urdan. Greenwich, CT: Information Age Publ., vol. 5, pp. 307–337.

Dashkevich, O.V. and Zobkov, V.A. (1982). *Lichnostnye faktory psikhicheskoy gotovnosti yunogo sportsmena k sportivnoy deyatel'nosti* [Personal factors of mental readiness of a young athlete for sports activity]. Moscow: SCOLIPE Publ., 79 p.

Deci, E.L. and Ryan, R.M. (1985). *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York, London: Plenum Press Publ., 372 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2271-7>

Deci, E.L. (1985). *The psychology of self-determination*. Lexington, MA: Lexington Books Publ., 240 p.

Derish F.V., Puzyrova L.O. (2018) *Vklad chert lichnosti i akademicheskoy motivatsii v uspehnost' obucheniya* [Impact of personality traits and academic motivation in success of studying]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye nauki* [Herald of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series no. 1: Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 39–53.

Gorbunov, G.D. (1986). *Psikhopedagogika sporta* [Psychopedagogy of sport]. Moscow: Fizkul'tura i Sport Publ., 208 p.

Gorbushina, A.N. (2014). *Vzaimosvyaz' uchebnoy motivatsii i akademicheskoy neuspevaemosti studentov vuza* [Relationship between educational motivation and academic failure of university students]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 6(65), pp. 793–795.

Gordeeva, T.O. (2006). *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. Moscow: Smysl Publ., Akademiya Publ., 336 p.

Gordeeva, T.O., Gizhitskiy, V.V., Sychev, O.A. and Gavrichenkova, T.K. (2016). *Motivatsiya samouvazheniya i uvazheniya drugimi kak faktory akademicheskikh dostizheniy i nastoychivosti v uchebnoy deyatel'nosti* [Motivation of self-respect and respect by others as factors of academic achievements and persistence in educational activity]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 37, no. 2, pp. 57–68.

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A. and Osin, E.N. (2014). *Oprosnik «Shkaly akademicheskoy motivatsii»* [Questionnaire «Scales of academic motivation»]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 35, no. 4, pp. 96–107.

Il'in, E.P. (2011). *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter Publ., 512 p.

Ivanov, K.S. (2012). *Izuchenie motivatsii uchebnoy deyatel'nosti studentov-sportsmenov* [Studying the motivation of educational activity of student-sportsmen's]. *IV Mezhdunarodnaya studentcheskaya elektronnyaya nauchnaya konferentsiya «Studencheskiy nauchnyy forum», 15 fevralya – 31 marta 2012* (4th International Student Electronic Scientific Conference «Student Scientific Forum», February 15 – March 31, 2012). Available at: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001923> (accessed 23.05.2020).

Kasatkin, V.N., Vykhodets, I.T., Bochaver, K.A. and Kvitchastyy, A.V. (2012). *K voprosu o diagnostike sportivnoy motivatsii: adaptatsiya oprosnika «sport motivation scale»* [On the diagnosis of sports motivation: adaptation of the questionnaire «sport motivation scale»]. *Sportivnyy psikholog* [Sports Psychology]. No. 1(25), pp. 38–43.

Korniyenko, D.S., Fominykh, A.Ya. and Sorokina, E.A. (2016). *Vzaimosvyaz' samoeffektivnosti i sportivnoy motivatsii v raznykh vidakh sporta. Pilotazhnoe issledovanie* [Self-efficacy and sport motivation among the individual and team sportsmen. A pilot study]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye nauki* [Herald of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series no. 1: Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 69–84.

Kuznetsov, S.A. (2014). *Osobennosti motivatsii sportsmenov komandnykh i individual'nykh vidov sporta: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Features of motivation of athletes in team and individual sports: dissertation]. Moscow, 175 p.

Leont'ev, A.N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Publ., Akademiya Publ., 352 p.

Pelletier, L.G., Rocchi, M.A., Vallerand, R.J., Deci, E.L. and Ryan, R.M. (2013). Validation of the revised sport motivation scale (SMS-II). *Psychology of Sport and Exercise*. Vol. 14, iss. 3, pp. 329–341. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2012.12.002>

Pristav, O.V., Dement'ev, K.N., Mironova, O.V., Moskalenko, I.S. and Skorokhodov, A.A. (2014). *Issledovanie motivatsionnoy sfery studentov-plovtsov vuzov v kontekste populyarizatsii fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti* [Investigation of the motivational sphere of university students-swimmers in the context of popularization of physical culture and sports activity]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 10(116), pp. 208–212.

Ryan, R.M. and Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Press, 756 p. DOI: <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>

Sherer, M., James, E., Mercandante, B., Prentice-Dunn, S., Jacobs B. and Rogers, W. (1982). The self-efficacy scale: Construction and validation. *Psychological Reports*. Vol. 51, iss. 2, pp. 663–671. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1982.51.2.663>

Tikhomirova, E.V. and Umanskaya, I.A. (2016). *Motivy zanyatiya sportom, kak psikhologicheskiy resurs uspekhov sportivnoy deyatel'nosti* [Motives of sports as psychological resource of successful sports activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 2, no. 2, pp. 234–236.

Vallerand, R.J., Pelletier, L.G., Blais, M.R., Briere, N.M., Senecal, C. and Vallières, E.F. (1992). The academic motivation scale: a measure of intrinsic, extrinsic, and amotivation in education. *Educational and Psychological Measurement*. No. 52, iss. 4, pp. 1003–1017. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013164492052004025>

Volkov, N.K. (1976). *Issledovanie psikhologicheskogo i fizicheskogo razvitiya uchashchikhsya 4–8 klassov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Study of psychological and physical development of students in grades 4–8: author. dissertation]. Moscow, 21 p.

Zhukov, Yu.Yu. (2013). *Psikhologicheskie faktory poznavatel'noy aktivnosti studentov vuzov*

fizicheskoy kul'tury [Psychological factors of cognitive activity of students of higher educational institutions of physical culture]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 7(101), pp. 53–60.

Zotova, F.R. (2015). *Otnoshenie studentov-sportsmenov k integratsii obrazovatel'nogo protsessa*

i sportivnoy podgotovki [Attitude of student-athletes to the integration of the educational process and sports training]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 10(128), pp. 73–79.

Received 09.06.2020

Об авторах

Кондратьев Игорь Михайлович
студент направления «Психология»
философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kim13-03-1994@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0369-0911>

Дудорова Екатерина Валерьевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2856-6359>

About the authors

Igor M. Kondratev
Student of the «Psychology» Program,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kim13-03-1994@yandex.ru
ORCID: : <https://orcid.org/0000-0002-0369-0911>

Ekaterina V. Dudorova
Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2856-6359>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кондратьев И.М., Дудорова Е.В. Особенности академической и спортивной мотивации студентов, занимающихся и не занимающихся спортом // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 475–485. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-475-485

For citation:

Kondratev I.M., Dudorova E.V. [Special features of academic and sports motivation of students engaged and not engaged in sports]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 475–485 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-475-485

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.72:2

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-486-493

МИГРАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ*Вукчевич Неманя**Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*

Предметом исследования является взаимосвязь феномена религии и феномена миграции. Данная проблема присуща истории человеческого общества с древнейших времен и не потеряла актуальности до сих пор. Изучение последствий и перспектив этого сложного явления в современном обществе с точки зрения социологии не нашло широкого отражения в науке. Исследование роли религии в процессе миграции было реализовано в контексте анализа различных источников, синтеза, индукции, аналогии и абстрагирования. Рассмотрен блок как религиозных трактатов, художественных произведений и классических социологических трудов, так и работ зарубежных и российских авторов. Отмечено, что дискурс миграции в настоящее время перешел из географического и демографического в общественно-политический, а религия стала играть важную роль на всех этапах миграции: с точки зрения как неолиберального, так и гуманистического подхода. Целью работы является попытка описания места религиозного фактора в процессе миграции и ее логики и роли не только в межконфессиональных, но и во внутриконфессиональных отношениях. Результатом исследования стал вывод в том, что миграция является либо катализатором религиозных чувств и поведения, либо просто усилителем существующей религиозной идентичности мигрантов и повышает качество их религиозных чувств. В контексте исследования подчеркивается необходимость укрепления законодательных основ свободы вероисповедания, а также ставится вопрос о том, как далеко религиозные сообщества могут зайти в процессе продвижения определенных религиозных правил. В связи с этим миграции часто становятся вызовом для секулярного государства. В работе сделаны выводы о необходимости комплексного подхода к данной проблеме.

Ключевые слова: миграция, религия, государство, церковь.

MIGRATION AND RELIGIOUSNESS*Nemanja Vukcevic**Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*

The subject of the research is the relationship between the phenomena of religion and migrations. The problem of their interaction has been inherent in human society since the ancient times; this problem is relevant one in nova days too. The consequences and prospects of development of this complex phenomenon in contemporary society are not sufficiently examined in science yet, especially in Sociology. In the paper, the role of religion in migration processes is studied based on the analysis of various sources, synthesis, induction, analogy, and abstraction. In course of research were analyzed numerous religious treatises, fiction works and classical sociological works, as well as works by foreign and Russian contemporary academic authors. The paper notes that the migration discourse has now shifted from the geographic and demographic to the socio-political domain. Religion has begun to play an important role at all stages of migration, both from the perspective of neoliberal and humanistic approaches. The paper aims to identify the role of the religious factor in the migration process and the role and logic of migration not only in inter-faith but also in intra-faith relations. It is shown that migration either serves as a catalyst for reli-

gious feelings and behavior or it strengthens the existing religious identity of migrants and enhances the quality of their religious feelings. The study highlights the need to improve the legislative framework of religious freedom, but also raises the question of how far religious communities can go in the process of advancing religious practice. In this regard, migrations often become a challenge for a secular state. Therefore, it is concluded that only an integrated approach would contribute to solving this problem.

Keywords: migration, religiousness, state, church.

Введение

С известной долей уверенности мы можем сказать, что миграция и религиозность присущи самой человеческой природе. С тех пор как появились первые свидетельства существования людей и людских сообществ, имеют место и свидетельства их миграций. Например, уже в Библии, в Старом Завете и в Книге Бытия, говорится о сообществе первых людей — Адама и Евы, которые в наказание были изгнаны из райского сада [Библия, 1994]. Далее, исход народа Израиля под предводительством Моисея мы также можем рассматривать как форму миграции; еще в большей мере этот процесс иллюстрирует жизнеописание странствий Авраама. В Коране паломничество Мухаммеда из Мекки в Медину и его возвращение имеет ключевое значение для становления Ислама как религии, поэтому неудивительно, что именно паломничество (хадж) является одним из 5 столпов этой религии и одной из важнейших обязанностей каждого правоверного, которое носит миграционный характер [Коран, 2001]. В иудаизме миграции остаются обязательным элементом религиозной идентичности даже после формирования государства Израиль [Танах, 2016].

Один из, возможно, самых первых примеров подхода к рассмотрению религии с точки зрения социологии, где во главу угла ставится значение религии в процессе первоначального формирования групп, сообществ, а в конце концов и общества, мы находим у Эмиля Дюркгейма. Его труд «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии», где он на основе анализа тотемических верований австралийских аборигенов разработал теорию о возникновении религиозных чувств и установок, доказывает, что религиозное сознание существует с тех пор, как мы можем говорить о человеческом сознании в целом [Дюркгейм Э., 2018]. Разрез пласта мифологических представлений культур, независимо развивавшихся по всему миру, дал бы нам кар-

тину, которая обязательно подразумевает наличие сверхсуществ, богов и полубогов, а также мотив поиска бессмертия, как это имеет место в одном из многочисленных подобных примеров — «Эпосе о Гильгамеше»: все эти мифологические представления, без сомнения, имеют и религиозный характер [Эпос о Гильгамеше, 2006]. Таким образом, и миграции, и религии являются неотделимыми атрибутами истории человека и человеческого общества с самого момента его становления и дальнейшего развития, говорим ли мы об истории цивилизаций или об истории идей. В современном прочтении эти идеи представлены, в частности, в работе Э.В. Королевой [Королева Э.В., 2008].

Соотношение миграционных процессов и религиозности мигрантов

Связь религии и миграции, по нашему мнению, имеет стабильную основу, однако в рамках исследования мы попытаемся рассмотреть ее с точки зрения социологической науки и понять, как данная взаимосвязь находит отражение в жизнедеятельности современного общества и с какими последствиями и перспективами мы можем в этом случае столкнуться (на примере процесса миграции). Такие утверждения лучше всего рассматривать с позиции «от противного». То есть мы не можем четко ответить, каким было бы состояние человека (и общества), если бы миграции и религиозность были исключены из его социологического кода, до тех пор, пока это не произошло (что в настоящий момент представляется невозможным).

По словам доктора международного права Анны-Мари Дюпре, в период с 1986 по 2004 гг. исполнявшей обязанности директора Службы по делам беженцев и мигрантов Федерации евангельских Церквей в Италии, а в период с 2003 по 2006 гг. являющейся Председателем Европейской церковной комиссии по делам мигрантов, в общей сложности более 20 лет занимающейся проблемой прав беженцев и мигрантов, которая и сама является беженцем,

«даже если мигранты потеряют все, что у них есть, у них останется их религиозный капитал» [Dupré A., 2008].

В связи с тем, что значимость понятий миграции и религии определяется их имманентностью и древностью, в фокусе нашего исследования вполне оправданно находится вопрос о том, есть ли непосредственная связь между этими феноменами. Тем более что дискурс миграций с устоявшегося демографического и географического плана в наше время постепенно перешел в политический дискурс, особенно после 11 сентября 2001 г., когда религиозный подход — за редкими исключениями — практически совсем был бесосновательно проигнорирован и недостаточно использован при изучении данных явлений.

Например, Жаклин Хаган и Хелен Росе Ибоу (Хьюстонский университет, США) отмечали, что религия играет важную роль во всех 6 фазах миграции, которые они определяют как принятие решения, подготовка к переезду, переезд, прибытие на новое место, организация жизни на новом месте, развитие международных связей [Hagan J., Ebaugh H.R., 2003]. Представляется, что верны и их утверждения о том, что комбинации экономических переменных, как и особенности рынка труда, были использованы в неоклассических теориях, которые старались предвидеть миграционные движения, и это, по нашему мнению, им удалось. Такая точка зрения довольно очевидна и по своей сути представляет собой массив статистических данных, на основе которых могут быть сделаны достаточно достоверные выводы. Однако это только один из подходов, который, хотя он и освещает важные элементы, не показывает всю картину миграционного процесса. В противоположность такому неолиберальному подходу, необходимое равновесие достигается только за счет гуманистического метода, где религия как социально-психологический феномен становится весьма важной. По словам Ван Дийка, например, современные исследования Церкви Пятидесятницы (Гана) показывают, что будущие мигранты часто обращаются к исцеляющим и спасительным ритуалам в молитвенных лагерях в Гане в целях поиска спиритической защиты и помощи перед переездом [Van Dijk R.A., 1997].

Возможно, после вышесказанного можно было бы добавить, что неолиберальный подход указывает на причины или отвечает на вопрос «почему?», в то время как гуманистический подход, который интегрирует в том числе и религиозный взгляд, отвечает и на вопрос «как?». Религиозный фактор в миграционных процессах на самом деле имеет свою логику, т.к. эти процессы (особенно в случае принудительных миграций) вне зависимости от того, вызваны они локальными военными действиями или запредельным уровнем бедности, всегда очень рискованны и опасны: мы ежедневно видим сообщения в СМИ о летальных случаях, иногда о массовой гибели или арестах мигрантов, о злоупотреблении их тяжелым положением и других трагедиях. Общеизвестно, что в таких условиях, т.е. условиях опасности и огромных страданий, — не всегда, но часто — люди инстинктивно стремятся к религии. Обращение к религии изначально является одним из путей поиска решений проблем, вызванных миграцией [Crul M., Vermeulen H., 2003].

В данном контексте мы можем говорить о таком вопросе: является ли миграционный процесс катализатором религиозных чувств и поведения даже у тех, кто ранее не был верующим или членом церковного сообщества, или же он только усиливает уже существующее религиозное состояние у индивидов или групп? Мы уверены, что в большинстве случаев данный вопрос касается не только самих мигрантов, но и — опосредованно — их семей, родственников, брачных партнеров, а в некоторой степени и других членов сообщества, например, курьеров, которые осуществляют передачу информации и денег как в государстве, откуда приходят мигранты, так и в государстве, куда они направляются. Интересно, что молитвы и религиозные обряды в некоторых отправных пунктах не прекращаются и, когда миграционный процесс завершен, т.к. родственники мигрантов приносят их фотографии и вещи, над которыми осуществляют бдение вместе со священником.

Помимо данных психологических и духовных функций, церквям свойственна социологическая функция, которая выражена не только в приеме мигрантов, организации питания, жилья, а иногда даже финансовой помощи, но и в организации общественной жизни посредством ин-

тенсивных контактов с ранее прибывшими мигрантами и резидентами — все вместе это очень помогает приспособиться и освоиться до такой степени, что может привести к смене вероисповедания. Факт того, что многие приезжие католики-майя переходят в протестантизм Церкви Пятидесятницы вскоре после своего переезда говорит в пользу того, что религия бывает очень важна на начальной стадии переселения [Nagan J., Ebaugh H.R., 2003]. Изменение вероисповедания из-за тяжелых условий жизни не является новостью в исторической ретроспективе, но в этом случае, как мы считаем, данный феномен не следует рассматривать только лишь с точки зрения мигрантов. Наоборот, описываемые нами отношения взаимны, поэтому необходимо изучать миссионерские намерения любой церкви привлечь как можно больше прихожан, т.к. в условиях уменьшения участников других целевых групп мигранты становятся первостепенной аудиторией вне зависимости от того, понимают они это сами или нет.

Взаимосвязь тут проявляется и в религиозных практиках, особенно в принимающих мигрантов странах, где практики отличаются от тех, что приняты у самих мигрантов. По мнению Анны-Марии Дюпре, церковные организации должны стремиться к укреплению законодательных основ свободы вероисповедания. Необходимо уважать права религиозных меньшинств и тогда, когда они не являются христианами. В данном контексте возникают споры о всеобщих ценностях, акцентированные на вопросе о том, как далеко религиозные сообщества могут зайти в процессе продвижения определенных религиозных правил, которые могут оказаться неприемлемыми с точки зрения основных ценностей сообщества принимающих стран [Durgé A., 2008]. В целом, данная проблема не нова: имеют место многочисленные примеры, иллюстрирующие, почему дело доходит до таких, как мы могли бы сказать, обоюдных религиозных коллизий. То, что стало бы тут столь необходимой инновацией, — это всеобъемлющие и долгосрочные решения, обоснованные глубоким погружением в теологические догматы, которые на уровне теологии кажутся невозможными, особенно, когда эти догматы практикуются на территории сосуществования различных конфессий. Миграции, однако, являются лакмусовой бумажкой не только для

оценки вызовов секулярному государству, превращающему религиозные вопросы в политические, но и для церкви, которая вне зависимости от своего желания политические вопросы превращает в теологические. При этом и государство, и церковь несут ответственность за возможность совместного существования людей, за цивилизацию и за существование человека. Так, А.А. Гридчин говорит о том, что, по сравнению с положением палестинцев в других ближневосточных государствах, в Ливане они находятся в наиболее бедственном положении и что во многом такая ситуация объясняется политикой официального Бейрута, который, желая не допустить ассимиляции палестинцев, ограничивает их социально-экономические и политические права [Гридчин А.А., 2008]. Получается «замкнутый круг»: при отказе от постулатов собственной веры принимаются практики другой веры ради благополучия мигрантов, а при отказывая мигрантам в праве на такое благополучие укрепляются собственные религиозные убеждения. Однако в общественных интересах все — от индивида, местных общин, государства, государственных объединений до глобального сообщества — должны быть достаточно ответственными; избегая обычных злоупотреблений (например, в политических компаниях, в которых «правые» движения привлекают дополнительные голоса избирателей), они могли сформировать новое общее знание и постулаты, которые исповедует большинство религий: мир во всем мире и любовь к ближним.

Дискуссия

Важно отметить, что религиозные отношения в контексте миграций носят не только интернациональный и межконфессиональный, но и внутриконфессиональный характер. Тем не менее, возможно, самой важной характеристикой религиозности мигрантов в институциональном смысле является то, что она всегда и везде инициирует светское (нерелигиозное) движение. Инициатива организации молитвенных собраний (молитвенных домов) в новой жизненной среде обычно идет снизу или, по крайней мере, поддерживается низами [Levitt P., 2003]. Другими словами, мигранты и самостоятельно формируют религиозные институты и практики в рамках своей религии, хотя достаточно про-

извольным образом. До такой степени произвольным, что это может привести к конфликту внутри самого религиозного сообщества, а определенный компромисс, к которому, как правило, позднее это сообщество приходит, должен включать в себя — по крайней мере, до определенной степени — изменение всей религиозной жизни, например в части автономности собственной церкви или религиозной общины.

Комментируя данную ситуацию, Вернер Шиффер [Schiffauer W., 2006] приводит высказывание Пьера Бурдые, которое подтверждает тезис о том, что изменения в религиозной жизни носят не только институциональный, но и духовный характер: «Религиозная энергия часто проявляется более чистым и свободным образом — с такой большой силой, которая оставляет средний класс без слов. Это приводит к извержению, порожденному отчаянием, которое продолжается на основе дикого энтузиазма» [Бурдые П., 2005]. Имеет особое значение вопрос о том, является ли преждевременным вывод, что миграционные процессы способствуют повышению качества религиозных чувств, не смотря на то, что они нарушают иерархию и практику религиозных институтов собственных стран происхождения, или, если мы придерживаемся более крайних позиций и говорим политически некорректно, может быть, именно поэтому?

А.А. Гридчин утверждает, что в то время как отдельные специалисты ищут способы улучшить качество сотрудничества гуманитарных организаций, другие сосредотачиваются на совершенствовании международного права, которое регламентирует порядок реализации данной деятельности, причем и одни, и другие сходятся в оценке глобального характера данной проблемы, подходы к решению которой должны быть конструктивны и учитывать все аспекты ситуации [Gritčín A.A., 2011]. Невозможно охватить все случаи взаимоотношений религий и миграций, отчасти потому, что они не задокументированы. Но тут возникает вопрос о том, как именно можно «документировать» случаи дисконтинуитета религиозного поведения среди различных поколений мигрантов. Как мы уже говорили выше, это возможно посредством самого принятия решения и начала процесса переезда; в некоторых окружениях роль религии в наибольшей мере состоит имен-

но в том, чтобы утешить и приободрить человека. До такой степени, что священник при коммуникациях с Богом определяет, является ли данный момент подходящим, и, что в любой момент он может остановить весь процесс, участвуя во всех его этапах и координируя представителей всех поколений в семье (таков, например, случай с миграцией майя (Южная Америка) в Хьюстон (США)). В Европе часто первое поколение мигрантов находится в дисконтинуитете относительно религиозных традиций со своими потомками, которые, будучи рожденными в новой стране, естественным образом перенимают язык, культурологический код и практики секулярного государства. Об этом, в частности, говорят такие современные исследователи, как Е.Л. Могильчак [Могильчак Е.Л., 2019], Г.И. Гаджимурадова [Гаджимурадова Г.И., 2017, 2018], а также Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, М.Н. Храмова [Осипов Г.В. и др., 2016]. Но возможна и полностью противоположная ситуация, когда новые поколения мигрантов, рожденные и получившие образование в новой стране, демонстрируют исключительную коллизию с секулярной средой своего существования (в отличие от своих родителей) и используют именно религию не только как «*differentia specifica*» и щит, но и как оружие против этой среды. Возможно, это один из тех случаев, где мы можем ясно увидеть все положительные стороны индивидуализма, особенно в части стремления индивида к духовному поиску и духовному самосовершенствованию, в отличие от коллективного требования социальных изменений, которое по определению носит конфликтный характер, вне зависимости от того, оправдан он или нет и приводит ли он к политическим последствиям, — хотя в любом случае не приводит к последствиям духовным.

Заключение

Соотношение религии и миграции обусловлено их сложностью и взаимосвязанностью; также мы можем сказать о том, что они всегда были присущи человеческому роду. Нами была рассмотрена сложная взаимосвязь феномена религии и феномена миграции, присущая истории человеческого общества с древнейших времен по настоящее время. Следует отметить, что анализ немногочисленных современных работ в данной области выявил необходимость и це-

лесообразность проведения будущих исследований. Несмотря на наличие в работах современных авторов привычного нам восприятия миграций с демографической или актуальной политической точки зрения, мы смогли отметить определенные факты, указывающие на взаимное влияние институтов религий и процесса миграции.

Религия влияет на миграционный процесс на всех его фазах, и это влияние имеет не только социологический (за счет своих институтов и привлечения духовных лиц), но и психологический характер (за счет религиозных обрядов и психологической поддержки мигрантов). Взаимосвязь феноменов миграции и религии носит международный характер и проявляется на внутринациональном уровне: как в институциональных изменениях, так и духовных явлениях. В противовес очевидному глобальному характеру миграции мы отметили наличие локальных религиозных последствий и в узком семейном кругу, и в диалоге поколений. Религиозный аспект также влияет на ассимиляцию мигрантов в новой стране, при этом степень влияния зависит от того, отличается доминирующая религия этой страны от собственной религии мигрантов или же речь идет о секулярном государстве.

Миграции влияют на религию посредством спонтанного миссионерского процесса и могут внести вклад в создание новых религиозных групп внутри одного религиозного сообщества. Вместе с тем они способны привести к изменениям в иерархии собственной религии мигрантов. Также миграционные процессы могут способствовать злоупотреблению религией в политических целях. Поэтому, необходимо тщательно исследовать взаимосвязь религии и миграции, имеющую особое гуманистическое значение с точки зрения социологической перспективы.

Список литературы

Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические. М., 1994. 298 с.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.

Гаджимурадова Г.И. Европейские мусульмане и мусульмане в Европе: рядом или вместе? // *Власть.* 2018. Т. 26, № 2. С. 60–63.

Гаджимурадова Г.И. Система европейских и исламских ценностей в контексте миграции мусульман в Европу // *Власть.* 2017. Т. 25, № 11. С. 177–181.

Гриджин А.А. Демографические последствия локальных конфликтов // *Социальная экология в изменяющейся России и сопредельных государствах: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Белгород, 12–13 декабря 2008 г.).* Белгород, 2008. С. 129–131.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Коран / пер. И.Ю. Крачковского; предисл. П. Грязневича, В. Беляева. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 544 с.

Королева Э.В. Социальная роль религии в миграционных процессах в современной России // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2008. № 2. С. 42–44.

Осипов Г.В., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гаджимурадова Г.И. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия: монография. М.: Ин-т социально-политических исслед. РАН, 2016. 116 с.

Могильчак Е.Л. Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2019. Вып. 4. С. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>

Танах (Тора, Пророки, Писания) (на иврите и русском языке). Иерусалим: Яхад, 2016. 791 с.

Энос о Гильгамеше («О все издавшем») / пер. с аккад. И.М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 221 с.

Crul M., Vermeulen H. The Second Generation in Europe // *International Migration Review.* 2003. Vol. 37, no. 4. P. 965–986. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00166.x>

Dupré A. Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process? // *Mozaik.* 2008. Spring. P. 7–11. URL: <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf> (accessed: 18.05.2020).

Gričin A.A. Zadaci civilne policije mirovnih snaga UN u uslovima ekstremne migracije stanovništva // *Policijski glasnik.* 2011. Broj 11 (jun.). S. 10–11. URL: https://issuu.com/policijskoglasnik/docs/policijski_glasnik_broj_11 (accessed: 18.05.2020).

Hagan J., Ebaugh H.R. Calling upon the Sacred: Migrants' Use of Religion in the Migration Process // *International Migration Review*. 2003. Vol. 37, no. 4. P. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>

Levitt P. You Know, Abraham Was Really the First Immigrant?: Religion and Transnational Migration // *International Migration Review*. 2003. Vol. 37, no. 3. P. 847–873. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00160.x>

Schiffauer W. Migration and Religion. A Special Relationship // *Fikrun wa Fann / Art and Thought*. 2006. No. 83. P. 29–34. URL: <http://www.goethe.de/mmo/priv/1580463-STANDARD.pdf> (accessed: 18.05.2020).

Van Dijk R.A. From Camp to Emcompassment: Discourses on Transsubjectivity in the Ghanaian Pentecostal Diaspora // *Journal of Religion in Africa*. 1997. Vol. 27, iss. 2. P. 135–159. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/9347/ASC_1267364_017.pdf?sequence=1 (accessed: 18.05.2020). DOI: <https://doi.org/10.2307/1581683>

Получено 17.07.2020

References

Bibliya. Knigi svyaschennogo pisanija vethogo i novogo zaveta: kanonicheskie [Bible] (1994). Moscow: Rossiyskoe Bibleyskoe Obschestvo Publ., 298 p.

Bourdieu, P. (2005). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva v 2 t* [Sociology of social space: in 2 vols]. Moscow: Institut Eksperimentalnoy Sotsiologii. Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., 288 p.

Crul, M. and Vermeulen, H. (2003). The Second Generation in Europe. *International Migration Review*. Vol. 37, no. 4, pp. 965–986. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00166.x>

Dupré, A. (2008). Perspectives on migration: What role does religion play in the migration process? *Mozaik*. Spring, pp. 7–11. Available at: <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf> (accessed 18.05.2020).

Durkheim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The elementary forms of the religious life]. Moscow: Elementarnye Formy Publ., 808 p.

Dyakonov, I.M. (tr.) (2006). *Epos o Gil'gameshe* [Epic of Gilgamesh]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 221 p.

Gadzhimuradova, G.I. (2018). *Evropeyskie musul'mane i musul'mane v Evrope: ryadom ili vmeste?* [European Muslims and Muslims in Europe: side by side or together?]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 26, no. 2, pp. 60–63.

Gadzhimuradova, G.I. (2017). *Sistema evropeyskikh i islamskikh tsennostey v kontekste migratsii musul'man v Evropu* [The system of European and Islamic values in the context of the migration of Muslims to Europe]. *Vlast'* [The Authority]. Vol 25, no. 11, pp. 177–181.

Gridchin, A.A. (2008). *Demograficheskie posledstviya lokal'nykh konfliktov* [Demographic consequences of local conflicts]. *Sotsial'naya ekologiya v izmenyayusheysya Rossii i soprodel'nykh gosudarstvakh: teoriya i praktika: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii (Belgorod, 12–13 dekabrya 2008 g.)* [Social ecology in the changing Russia and neighboring states: theory and practice: proceedings of the International scientific-practical conferences (Belgorod, Dec. 12–13, 2008)]. Belgorod, pp. 129–131.

Gridchin, A.A. (2011). *Zadaci civilne policije mirovni snaga UN u uslovima ekstremne migracije stanovništva* [Tasks of the civilian police of the UN peacekeeping forces in the conditions of extreme migration of the population]. *Policijski glasnik* [The Policy Journal]. No. 11, pp. 10–11. Available at: https://issuu.com/policijskiglasnik/docs/policijski_glasnik_broj_11 (accessed 18.05.2020).

Hagan, J. and Ebaugh, H.R. (2003). Calling upon the sacred: Migrants' use of religion in the migration process. *International Migration Review*. No. 37, no. 4, pp. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>

Koran (2001). [Quran]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 544 p.

Koroleva, E.V. (2008). *Sotsial'naya rol' religii v migratsionnykh protsessakh v sovremennoy Rossii* [The social role of religion in migration processes in modern Russia]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East]. No. 2, pp. 42–44.

Levitt, P. (2003). You know, Abraham was really the first immigrant?: Religion and transnational migration. *International Migration Review*. Vol. 37, no. 3, pp. 847–873. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00160.x>

Mogilchak, E.L. (2019). *Religioznost' migrantov iz Tsentral'noy Azii v usloviyakh krupnogo goroda* [Religiousness of migrants from Central Asian in a large city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filoso-*

fia. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>

Osipov, G.V., Ryazantsev, S.V., Khramova, M.N. and Gadzhimuradova, G.I. (2016). *Migratsionnyy krizis i formirovanie musul'manskikh obschin v Evrope: tendentsii i posledstviya* [The migration crisis and the formation of Muslim communities in Europe: trends and consequences]. Moscow: ISPR RAS Publ., 116 p.

Schiffauer, W. (2006). Migration and religion a special relationship. *Fikrun wa Fann / Art and Thought*. No. 83, pp. 29–34. Available at:

<http://www.goethe.de/mmo/priv/1580463-STANDARD.pdf> (accessed 18.05.2020).

Tanakh (Tora, Proroki, Pisaniya) (2016). [Tanakh (disambiguation)]. Jerusalem: Yahad, 791 p.

Van Dijk, R.A. (1997). From camp to emcompassment: Discourses on transsubjectivity in the Ghanaian Pentecostal Diaspora. *Journal of Religion in Africa*. Vol. 27, iss. 2, pp. 135–159. Available at: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/9347/ASC_1267364_017.pdf?sequence=1 (accessed 18.05.2020). DOI: <https://doi.org/10.2307/1581683>

Received 17.07.2020

Об авторе

Вукчевич Неманя

аспирант кафедры социологии и управления

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
308012, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-3888>

About the author

Nemanja Vukcevic

Ph.D. Student of the Department
of Sociology and Management

Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukov st., Belgorod, 308012, Russia;
e-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-3888>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вукчевич Н. Миграция и религиозность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 486–493. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-486-493](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-486-493)

For citation:

Vukcevic N. [Migration and religiousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 486–493 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-486-493](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-486-493)

УДК 316.334

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-494-505

БАРЬЕРЫ И СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ (ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР) В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Марголина Татьяна Ивановна, Суровяткина Полина Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Представлен анализ литературы, проведенный с целью выделения существующих на практике и отраженных в научных трудах специалистов-медиаторов и посредников барьеров и стимулов применения медиации (примирительных процедур) в работе с конфликтами, возникающими в социальной сфере. Обосновано, каким образом тот или иной барьер (низкий уровень информированности общества о примирительных процедурах урегулирования конфликтов, негативные психологические установки по отношению к конфликту и процессу его урегулирования мирным путем, а также барьеры, связанные с низким уровнем подготовки и деятельности посредников (медиаторов), отсутствие нормативного регулирования процедуры медиации во внесудебном порядке) препятствует развитию примирительных технологий. Также описано, как выделяемые стимулы, такие как экономия ресурсов, возможность сохранения и восстановления отношений, гибкость процедуры и основные принципы и правила медиации, способствуют распространению данного института в России. Помимо этого, дано описание результатов проведенной исследовательской работы (социологического опроса), направленной на изучение представлений у студентов, специалистов (экспертов) в области медиации, государственных и муниципальных служащих и пенсионеров, препятствий, возникающих на пути развития медиации, а также факторов, стимулирующих данный процесс. Результаты эмпирического исследования подтвердили теоретические выводы о существовании реальных барьеров развития примирительных процедур при разрешении конфликтов в социальной сфере, таких как отсутствие информации у граждан о примирительных технологиях разрешения конфликтов, отсутствие нормативных актов по применению примирительных процедур в урегулировании конфликтов во внесудебном порядке, отсутствие нормативов оплаты труда медиаторов в бюджетных организациях, преимущественные представления в обществе о конкурентной стратегии поведения в конфликте, недостаток информации о возможности получения образования по направлению «Конфликтология», «Медиация». Были определены возможные меры по снятию существующих барьеров, которые нашли отражение в перечне рекомендаций, составленном на основании анализа литературы и результатов эмпирического исследования.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, медиация в социальной сфере, барьеры развития медиации, стимулы развития медиации.

BARRIERS AND INCENTIVES IN THE DEVELOPMENT OF MEDIATION (CONCEPTUAL PROCEDURES) IN THE SOCIAL SPHERE

Tatyana I. Margolina, Polina A. Surovyatkina

Perm State University

This article identifies barriers and incentives for the use of mediation (conciliation procedures) in dealing with conflicts arising in the social sphere. The study is based on the analysis of the literature, particularly scholarly works written by specialists in the field — mediators and intermediaries. Among the barriers revealed are the low level of public awareness of conciliatory procedures, negative psychological attitudes towards the conflict and the process of its peaceful settlement as well as barriers associated with the low level

of mediators' training, the absence of normative regulation for the out-of-court mediation procedure. The article substantiates how particular barriers hinder the development of conciliatory technologies. The identified incentives include saving resources, the possibility of maintaining and restoring relationships, the flexibility of the procedure, and the basic principles and rules of mediation. It is described how these incentives contribute to the spreading of this institution in Russia. The article also provides a description of the results of research (sociological survey) concerning the views of students, experts in the field of mediation, state and municipal employees and pensioners, about the obstacles in the development of mediation as well as factors stimulating this process. The empirical study results confirmed the theoretical conclusions about the existence of real barriers in the development of conciliation procedures in the social sphere, such as the lack of information about conciliatory technologies for resolving conflicts, the lack of regulations on their application out of court, the lack of salary standards for mediators in budgetary organizations, the predominant ideas in society about the competitive strategy of behavior in a conflict, the lack of information about educational programs in the field of conflictology and mediation. In conclusion, the authors provide some recommendations prepared based on the analysis of the literature and the empirical research results and containing possible measures aimed at removing the existing barriers.

Keywords: mediation, conciliation procedures, mediation in the social sphere, barriers in the development of mediation, incentives in the development of mediation.

Барьеры развития медиации (примирительных процедур)

Медиация и иные примирительные процедуры зарекомендовали себя как эффективные способы разрешения и урегулирования конфликтов, прибегнуть к которым можно практически в каждой из сфер жизнедеятельности. Однако, несмотря на все выделяемые преимущества данных примирительных технологий, в научной литературе поднимается проблема барьеров, или препятствий, развития медиации (примирительных процедур), исследование которых, очевидно, необходимо наравне со стимулами их применения.

Анализ литературы с целью поиска барьеров и стимулов, выделяемых различными авторами-исследователями, медиаторами, экспертами в области примирительных процедур (медиации), показал, что можно определить 4 основные группы барьеров: низкий уровень информированности общества о примирительных процедурах урегулирования конфликтов [Батурина Н.А., 2016; Голуб О.Ю., 2017; Григорьев А.Н., 2016], негативные психологические установки по отношению к конфликту и процессу его урегулирования мирным путем [Романова Н.А., 2016; Марголина Т.И., 2013], а также барьеры, связанные с низким уровнем подготовки и деятельности посредников (медиаторов) [Бесемер Х., 2004; Лахметкина Ю.С., 2016], отсутствие нормативного регулирования процедуры медиации во внесудебном порядке

[Тюльканов С.Л. и др., 2016; Шкрыль Е.О., 2016].

В качестве одной из ключевых проблем можно выделить низкую информированность общества о понятии и наличии практики примирительных процедур. Таким образом, возможная целевая аудитория не только не имеет представления о сущности процедур, но и не знает об их существовании. Например, Н.А. Батурина характеризует понятие медиации в России как непонятное, неведомое и новомодное слово для основной части населения.

А.Н. Григорьев в статье «Эффективность медиации» предлагает перечень причин, по которым, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, медиация остается неостребованным институтом в России. С проблематикой низкого уровня информированности населения связаны следующие из них:

- относительная новизна процедуры;
- отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов;
- барьеры, связанные с низким уровнем активности в реализации просветительской работы со стороны органов государственной и муниципальной власти, СМИ и сообщества медиаторов;
- неосведомленность сторон о медиации.

Интерес также представляет тезис, высказанный В.В. Лисицыным: «В России граждане о медиации практически ничего не знают и по этой причине никакого различия между медиацией и медитацией не видят. Высокоорганизо-

ванной и хорошо скоординированной пропаганды примирительного урегулирования споров в нашей стране пока не существует, нет центрального печатного органа медиативного движения, передач, пропагандирующих выгоды и преимущества мирного урегулирования споров» [Лисицын В.В., с. 153].

Таким образом, к проблемам, связанным с низким уровнем информированности населения, можно отнести следующие: относительная новизна процедуры, отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов, низкий уровень активности в реализации просветительской работы о медиации со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, СМИ, сообщества медиаторов и научного сообщества.

Следующая группа барьеров — негативные психологические установки по отношению к конфликту и процессу его урегулирования мирным путем. Можно предположить, что проблема заключается в уже сформированном мышлении и общественной парадигме необходимости победы в споре или конфликте. Зачастую человек при конфликте придерживается стратегии борьбы или конфронтации, что не способствует достижению взаимовыгодного для обеих сторон решения. К вопросу о развитии медиации в том числе относится предпочтение человеком (осознанно или неосознанно) конкурентной стратегии поведения в конфликте («Победа любой ценой!»).

Н.А. Романова отмечает следующие характеристики российского менталитета, мешающие успешному внедрению примирительных процедур в жизнь общества: представление о компромиссе как о проявлении слабости, потребность во внешнем императивном регулировании конфликтов, нежелание брать на себя ответственность за поиск решения сложных жизненных ситуаций, несамостоятельность принятия решений, сложившаяся в нашем социуме культура разрешения конфликтов (склонность наших сограждан к неуступчивости: уступить — значит оказаться слабым, проиграть), влечение к победе, характерное для отечественного менталитета, доминирование психологии победителя, свойственное русской и советской культуре.

Вернемся к уже упомянутым ранее причинам, выделенным Верховным Судом. К про-

блематике конфликтного менталитета можно отнести следующие из них:

- высокая степень конфликтности отношений в обществе;
- отсутствие навыков и традиции ведения переговоров;
- стремление лица, право которого нарушено, любыми способами привлечь к ответственности нарушителя;
- нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя.

Таким образом, можно говорить, о наличии уже двух барьеров, таких как низкий уровень информированности граждан и негативные психологические установки по отношению к конфликту и процессу его урегулирования. Поворот общественного сознания в русло гармоничного сосуществования людей друг с другом — процесс долгий и сложный; внедрение примирительных процедур при этом является его этапом.

К третьей группе основных барьеров нами были отнесены аспекты, связанные с низким уровнем подготовки и деятельности специалистов (медиаторов). Следует отметить, что деятельность примирителя крайне сложна, поэтому для такой работы подходит человек обладающий рядом качеств, таких как коммуникабельность, ориентация на установление мира и согласия, уверенность в себе, умение анализировать и т.д. Так О.В. Аллахвердова и Х. Бесемер считают, что именно личность медиатора является определяющей для эффективного посредничества.

Н.И. Леонов, В.Г. Зазыкин, Л.Н. Цой выделяют важность конфликтологической компетентности медиатора как «системного, многокомпонентного образования профессионально важных, социально-психологических, операциональных и поведенческих особенностей медиатора, способствующих конструктивному разрешению конфликтов между субъектами конфликтного взаимодействия» [Леонов Н.И., 2014, с. 77].

По мнению Н.А. Романовой, подготовке будущих специалистов уделяется недостаточное количество времени, а образование не гарантирует качества их подготовки. Согласно автору, преобладание теоретических знаний над практикой также является проблемой.

Эффективным подходом, на наш взгляд, является поэтапное обучение специалистов в области примирительных процедур. Первая ступень — бакалавриат по направлению «Конфликтология», «Психология», где у студентов формируются базовые знания и компетенции в области конфликто разрешения. Вторая ступень — магистратура в области примирительных процедур или медиации, представляющая собой более углубленное и специализированное изучение данной области.

Магистерская программа может стать основой глубоких изменений в понимании сути миротворческой деятельности, утверждения ценностей мира и восстановления отношений между людьми, находящимися в конфликте. Культура согласия и примирения может и должна произрастать из образовательной среды, из общества преподавателей и медиаторов-практиков, объединенных в творческие коллективы по реализации магистерских программ при поддержке органов власти. [Марголина Т.И., 2019, с. 34]

Вопрос подготовки медиаторов, равно как и иных специалистов в сфере примирительных процедур, крайне актуален, т.к. именно они отвечают за продвижение, качество и развитие институтов примирения. Непрофессионализм и некомпетентность могут стать барьерами, препятствующими внедрению процедур примирения в жизнь общества.

Нормативная составляющая играет существенную роль во внедрении и реализации примирительных процедур на территории Российской Федерации. В первую очередь стоит отметить, что медиация является на данный момент единственной законодательно закрепленной примирительной технологией. Проблемы законодательства о медиации подробно представлены в работе С.Л. Тюльканова, И.Б. Никитиной, К.В. Геворковой. Существуют также проблемы, связанные с обращением к процедуре медиации, к ним относят наличие неясности в законе относительно требований к оформлению соглашения о проведении процедуры медиации. Выделяют и проблемы, связанные с проведением процедуры медиации. На данный момент законодательно не урегулирован вопрос о правилах раскрытия конфиденциальной информации медиатором: в каких случаях полученная информация может быть,

например, передана в соответствующие органы. Законодательно установлен только один вариант прекращения медиации в случае, если стороны достигли взаимоприемлемых решений, — медиативное соглашение, являющееся гражданско-правовой сделкой. Авторами предложено законодательно расширить варианты прекращения процедуры медиации в случае урегулирования спора. К проблемам, связанным с оказанием медиативных услуг, относят недостаток информации о медиаторах. Законодательно не установлено, как могут распространяться сведения о медиаторах и организациях, оказывающих медиативные услуги.

Также необходимо отметить, что имеющиеся практики восстановительной медиации во многих регионах России, посреднические процедуры урегулирования споров на местном уровне, проводимые во внесудебном порядке, на данный момент нормативно не урегулированы.

Стимулы развития медиации (примирительных процедур)

Стимулы развития медиации (примирительных процедур) можно трактовать как преимущества и как факторы, способствующие ускорению процесса внедрения примирительных технологий. На основании изученной литературы к ним нами были отнесены экономия ресурсов [Карпенко А.Д., 2012; Нигматуллин Ф.Н., 2019], сохранение отношений конфликтующих сторон и возможность их восстановления [Андрианов Ю., 2017; Назинцева А.Ю., 2018; Бодрова Е.А., 2015; Шамликашвили Ц.А., 2012; Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А., 2014; Коновалов А.Ю., 2018], гибкость процедуры [Гапченко В., 2018; Вирченко Ю.А., Самохвалова Н.А., 2016], принципы и правила примирительных процедур [Исакова Ю.И., 2018].

Экономия ресурсов проявляется как с материальной стороны (возможная минимизация финансовых затрат), так и с нематериальной: это выражается в сохранении внутренних психологических ресурсов человека через работу медиатора с эмоциями сторон, а также в уменьшении временных затрат. Здесь следует упомянуть статистические данные, озвученные Х.-А. Бюлером, адвокатом, экспертом Фонда Конрада Аденауэра (Германия): «Согласно исследованиям примерно для 90 % опрошенных была важна надежда избежать благодаря меди-

ации возможного при судебном разбирательстве длительного процесса и возможности возникновения последующих конфликтов» [Бюлер Х.-А., 2014, с. 97].

В. Гапченко выделяет следующие преимущества применения процедуры медиации, относящиеся ко второй группе стимулов: наличие возможности восстановления отношений, изменение сторонами моделей поведения в конфликте на конструктивные. Описанное Ю. Андриановой такое преимущество медиативных технологий, как «сохранение возможности продолжения сотрудничества», также может быть отнесено к названной группе стимулов. Процедура медиации предполагает обсуждение в комфортной и безопасной обстановке прошлого, а также возможного будущего, что положительно влияет на отношения между людьми. Ключевыми стимулами для применения примирительных процедур при работе с семейными конфликтами являются те, которые связаны с восстановлением отношений, сохранением психологических ресурсов и возможностью работы с учетом интересов детей. Именно в основе восстановительной модели медиации лежат вышеуказанные принципы. Существующие стимулы определены в статьях Ц.А. Шамликашвили «Школьная медиация как действенный инструмент в защите прав детей» и «Метод “школьная медиация” как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы». Школьная медиация предполагает наличие безопасной среды для благоприятного развития личности, умеющей отвечать за свои поступки и принимать решения. Технология ставит перед собой цель создать культуру конструктивного поведения в конфликте, основанного на медиативном подходе, в основе которого лежат такие фундаментальные ценности, как уникальность каждой личности, принятие, уважении права на удовлетворение собственных потребностей, а также защиту своих интересов, но не в ущерб интересам других людей. Медиативный подход, основанный на принципах общения, открытости, уважения и на взаимном принятии, направлен на повышение качества жизни всех участников учебно-воспитательного процесса (семья, педагоги, администрация, психологи, социальные педагоги, школьные инспекторы, дети, подростки и юношество).

Гибкость процедуры медиации (примирительных процедур) раскрывается в свободе выбора посредника (медиатора), наличии возможности обсуждения всех вопросов по желанию сторон, самостоятельности сторон в процедуре. Также в процессе выработки решения стороны руководствуются не только нормами права, но и морально-этическими аспектами. Результаты соглашения могут быть поливариантны, а сроки его исполнения заранее обговариваются сторонами.

К принципам процедуры медиации принято относить закрепленные в ст. 3 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Федеральный закон..., 2010] добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие, беспристрастность и независимость медиатора. По мнению Ю.И. Исаковой, именно соблюдение вышеуказанных принципов в рамках проведения процедур медиации является наиболее значимым фактором, влияющим на распространение медиации в России. К негласным же правилам относятся ответственность сторон за принятие решений; наличие посредника, действия которого направлены на налаживание процесса коммуникации между конфликтующими сторонами, а также на проверку достигнутого соглашения на реалистичность, уважительное отношение сторон друг к другу в ходе процедуры.

Результаты проведенного исследования по развитию примирительных процедур

На основании анализа литературы и составления перечня выделяемых учеными барьеров и стимулов развития медиации в социальной сфере нами было проведено исследование, направленное на изучение представлений различных категорий респондентов о существующих барьерах и стимулах. Объектом исследования выступили примирительные внесудебные процедуры (медиация), а предметом — барьеры и стимулы, существующие при применении примирительных процедур (медиации).

Всего в опросе приняло участие 85 чел. На раннем этапе было выделено 4 группы интересующих нас респондентов, к ним относились студенты, специалисты (эксперты) в области примирительных процедур (медиации), государственные, муниципальные служащие и пен-

сионеры; помимо этого, у опрашиваемых была возможность указать род своей деятельности в случае, если они не относятся в перечисленным 4 группам. Выбор групп респондентов объясняется следующим. Студенты-бакалавры направления «Конфликтология» являются будущими провайдерами примирительных процедур, а специалисты (эксперты) в области примирительных процедур (медиации) являются непосредственными практиками в этой области. Представители двух этих групп способны к объективному анализу барьеров и стимулов, т.к. они изучают эту сферу или непосредственно работают в ней. Государственные и муниципальные служащие способны выделить барьеры и стимулы с точки зрения процесса их встраивания в работу органов государственного и муниципального управления. Пенсионеры и пред-

ставители группы «Другое» являются, на наш взгляд, возможными потребителями примирительных технологий, поэтому их видение барьеров и стимулов также крайне важно для построения объективной картины исследования.

Вопрос о барьерах развития медиации (примирительных процедур) был сформулирован следующим образом: «Пожалуйста, укажите какие конкретно барьеры, препятствующие применению примирительных процедур (медиации), Вы видите?» В перечень вариантов ответов были включены полученные нами материалы результатов анализа литературных источников по барьерам развития медиации. Участники опроса могли отметить не более трех вариантов. Процентное соотношение ответов представлено на рис. 1.

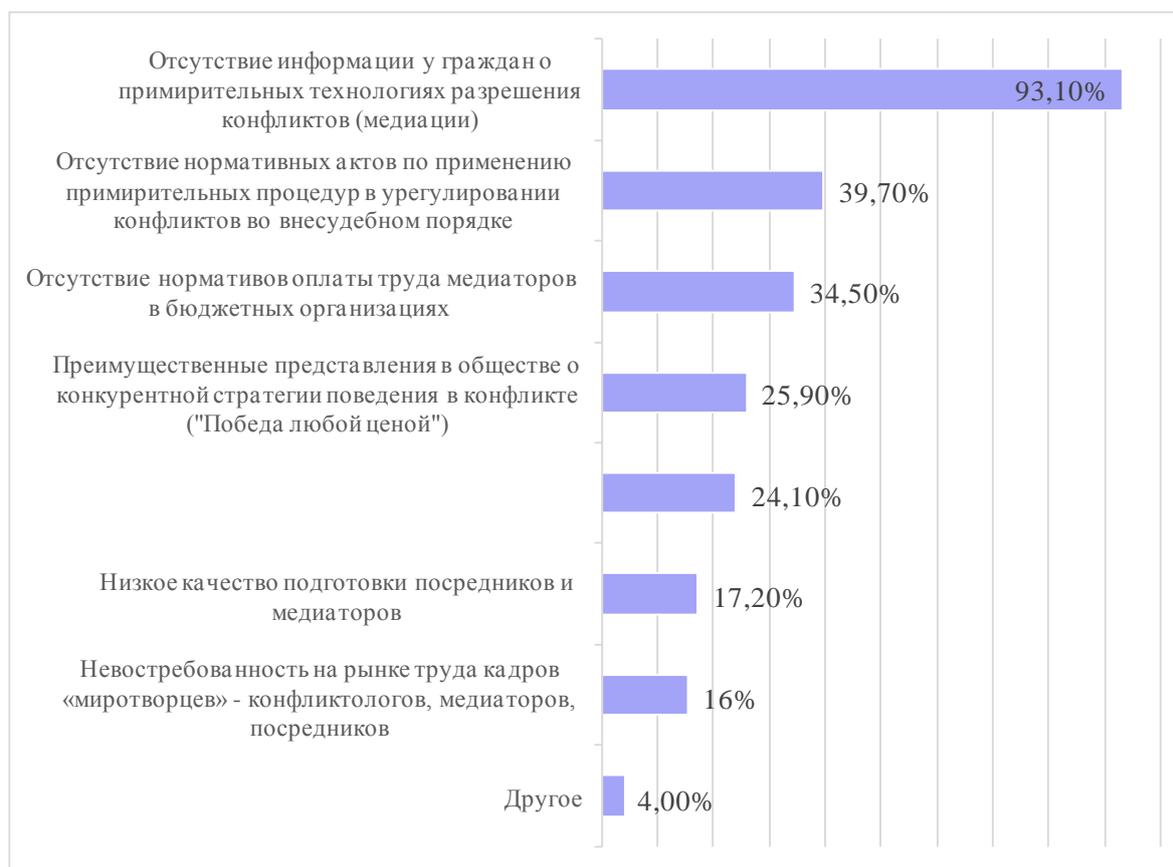

Рис. 1. Барьеры, препятствующие развитию примирительных процедур (медиации)

Fig. 1. Barriers to the development of mediation (conciliation procedures)

Согласно полученным данным, абсолютное большинство респондентов (93,1 %) указали на отсутствие информации у граждан о примирительных технологиях разрешения конфликтов

как на один из основных барьеров применения примирительных процедур (медиации).

ации). Значительная часть респондентов отнесли к барьерам развития медиации отсутствие нормативных актов по применению примирительных процедур в урегулировании конфликтов во внесудебном порядке (39,70 %), отсутствие нормативов оплаты труда медиаторов в бюджетных организациях (34,50 %), преимущественные представления в обществе о конкурентной стратегии поведения в конфликте (25,90 %), недостаток информации о возможности получения образования по направлению «Конфликтология», «Медиация» (24,10 %). В поле «Другое» респондентами были указаны следующие ответы: несерьезное отношение к процедуре, административные барьеры, отсутствие информации у органов государственной

власти, а также отсутствие информации у граждан о результатах проведенных процедур.

Нами было предложено респондентам определить мероприятия, направления деятельности которых выступили бы стимулами развития примирительных процедур (медиации), ответив на вопрос «Что, по Вашему мнению, может ускорить процесс применения примирительных процедур в работе с конфликтами?» Варианты ответов были составлены на основании изученных литературных источников и консультаций с практикующими медиаторами. Участникам исследования так же, как и в предыдущем вопросе, предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа и при желании выразить свое мнение в поле «Другое». Процентное соотношение ответов представлено на рис. 2.

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, может ускорить процесс применения примирительных процедур в работе с конфликтами?»

Fig. 2. Answers to the question «What can force the use of conciliation procedures in conflict solving?»

На рисунке наглядно отражено, что самым популярным вариантом ответа является «Система информирования граждан о центрах разрешения конфликтов, центрах медиации и посредничества» (63,5 %). Помимо этого, по мнению респондентов, ускорению процесса внедрения примирительных процедур в сферы общественной жизни также может способствовать нормативное закрепление внесудебных примирительных процедур как способа урегулирования/разрешения конфликтов (55,3 %). Также важно учесть, что в 48 % случаев респонденты считали, что просветительская работа по культуре разрешения конфликтов в образовательных организациях, в бизнесе и на местном уровне может способствовать развитию медиации.

Таким образом, эмпирические исследования подтвердили реальность следующих барьеров в развитии примирительных процедур (медиации) в социальной сфере: отсутствие информации у граждан о примирительных технологиях разрешения конфликтов (медиации), отсутствие нормативных актов по применению примирительных процедур в урегулировании конфликтов во внесудебном порядке, отсутствие нормативов оплаты труда медиаторов в бюджетных организациях, преимущественные представления в обществе о конкурентной стратегии поведения в конфликте, недостаток информации о возможности получения образования по направлениям «Конфликтология», «Медиация».

Рекомендации

Эмпирические данные позволили сформулировать перечень рекомендаций, направленных на преодоление барьеров. Следование этим рекомендациям будет способствовать дальнейшему развитию института примирения. Для формирования системы информирования граждан о центрах разрешения конфликтов, центрах медиации и посредничества необходимо создание проектного офиса по организации деятельности по информированию граждан о медиации (примирительных процедурах), а также организация и стимулирование социальных просветительских проектов во взаимодействии со средствами массовой информации и средствами массовой коммуникации по распространению информационных роликов и публикаций в социальных сетях о медиации и иных примирительных

технологиях, о существующих центрах посредничества и их непосредственной работе. Эффективным, по мнению респондентов, стимулом будет нормативное закрепление внесудебных примирительных процедур в социальной сфере как способа урегулирования/разрешения конфликтов. Для этого важно создать нормативные акты в субъектах РФ (концепции, планы развития медиации), ввести ставки конфликтологов и медиаторов в организации бюджетной сферы, возможно, разработать и принять закон о примирительных процедурах урегулирования споров в социальной сфере. Для реализации просветительской деятельности, связанной с культурой разрешения конфликтов в образовательных организациях, в бизнесе и на местном уровне, в рамках федеральных, региональных и корпоративных конкурсов социальных проектов может быть осуществлена деятельность по созданию и реализации социально-культурных проектов, направленных на распространение идей толерантности, уважения достоинства человека, на просвещение в области прав человека людей всех возрастов, на преподавание основ мирного урегулирования и разрешения конфликтов.

Для эффективного встраивания медиации (примирительных процедур) в работу с конфликтами, возникающими в социальной сфере, необходима комплексная работа с существующими барьерами и стимулами. Крайне важны в этом процессе сплоченная диалоговая работа специалистов (экспертов) в области примирительных процедур, государственных, муниципальных служащих, а также активное привлечение студентов для разработки и реализации проектов, направленных на распространение примирительных технологий урегулирования/разрешения конфликтов.

Список литературы

- Андреанов Ю. Медиация в бизнесе // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 1. С. 140–146.
- Батурина Н.А. Зарубежный опыт правового регулирования процедуры медиации // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С. 21–24.

Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах/ пер. с нем. Н.В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.

Бодрова Е.А. Современная форма семейной медиации в России и за рубежом // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. № 1(144). С. 134–137.

Бюлер Х.-А. Медиация как культура понимания // Медиация как культура согласия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9–10 апреля 2014 г.). Пермь, 2014. С. 90–98.

Вирченко Ю.А., Самохвалова Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4(13). С. 16–20.

Гапченко В. Особенности проведения медиации в разрешении семейных конфликтов с участием подростков // Вестник Федерального института медиации. 2018. № 4. С. 126–151.

Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37>

Григорьев А.Н. Эффективность медиации // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С. 31–34.

Исакова Ю.И. Перспективы развития медиации в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9, pp. 27–30. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.17872>

Карпенко А.Д. Медиация и культура согласия как ресурс развития // Медиация как культура согласия и ресурс развития регионов России: материалы науч.-практ. конф. (27–28 марта 2012 г.). Пермь, 2012. С. 29–35.

Коновалов А.Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2017 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С. 202–232.

Лахметкина Ю.С. Проблема эффективности подготовки профессионального медиатора // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С. 68–70.

Леонов Н.И. Конфликтологическая компетентность медиатора // Медиация как культура согла-

сия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9–10 апреля 2014 г.). Пермь, 2014. С. 76–77.

Лисицын В.В. Примирительное посредничество и медиация в России: проблемы становления и перспективы развития // Третейский суд. 2012. № 4(82). С. 150–154.

Марголина Т.И. Магистратура как пространство инноваций в подготовке кадров новых профессий // Медиация как культура согласия: диалог в изменяющихся условиях: сб. науч. ст. и материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 14–15 мая 2019 г.). Пермь, 2019. С. 33–38.

Марголина Т.И. О проблемах и перспективах развития медиации в Пермском крае // Медиация как культура согласия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (23 апреля 2013 г.). Пермь, 2013. С. 18–25.

Назинцева А.Ю. Бизнес-медиация как вектор будущего развития России // Экономика, управление и финансы: современные подходы и конкурентное развитие: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конференции. Саратов, 2018. С. 200–202.

Низматуллин Ф. Быть арбитром, медиатором и юристом — это возможно / АНО «Медиация». 2019. 21 фев. URL: <http://www.mediatio.biz/publications/p1/n73/> (дата обращения: 25.07.2020).

Романова Н.А. Проблемы теории и практика медиации: психологический анализ // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С. 97–103.

Тюльканов С.Л., Никитина И.Б., Геворкова К.В. Проблемы применения законодательства о медиации при организации и проведении процедуры медиации // Предпринимательство и право: информационно-аналитический портал. 2016. 10 окт. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7986> (дата обращения: 28.08.2019).

Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета – Федеральный выпуск. 2010. № 168(5247). 30 июл. URL: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html> (дата обращения: 31.07.2020).

Шкрыль Е.О. Семейная медиация в России: состояние, проблемы и возможности применения // Право и глобальный социум. 2016. № 2. С. 45–52.

Шамликашвили Ц.А. Школьная медиация как действенный инструмент в защите прав детей. //

Гарант.Ру. 2012. URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/7/> (дата обращения: 31.10.2019).

Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 2. С. 26–33.

Получено 31.07.2020

References

Andrianov, Yu. (2017). *Mediatsiia v biznese* [Mediation in business]. *Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii* [Bulletin of the Federal Institute of Mediation]. No. 1, pp. 140–146.

Baturina, N.A. (2016). *Zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya protsedury mediatsii* [Foreign experience of legal regulation of the mediation procedure]. *Perspektivy stanovleniya i razvitiya mediatsii v regionakh* [Prospects for the formation and development of mediation in the regions]. Saratov: RC «Nauka» Publ., pp. 21–24.

Besemer, Kh. (2004). *Mediatsiya. Posrednichestvo v konfliktakh* [Conflict mediation]. Kaluga: Dukhovnoe Poznanie Publ., 176 p.

Bodrova, E.A. (2015). *Sovremennaya forma semeynoy mediatsii v Rossii i za rubezhom* [Actual status of family mediation in Russia and abroad]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law]. No. 1(144), pp. 134–137.

Byuler, Kh.A. (2014). *Mediatsiya kak kul'tura ponimaniya* [Mediation as a culture of understanding]. *Mediatsiya kak kul'tura soglasiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (9–10 aprelya 2014 g.)* [Mediation as a Culture of Consent: proceedings of the International scientific and practical conference (April 9–10, 2014)]. Perm, pp. 90–98.

Federal'nyy zakon «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» ot 27.07.2010 № 193-FZ [Federal law «On alternative procedure of dispute settlement with participation of mediator (mediation procedure)» of July 27, 2010 No. 193-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* (Federal Issue). No. 168(5247). Jul. 30. Available at: <https://rg.ru/2010/07/30/mediacia-dok.html> (accessed 31.07.2020).

Gapchenko, V. (2018). *Osobennosti provedeniya mediatsii v razreshenii semeynykh konfliktov s uchast-*

tiem podrostkov [Features of mediation in the resolving of family conflicts with teenagers]. *Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii* [Bulletin of the Federal Institute of Mediation]. No. 4, pp. 126–151.

Golub', O.Yu. (2017). *Perspektivy razvitiya mediatsii v Rossii* [Prospects of mediation in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya. Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. Series: Sociology. Politology]. Vol. 17, iss. 1, pp. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37>

Grigor'ev, A.N. (2016). *Effektivnost' mediatsii* [The effectiveness of the mediation]. *Perspektivy stanovleniya i razvitiya mediatsii v regionakh* [Prospects for the formation and development of mediation in the regions]. Saratov: RC «Nauka» Publ., pp. 31–34.

Isakova, Yu.A. (2018). *Perspektivy razvitiya mediatsii v Rossii* [Prospects for the development of mediation in Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. No. 9, pp. 27–30. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.17872>

Karpenko, A.D. (2012). *Mediatsiia i kul'tura soglasiia kak resurs razvitiya* [Mediation and culture of consent as a resource for development]. *Mediatsiia kak kul'tura soglasiya i resurs razvitiya regionov Rossii* [Mediation as a culture of consent and a resource for the development of Russian regions]. Perm, pp. 29–35.

Konovalov, A.Yu. (2018). *Monitoring deyatel'nosti shkol'nykh sluzhb primireniya za 2017 god, provedenny v ramkakh Vserossiyskoy assotsiatsii vosstanovitel'noy mediatsii* [Monitoring of the activities of school reconciliation services for 2017, carried out within the framework of the All-Russian Association for Restorative Mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii* [Bulletin of Restorative Justice]. No. 15, pp. 202–232.

Lakhmetkina, Yu.S. (2016). *Problema effektivnosti podgotovki professional'nogo mediatora* [The problem of the effectiveness of training a professional mediator]. *Perspektivy stanovleniya i razvitiya mediatsii v regionakh* [Prospects for the formation and development of mediation in the regions]. Saratov: RC «Nauka» Publ., pp. 68–70.

Leonov, N.I. (2014). *Konfliktologicheskaya kompetentnost' mediatora* [Conflictological competence of mediator]. *Mediatsiya kak kul'tura soglasiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (9–10 aprelya 2014 g.)* [Mediation as a Cul-

ture of Consent: proceedings of the International scientific and practical conference (April 9–10, 2014)]. Perm, pp. 76–77.

Lisitsyn, V.V. (2012). *Primiritel'noe posrednichestvo i mediatsiia v Rossii: problema stanovleniya i perspektivy razvitiia* [Conciliatory mediation and mediation in Russia: problems of formation and development prospects]. *Treteyskiy sud* [Arbitration]. No. 4(82), pp. 150–154.

Margolina, T.I. (2019). *Magistratura kak prostranstvo innovatsii v podgotovke kadrov novykh professiy* [Master's degree as a field for innovation in training personnel for new professions]. *Mediatsiya kak kul'tura soglasiya: dialog v izmenyayushchikhsiya usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Perm, 14–15 maya 2019 g.)* [The mediation as a culture of agreement: dialogue in a changing environment: proceedings of the International scientific and practical conference (Perm, May 14–15, 2019)]. Perm; PSU Publ., pp. 33–38.

Margolina, T.I. (2013). *O problemakh i perspektivakh razvitiya mediatsii v Permskom krae: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konferentsii (23 aprelya 2013 g.)* [About the problems and prospects of the development of mediation in the Perm region]. *Mediatsiya kak kul'tura soglasiya* [Mediation as a culture of consent: proceedings of the interregional scientific-practical conference (April 23, 2013)]. Perm, pp. 18–25.

Nazintseva, A.Yu. (2018). *Biznes-mediatsiya kak vector budushego razvitiya Rossii* [Business mediation as a vector for the future development of Russia]. *Ekonomika, upravlenie i finansy: sovremennye podkhody i konkurentnoe razvitiie: sb. st. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economics, management and finance: modern approaches and competitive development: collect. articles of the International scientific and practical conference]. Saratov: Professional'naya Nauka Publ., pp. 200–202.

Nigmatullin, F. (2019). *Byt' arbitrom, mediatorom i yuristom — eto vozmozhno* [It is possible to be an arbitrator, mediator and lawyer]. ANO «Mediatsiya», Feb. 21. Available at: <http://www.mediatio.biz/publications/p1/n73/> (accessed 25.07.2020).

Romanova, N.A. (2016). *Problemy teorii i praktika mediatsii: psikhologicheskii analiz* [Problems of the theory and practice of mediation: psychological analysis]. *Perspektivy stanovleniya i razvitiya mediatsii v regionakh* [Prospects for the formation and development of mediation in the regions]. Saratov: RC «Nauka» Publ., pp. 97–103.

Shamlikashvili, Ts.A. (2012). *Shkol'naya mediatsiya kak deystvennyy instrument v zaschite prav detey* [School mediation as an effective tool in protecting children's rights]. Garant.Ru. Available at: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/7/> (accessed 31.10.2019).

Shamlikashvili, Ts.A. and Khazanova, M.A. (2014). *Metod "shkol'naya mediatsiia" kak sposob sozdaniya bezopasnogo prostranstva i ego psikhologicheskie mekhanizmy* [«School mediation» method as a way to create a safe space and its psychological mechanisms]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 19, no. 2, pp. 26–33.

Shkryl', E.O. (2016). *Semeynaya mediatsiya v Rossii: sostoyanie, problemy i vozmozhnosti primeneniya* [Family mediation in Russia: state, problems and application possibilities]. *Pravo i global'nyy sotsium* [Law and Global Society]. No. 2, pp. 45–52.

Tyul'kanov, S.L., Nikitina, I.B. and Gevorkova, K.V. (2016). *Problemy primeneniya zakonodatel'stva o mediatsii pri organizatsii i provedenii protsedury mediatsii* [Problematic issues of application of the legislation on mediation while organizing and carrying out mediation procedure]. *Predprinimatel'stvo i pravo: informatsionnyy i analiticheskiy portal*, Oct. 10. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7986> (accessed 28.08.2019).

Virchenko, Iu.A. and Samokhvalova, N.A. (2016). *Protsedura mediatsii v Rossiyskoy Federatsii: plyusy i minusy* [Mediation procedure in the Russian Federation: pros and cons]. *Aktual'nyye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* [Actual Issues of Modern Science and Society]. No. 4(13), pp. 16–20.

Received 31.07.2020

Об авторах

Марголина Татьяна Ивановна

кандидат психологических наук,
профессор кафедры социальной работы
и конфликтологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: margolina06@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4370-1221>

Суровяткина Полина Александровна

студент направления «Конфликтология»
юридического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: polina.suroviatkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7720-0797>

About the authors

Tatyana I. Margolina

Ph.D. in Psychology, Professor of the Department
of Social Work and Conflictology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: margolina06@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4370-1221>

Polina A. Surovyatkina

Student of the « Conflictology» Program,
Faculty of Law

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: polina.suroviatkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7720-0797>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Марголина Т.И., Суровяткина П.А. Барьеры и стимулы развития медиации (примирительных процедур) в социальной сфере // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 494–505. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-494-505

For citation:

Margolina T.I., Surovyatkina P.A. [Barriers and incentives in the development of mediation (conceptual procedures) in the social sphere]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 494–505 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-494-505

УДК 316.334

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-506-519

**САМОИНФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Гасумова Светлана Евгеньевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Представлен анализ новых тенденций во взаимодействии системы социальной защиты и социального обслуживания с гражданами в условиях цифровизации в России, связанных с переходом от традиционной модели работы «человек – человек» к дистанционной модели «человек – компьютер – человек». Особый акцент сделан на неотвратимости ускорении такого перехода под влиянием режима самоизоляции из-за пандемии COVID-19. Подробно описана тенденция формирования неформальных сообществ в виртуальном пространстве, позволяющих населению самостоятельно создавать дополнительные, альтернативные каналы самоинформирования о мерах социальной поддержки и социальных услугах. На основе ряда эмпирических исследований, проведенных в Пермском крае в 2020 г., выявлены причины популярности таких групп самопомощи в социальных сетях, позволяющих гражданам удовлетворять информационные потребности в вопросах социальной защиты и социального обслуживания без участия органов власти. Показан высокий уровень доверия населения к этим альтернативным каналам информирования на горизонтальном уровне. В то же время представлен анализ причин недовольства граждан официальными каналами информирования, связанного с рядом сложившихся негативных установок в общественном сознании по отношению к официальным сайтам органов социальной защиты и социальных служб, качеству очного и дистанционного консультирования их сотрудниками. Предложены рекомендации по совершенствованию процесса цифровизации социальной защиты и социального обслуживания (изменение подхода к формированию контента официальных сайтов, дистанционным способам консультирования, внедрение интернет-сервисов по подбору льгот и социальных услуг, выбору социальной службы, подаче жалоб и др.), показаны ожидания общества в этом направлении.

Ключевые слова: цифровизация, социальная работа, социальная защита, социальное обслуживание, социальные услуги, социальная поддержка, информирование, автоматизация, сообщества в социальных сетях.

**SELF-INFORMING OF THE POPULATION ON SOCIAL WELFARE
AND SOCIAL SERVICES IN MODERN RUSSIA
UNDER THE DIGITALIZATION OF SOCIETY**

Svetlana E. Gasumova

Perm State University

We present an analysis of the new trends in the interaction between the social welfare system and citizens in the context of digitalization in Russia. These trends relate to the transition from the traditional model of work «man – man» to the remote model «man – computer – man». Particular emphasis is put on the inevitable acceleration of this process under the influence of the self-isolation due to the COVID-19 pandemic in 2020. We describe in detail the tendency to form informal communities in the virtual space allowing the population to create additional, alternative self-informing channels about social benefits and social

services. The reasons for the popularity of such essentially self-help groups in social networks, giving citizens a possibility to satisfy their information needs in matters of social welfare and social services without the participation of authorities, have been identified on the basis of a number of empirical studies conducted in the Perm region in 2020. A high level of public confidence in these alternative communication channels at the horizontal level is shown. At the same time, we present an analysis of the reasons for people's dissatisfaction with the official channels of information due to a number of negative attitudes in the public consciousness regarding official websites of social welfare bodies and social agencies as well as the quality of face-to-face and distance counseling by their employees. There are given some recommendations on improving the digitalization of social welfare and social services, such as changing the approach to generating content on official web-sites, remote counseling methods, introducing Internet services for selecting benefits and social services, choosing a social agency, filing complaints, etc. The public expectations in this sphere are also presented.

Keywords: digitalization, social work, social welfare, social services, social support, informing, automatization, communities in social networks.

Введение

В условиях цифровизации во взаимодействии государственных органов власти с населением в сфере социальной защиты и социального обслуживания проявляются совершенно новые тенденции, ранее не характерные для российского общества и пока не описанные в науке. Они нуждаются в научном осмыслении. Подобные исследования в рамках обозначенного предметного поля только начали появляться в России.

Так, социально-экономические аспекты цифровизации социальной защиты анализируют А.В. Яковенко [Яковенко А.В., 2020], О.В. Андреева, А.А. Суховеева [Андреева О.В., Суховеева А.А., 2019], В.А. Арутюнян, Е.Э. Путинцева, А.Р. Шахова, А.И. Швейкина [Арутюнян В.А. и др., 2018], О.М. Комарова [Комарова О.М., 2019], Н.А. Симченко, И.А. Троян, М.В. Горячих, Е.С. Андриющенко [Симченко Н.А. и др., 2019] и др. Вопросы внедрения информационных технологий при организации работы с гражданами — получателями социальных услуг рассматривают Т.И. Худякова [Худякова Т.И., 2020], А.С. Андрияшкина, Р.Ю. Ванцев [Андрияшкина А.С., Ванцев Р.Ю., 2019], А.Х. Маликова [Маликова А.Х., 2019]. Акцент на необходимости создания информационной системы поддержки принятия решений в сфере социальной защиты населения делают А.С. Бихдрикер, Т.В. Лисицына [Бихдрикер А.С., Лисицына Т.В., 2020]. Управление рискообразующими факторами для обеспечения надежной социальной защиты государства в условиях цифровой экономики описывает И.Я. Богданов [Богданов И.Я., 2019]. Е.А. Вертелецкая [Вертелецкая Е.А., 2018] и Н.В. Студеникин [Студеникин Н.В.,

2018] характеризуют зарубежный опыт цифровизации социальных услуг и перспективы его внедрения в России. Опыт цифровизации социальной защиты в Республике Беларусь можно встретить у Т.С. Лужковой, В.М. Алдановой, Д.М. Куликовой, А.О. Дятловой [Лужкова Т.С. и др., 2018]. Проблемы защиты права граждан на социальное обеспечение с применением цифровых технологий исследует А.Ю. Гусев [Гусев А.Ю., 2019]. Л.Д. Козырева и О.В. Шкурупей [Козырева Л.Д., Шкурупей О.В., 2018] доказывают, что преимущество цифровизации состоит в снижении стоимости социальных услуг, их большей доступности, качества и конкурентоспособности, а ограниченность — в порождении целого ряда вызовов, на которые ввиду ослабления традиционных институтов адаптации придется отвечать социальной сфере. Они убеждены, что процесс цифровизации в глобальном и локальном масштабе в перспективе приведет к увеличению количества потребителей социальных услуг, в том числе и такого специфического потребителя, как прекариат, а усложняющиеся социальные потребности — к необходимости повышения их качества и разнообразия. Н.Б. Москвина [Москвина Н.Б., 2020] исследует возможности освоения пенсионерами цифровых технологий, а В.А. Сидоренко [Сидоренко В.А., 2020] — инвалидами. Проблему недостаточной информационной открытости системы социальной защиты поднимают А.А. Тетерина [Тетерина А.А., 2019], С.В. Чекалева, С.Е. Гасумова [Чекалева С.В., Гасумова С.Е., 2019]. Перспективы цифровизации процессов предоставления государственных социальных услуг с позиции их независимой оценки

представлены в работе М.З. Шогенова, Т.Б. Гуппоева [Шогенов М.З., Гуппоев Т.Б., 2018]. Все это, вероятно, позволит в ближайшем будущем разработать методологические подходы в данной области и сделать процесс цифровизации социальной защиты и социального обслуживания более эффективным и равномерным.

Безусловно, связанная с пандемией коронавируса изоляция населения в 2020 г. существенным образом стимулирует процесс цифровизации и вынудит органы власти, государственные и негосударственные учреждения и организации, занимающиеся социальной работой, в ускоренном режиме перейти на дистанционную форму оказания помощи гражданам. Традиционная модель такой работы происходила в рамках взаимодействия «человек – человек», когда гражданин приходил в органы социальной защиты или социальную службу и обращался за помощью к специалисту, ведущему прием. Теперь же новая модель взаимодействия с населением будет происходить уже опосредованно — по схеме «человек – компьютер – человек». Скорее всего предоставление всех мер социальной поддержки и абсолютного большинства социальных услуг в будущем будет происходить дистанционно, онлайн (включая процедуры информирования и выявления нуждающихся в помощи граждан, их обращения за помощью, подачи и регистрации документов, социальной диагностики, консультирования). Для населения это существенным образом облегчит процесс обращения за различными пособиями, социальными услугами и т.п., повысив их доступность. Представителям же системы социальной защиты и социального обслуживания придется полностью перестроить свою деятельность, разработать совершенно новые алгоритмы работы с гражданами, внедрить новые автоматизированные информационные системы, закупить компьютерную технику и даже роботов-андроидов. Это потребует и наличия совершенно новых компетенций у специалистов по социальной работе, главными обязанностями которых теперь станут онлайн-диагностика и онлайн-консультирование, работа с различными программными продуктами. Все остальные процессы (включая аналитику) будут автоматизированы, поэтому штат специалистов может быть уменьшен, а к оставшимся,

вероятно, будут предъявляться более высокие требования, в том числе к их уровню образования и квалификации.

Однако в последние годы, пока органы власти в социальной сфере только задумывались о том, что им предстоит перестроить работу с учетом требований и возможностей цифровизации, в виртуальном пространстве, независимо от них уже активно формировалась новая тенденция. Она связана, с одной стороны, с потребностью населения в самоинформировании и самопомощи в области получения мер социальной поддержки и социальных услуг, а с другой — с возникшей в условиях цифровизации реальной возможностью эту потребность легко удовлетворить.

Так, в виртуальном пространстве в последние годы стихийно были созданы неформальные сообщества, занимающиеся обменом информацией о том, какие меры социальной поддержки и какие социальные услуги бывают, кто может на них претендовать, как их получить, как правильно за ними обращаться. Формируются и администрируются такие группы в социальных сетях гражданскими активистами, и, по сути, их деятельность, на наш взгляд, можно рассматривать как добровольчество. Руководители этих сообществ являются представителями общественности, а не сотрудниками органов социальной защиты или представителями каких-либо других органов власти. Более того, они четко обозначают в описании групп в публичном информационном пространстве свой независимый от официальных структур статус.

Безусловно, возникает вопрос о том, насколько компетентно могут информировать население о мерах социальной поддержки и социальных услугах такие представители общественности, не имеющие специальных знаний и не являющиеся профессионалами в области социальной работы. Многие эксперты, должно быть, будут озадачены этой проблемой. Кроме того, возникает вопрос: почему люди вообще вступают в такие сообщества, не проще ли обратиться напрямую в органы власти и узнать из первых рук все, что необходимо? В чем причины популярности подобных групп в социальных сетях?

Чтобы разобраться в этом, нами было проведено эмпирическое исследование на примере Пермского края в самой популярной по данным

«StatCounter» в России в 2019 – начале 2020 гг. социальной сети «ВКонтакте» (далее — ВК) [Social Media Stats..., 2020].

Феномен популярности в социальных сетях неформальных сообществ по вопросам социальной защиты и социальных услуг (на примере Пермского края)

Если в разделе ВК «Сообщества» ввести поисковый запрос «пособия Пермь», то в результатах поиска мы увидим 6 открытых групп по данным на 6 мая 2020 г.:

- 1) «Детские пособия в Перми и крае» (34 867 участников);
- 2) «Пособия и выплаты Пермский край» (12 348 участников);
- 3) «Все детские пособия Перми и края» (1752 участника);
- 4) «Детские пособия в Перми» (1137 участников);
- 5) «Детские пособия в Перми и Пермском крае» (215 участников);
- 6) «Детские пособия Перми и Пермского края» (111 участников).

Для проведения эмпирического исследования мы обратились к руководителю самой популярной из пермских групп ВК «Детские пособия в Перми и крае», на которую подписаны почти 35 тыс. жителей региона. Первое, что видят пользователи социальной сети, зайдя в любое сообщество, — это его описание. Характерно, что в информации об этой группе указано: «ВНИМАНИЕ!!! Группа НЕ имеет отношения ни к соцзащите, ни к ФСС!» Такое описание позволило нам сформулировать гипотезу о том, что россияне, возможно, сегодня доверяют неформальным сообществам больше, чем органам власти. Получается, что если в информации о сообществе указать, что оно неофициальное и создано без участия властных структур, то это обеспечит определенный уровень доверия у обывателей. Поэтому наше исследование было направлено в том числе и на проверку этой гипотезы.

Сначала нами было проведено интервью с руководителем группы ВК «Детские пособия в Перми и крае». Выяснилось, что это девушка, которая столкнулась в процессе собственной жизнедеятельности с тем, что жителям Пермского края не хватает понятной информации о пособиях, субсидиях, компенсациях, социаль-

ных услугах, и решила создать более 5 лет назад сообщество в социальной сети «ВКонтакте», чтобы помочь людям. Затем она нашла единомышленников, которые сегодня помогают ей в администрировании. Так она рассказывает о себе: «Когда-то хотела поступить в Пермский государственственный университет на факультет журналистики, но не сложилось, к сожалению. Что хочу сказать по поводу группы, так это то, что людям нужна информация, изложенная доходчиво, по-простому, без сложных терминов и формулировок. Мы стараемся объяснить все своими словами, но многих тонкостей, к сожалению, не знаем, поэтому часто просим участников обращаться в социальную защиту».

Получается, тот факт, что руководитель сообщества не является представителем системы социальной защиты — это одновременно и сильная, и слабая сторона подобной деятельности. Сильная — поскольку это обеспечивает высокий уровень доверия у населения (об этом чуть позже, в результатах опроса участников группы), а слабая — поскольку сам руководитель осознает, что ему не хватает знаний и актуальных данных о порядке предоставления мер социальной помощи и поддержки, социальных услуг.

Далее нами был проведен опрос участников группы с целью выяснить причины ее популярности. Всего было опрошено 1050 человек. Возраст респондентов — от 18 до 50 лет, в основном это женщины. Были получены следующие результаты.

Прежде всего, оказалось, что 68 % респондентов почти каждый день заходят в эту группу проверить, не появилась ли какая-нибудь новая полезная информация. Еще 25 % посещают в группу не реже 1 раза в неделю. Половина всех опрошенных (52 %) являются также участниками других подобных групп в социальных сетях. Все это говорит о колоссальной информационно потребностях в помощи по вопросам социальной защиты и социального обслуживания. Удобные, качественные и полезные ресурсы подобной проблематики могут быть гипервостребованы.

На вопрос о том, можно ли утверждать, что до вступления в эту группу респондентам не хватало информации о пособиях, других мерах социальной поддержки и социальных услугах, самым популярным ответом стал вариант: «Да,

я буквально вообще не знал(а), где такую информацию взять» (51,3 % респондентов). На втором месте по популярности — ответ «Да, так как обращаться в органы власти за этой информацией неудобно и некогда» (34,6 %). И на третьем месте оказался ответ: «Да, так как в органах власти объясняют не понятно» (21,1 %). То есть довольно значительная часть общества не охвачена системой информирования по вопросам социальной защиты и социального обслуживания. Некоторые социальные группы не знают, куда обратиться за такой информацией, либо не могут найти время, чтобы посетить органы власти, либо опасаются, что все равно не поймут то, что им там скажут.

Кроме того, показательно, что 13,7 % опрошенных (а это почти каждый седьмой), выбрали

вариант «Да, так как на сайтах органов власти такую информацию найти невозможно» (рис. 1). И это ставит проблему низкой информативности и бесполезности сайтов государственных органов власти по вопросам социальной защиты и социального обслуживания, отсутствия на них, за редкими исключениями в отдельных регионах (например, в Самарской области на «Социальном портале регионального Министерства социально-демографической и семейной политики» <https://suprema63.ru/msdr/portal.do>), удобных интерактивных сервисов по подбору льгот, социальных услуг, консультированию, подаче жалоб и т.п. На большинстве государственных сайтов вместо этого размещены новости о прошедших мероприятиях и выполненных работах.

Рис. 1. Причины недостатка у респондентов информации по вопросам социальной защиты и социального обслуживания

Fig. 1. Reasons for the lack of information among respondents on social protection and social services

Крайне тревожно, что часть респондентов, как выяснилось, имеют негативный опыт взаимодействия с органами социальной защиты, подозревают их сотрудников в том, что те намеренно стараются скрыть либо замолчать информацию о полагающихся гражданам льготах, выплатах и социальных услугах (из соображений

экономии бюджетных средств либо в результате личностной профессиональной деформации или некомпетентности). Так, не доверяют органам власти в сфере социальной защиты, «так как они могут что-то скрыть», 11,7 % респондентов (каждый 8–9-й), а указали, что в органах власти им грубят и что они не хотят больше туда обра-

щаться 7,8 % (каждый 12–13-й) среди участников опроса, что не так уж мало. Как показали результаты исследования уровня доверия населения к региональным органам власти в веб-пространстве А.С. Борисовой, доверие между участниками увеличивается, если опыт положительный, и уменьшается в противном случае. В онлайн-системах доверие можно разделить на два типа: прямое, основанное на непосредственном опыте доверителя по взаимодействию с доверенным лицом или организацией, и косвенное, опирающееся на опыт других участников социальной сети [Борисова А.С., 2019]. Поэтому есть риск, что участники групп с негативным опытом

коммуникаций с органами социальной защиты могут активно делиться им в сообществах в социальных сетях, оказывая влияние на остальных участников.

Почти все опрошенные (95 %) утверждают, что информация из этой группы облегчает им жизнь, в том числе 50 % — «существенно», 45 % — «немного». Этой информации доверяют в среднем на 9 баллов из 10, в то время как подобной информации от органов власти доверяют значительно меньше — только на 6 баллов (см. рис. 2), что еще раз подтверждает преимущество информирования населения через неформальные сообщества.

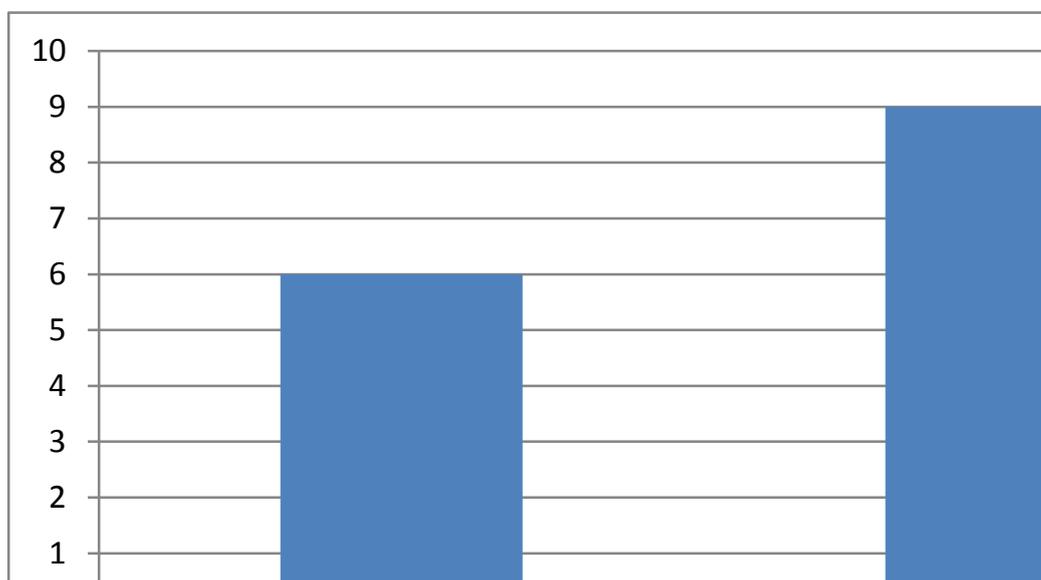

Рис. 2. Уровень доверия участников сообщества ВК «Детские пособия в Перми и крае» информации о мерах социальной защиты и социальных услугах от органов власти и от тематического неформального сообщества в социальной сети, по 10-балльной шкале

Fig. 2. The trust level of the VK social network community «Children's Benefits in Perm and the Region members» to the information about social help and social services from the authorities and from their thematic informal community in the social network, on a 10-point scale

Сами респонденты объясняют свою мотивацию к тому, чтобы состоять в этой группе, следующим образом (ответы ранжированы по популярности, см. рис. 3):

- «В этой группе всегда самая свежая информация о пособиях» (76,9 %);
- «Здесь можно найти более полную информацию, чем в органах власти» (49,5 %);
- «Здесь я могу повторить за другими и научиться обращаться за льготами, мне так проще» (41,1 %);
- «Здесь мне всегда правильно подскажут, что делать» (33,9 %);
- «Самое важное — что здесь со мной общаются на равных, а не с позиции начальника, как в органах власти» (29,3 %);
- «Для меня важно, что здесь я могу по критиковать органы власти» (3,6 %).

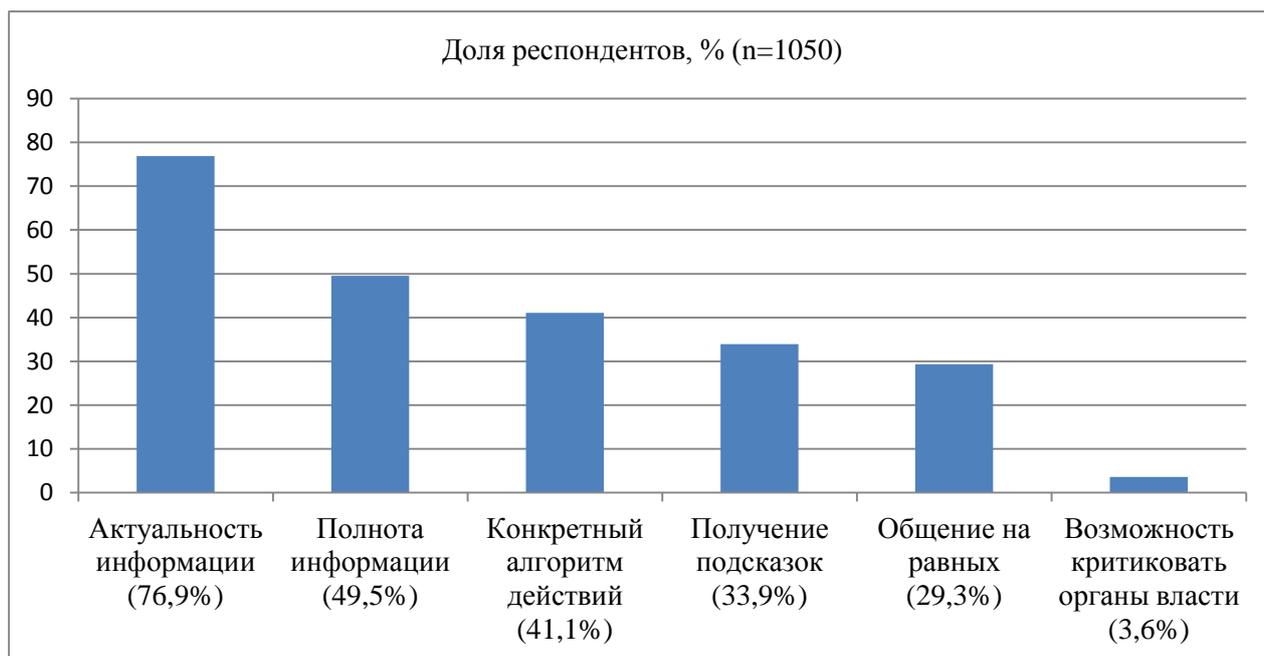

Рис. 3. Причины участия респондентов в неформальных сообществах по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в социальных сетях

Fig. 3. Reasons for the participation of respondents in informal communities on social protection and social services in social networks

Проблема недостоверности самоинформирования в неформальных сообществах

6,7 % опрошенных признали, что им «иногда в этой группе попадалась недостоверная информация», это примерно каждый 15-й. Такой результат не является неожиданным, поскольку мы уже отмечали, что руководят сообществом не сотрудники системы социальной защиты, которые не обладают достаточными знаниями.

Представители Центра социальных выплат и компенсаций Пермского края, к которым мы обратились за комментариями по этому поводу, например, рассказали, что они сталкиваются в своей деятельности с тем, что к ним иногда обращаются граждане, почерпнувшие в таких группах ошибочную информацию о том, что якобы имеют право на получение какой-либо меры социальной поддержки, хотя на самом деле у данной категории такого права нет. Либо участники сообщества, увидев, что другие пишут, что уже получили какое-то пособие, зачастую начинают звонить в Центр социальных выплат и компенсаций и предъявлять претензии, что чиновники «придержали» их деньги и до сих

пор не выплатили их, хотя на самом деле причина здесь в том, что выплаты в Пермском крае производятся поэтапно на разных территориях и до этого района просто еще не дошла очередь. Специалисты признаются, что все это осложняет их работу. В последнее время они довольно часто вынуждены оправдываться перед гражданами и переубеждать их в ответ на беспочвенные упреки.

Решением этой проблемы, на наш взгляд, может стать внедрение в деятельность неофициальных групп в социальных сетях представителей системы социальной защиты для консультирования. К тому же некоторые участники опроса в предложениях по совершенствованию работы сообщества писали: «Добавить мнение сотрудников органов власти», «Добавить в начальство группы человека из социальной защиты», «Чтобы через группу можно было не только читать, но и подавать документы» и т.п. Только осуществляться это должно очень осторожно, без давления, исключительно с согласия руководителей сообществ, иначе есть риск превратить эти сообщества в очередной ресурс органов государственной власти, к которому население вскоре потеряет доверие и в котором разочаруется.

Кроме того, добавим, что, если бы система социальной защиты и социального обслуживания была более прозрачной, подобных проблем, возможно, не возникло бы вообще.

Отметим также любопытный факт. Некоторые участники подобных групп ошибочно полагают, что они созданы органами социальной защиты (по результатам нашего опроса, в этом убеждены 3,6 %, а допускают такую вероятность еще 21,4 % респондентов). Из-за этого при организации деятельности таких сообществ могут возникать проблемы, связанные с упреками в адрес администраторов в отсутствие конкретных действий по назначению и оказанию помощи нуждающимся. Это приводит к конфликтным ситуациям. Например, руководитель группы «Детские пособия в Перми и крае» рассказала: «Многие участники, приходя в группу, считают, что администраторы — это работники социальной защиты, и буквально требуют “добросовестно выполнять свои обязанности” и не высказывать свое мнение по разным вопросам. На этой почве случаются недопонимания и конфликты, где нас обвиняют в грубости и хамстве, которых мы со своей стороны стараемся не допускать». В связи с этим можно порекомендовать внедрить в такие группы конфликтологов в качестве администраторов для разрешения конфликтных ситуаций, а также переименовать сами сообщества таким образом, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в их неофициальном статусе (например, «Подслушано Пособия Пермский край»).

Тем не менее, несмотря на перечисленные трудности и недостатки, важно, что в целом абсолютное большинство опрошенных нами респондентов считают такие неформальные сообщества очень полезными с точки зрения организации своей жизнедеятельности, благодарны и признательны их создателям, руководителям, модераторам и администраторам. Многие оставили в конце анкеты положительные отзывы и просьбы продолжать работу группы.

Причины недостаточной информированности населения о мерах социальной поддержки и социальных услугах в условиях цифровизации

В последней части опроса участникам группы ВК «Детские пособия в Перми и крае» были заданы несколько вопросов об информационной открытости системы социальной защиты и со-

циального обслуживания, чтобы понять, есть ли в этой области какие-то проблемы, которые мешают эффективно информировать население, и что можно было бы усовершенствовать на сегодняшний день руководству ведомства, чего ожидают жители региона.

Прежде всего, отметим, что сайт Министерства социального развития Пермского края содержит массу полезной для граждан информации, в том числе в виде инфографики, что очень удобно. Однако необходимо выяснить, знают ли об этом жители региона, или способны ли они найти такую полезную для себя информацию на сайте?

Оказалось, что пользовалась сайтом Министерства социального развития Пермского края почти половина опрошенных (47,6 %). Положительно его оценивают чуть менее половины из них («там много полезной информации», «сайт довольно полезный»). То есть в целом примерно каждый 2-й опрошенный ознакомлен с сайтом регионального Министерства социального развития и каждый 4–5-й считает его полезным (22,2 %). Результат, безусловно, неплохой.

Но, с другой стороны, чуть более половины респондентов, пользовавшихся этим сайтом, остались им, к сожалению, недовольны: в основном потому, что «не смогли найти там то, что им нужно» (23,5 % всех респондентов). Еще 1,9 % заявили, что сайт «абсолютно бесполезный» и больше они туда не зайдут. Получается, что проблема — в сложности нахождения нужной для индивида информации среди обилия различных сведений, которые размещены на официальном интернет-ресурсе регионального ведомства сегодня. Возможно, решением этой задачи мог бы стать вынос на главную страницу всех наиболее полезных сервисов и ссылок на разделы с самой необходимой для жизнедеятельности граждан информацией, а также создание дополнительных интерактивных сервисов (о них мы скажем ниже). Для этого нужно предварительно провести опрос населения с целью оценки содержания сайта и выявления самых ценных для обывателя сервисов и разделов в его структуре на сегодняшний день.

Удивительно, но 52,4 % опрошенных не пользовались ранее сайтом Министерства социального развития Пермского края (хотя, казалось бы, наша выборка — льготополучатели, и уж они-то в первую очередь должны черпать информацию из официальных источников).

При этом почти половина из них — по той причине, что он им «просто никогда не попадался». 15,3 % всех респондентов признались, что даже не подозревали, что такой сайт вообще существует. А 6,3% опрошенных заявили, что теперь они обязательно зайдут на него. В связи с этим целесообразно порекомендовать распространять флаеры и постеры с информацией о подобных официальных сайтах профильных министерств во всех регионах в общественных местах: в первую очередь в продуктовых супермаркетах (к примеру, на кассах) и аптеках.

Небольшая часть респондентов настроена категорично против любых сайтов органов власти вообще: 4,4 % не хотят на них заходить, так как «там ничего не понятно» и 1,6 % считают их «раздражающими, пафосными, сделанными не для людей». Таких точек зрения придерживаются, получается, в совокупности 6 % нашей выборки, т.е. примерно каждый 16–17-й среди опрошенных жителей региона. На наш взгляд, это результат, с одной стороны, недостаточной мотивационной готовности населения к процессу цифровизации, с другой — недостаточной ориентированности сайтов многих органов власти на информационные потребности целевых групп пользовательской аудитории среди населения и, как следствие, дискредитации и обесценивания официальных государственных интернет-ресурсов в глазах части общества. Чтобы преодолеть это предубеждение, нужно будет совершенствовать политику цифровизации в нашей стране в целом и делать это комплексно.

Теперь попробуем проанализировать качество взаимодействия органов власти с населением в электронной форме. На вопрос «Обращались ли Вы когда-нибудь с вопросами по пособиям, льготам или социальным услугам в официальные группы (паблики) Министерства социального развития Пермского края либо других органов власти в социальных сетях или по электронной почте?» большинство респондентов ответили отрицательно (61,8 %). Получается, что предпринимали такие попытки только 38,2 %. Почти треть из них осталась довольна (11,9 % всех опрошенных согласились, что им «все хорошо объяснили»). «Плохо все объяснили» каждому 10-му респонденту (10 %). Вообще не получили ответ 4,9 % опрошенных. А 10,9 % респондентов (каждый 9-й житель Пермского края среди принявших участие в опросе) признались, что понятия не име-

ли, что существует возможность обращения в органы власти в электронной форме.

Необходимые гражданам интерактивные сервисы

В завершение опроса для выявления потребности населения в новых формах автоматизированного взаимодействия с органами власти в сфере социальной защиты и социального обслуживания были заданы вопросы о том, нужны ли респондентам бесплатные общедоступные сервисы в сети Интернет по подбору мер социальной поддержки и социальных услуг на основе экспресс-опроса, выбору социальной службы, а также по подаче жалоб в органы социальной защиты. Результаты наших предыдущих исследований по изучению информационных потребностей россиян и политики цифровизации в социальной сфере позволили сформулировать гипотезу, что именно это может быть необходимо гражданам в процессе их жизнедеятельности.

Оказалось, что самым востребованным был бы сервис по подбору льгот: 77,6 % респондентов заявили, что он «очень нужен», и еще 19,7 % отметили, что, возможно, пользовались бы им. Не нужен он только 0,3 % опрошенных, а 1,5 % не уверены, что использовали бы его. Прототипом, кстати, мог бы стать сервис на портале профильного министерства в Самарской области suprema63.ru.

На втором месте по востребованности был бы интернет-сервис по подаче жалоб на выплату пособий, предоставление мер социальной поддержки и социальных услуг. Он необходим 53,3 % опрошенных жителей Пермского края.

И на третьем месте оказался сервис по подбору нужной социальной услуги (например, психологическая помощь, надомное обслуживание, реабилитация инвалидов и т.д.) и выбору соответствующей социальной службы. Точно нужен он 16,1 % респондентов, но еще 62,4 % хотят, чтобы он был «на всякий случай».

Перечисленные сервисы могли бы быть размещены во всех регионах как на официальных сайтах органов социальной защиты, так и в неформальных сообществах (в последнем случае — хотя бы в виде ссылок). Их использование во многом снизило бы необходимость узнавать о возможных мерах социальной поддержки и социальных услугах на уровне непроверенных слухов, позволило бы системе соци-

альной защиты получить обратную связь от населения. Это снизило бы число конфликтов между гражданами и органами власти.

Выводы

Таким образом, мы видим, что в рамках неформальных сетевых сообществ постепенно выстраиваются дополнительные горизонтальные связи в структуре общества, позволяющие представителям различных социальных групп быстро и эффективно получать, передавать полезную информацию по вопросам социальной защиты и социального обслуживания. В результате этого удовлетворяется данная информационная потребность. Ранее такая информация распространялась в российском обществе только по вертикали и в рамках деятельности государственных институтов: от властных структур к населению. Однако оказалось, что подобный канал информирования недостаточно эффективен. Россияне плохо понимают официальный язык органов власти; им нужно, чтобы кто-то пересказывал тексты нормативных документов и речь государственных служащих простым, обывательским языком, причем делал это не «свысока», а на равных, чтобы человеку было комфортно, даже если он что-то не понимает с первого раза и ему нужно несколько раз переспросить, узнать примеры, научиться нужным действиям, выплеснуть эмоции, в каких-то случаях возмутиться. Кроме того, в общественном сознании довольно сильна установка, что полную информацию о возможных причитающихся гражданину льготах, пособиях, субсидиях, компенсациях, социальных услугах с большей вероятностью можно «раздобыть» по неофициальным каналам коммуникаций, которые и представляют собой описываемые сообщества в социальных сетях. Люди в них объединяются в своеобразные группы, чтобы помочь друг другу организовать свою жизнедеятельность наилучшим способом и научиться, как можно получить все, что положено, от государства, при необходимости обходя «сопротивление чиновников». На наш взгляд, органы власти ни в коем случае не должны запрещать деятельность подобных сообществ или пытаться препятствовать ей. Наоборот, в идеале можно было бы назначить официальных кураторов подобных групп, которые бы по согласованию с руководителями сообществ могли «внедряться» в их деятельность, чтобы консультировать

по сложным вопросам, принимать решения, реагировать на жалобы.

Кроме того, очень востребованы были бы бесплатные общедоступные сервисы в сети Интернет по подбору мер социальной поддержки и социальных услуг на основе экспресс-опроса, по выбору социальной службы, а также по подаче жалоб в органы социальной защиты. Целесообразно также порекомендовать проведение фокус-групп с населением, посвященных разным аспектам использования официальных информационных ресурсов государственных органов власти в сфере социальной политики, в том числе сайта Министерства социального развития Пермского края и других СМИ. Здесь представляется важным не ограничиваться только сайтом ведомства, т.к. большую роль в просвещении населения по вопросам социальной защиты и социального обслуживания играют телевизионные каналы, газеты, радио, памятки, листовки, ведь некоторые граждане не знают о наличии официальных сайтов с информацией, более того, не у всех категорий есть к ним доступ.

Список литературы

Андреева О.В., Суховеева А.А. Цифровизация как инструмент социально-экономического развития (на примере системы социальной защиты граждан) // Технологические инициативы в достижении целей устойчивого развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. XV Южно-Российский логистический форум. Ростов н/Д, 2019. С. 191–195.

Андряшкіна А.С., Ванцев Р.Ю. Совершенствование предоставления гражданам мер социальной защиты в условиях цифровизации социальной сферы // Цифровая парадигма развития общества: взгляд из будущего: сб. науч. тр. по итогам студ. науч.-практ. конф. / редкол. Н.С. Яшин и др. Саратов, 2019. С. 85–87.

Арутюнян В.А., Путинцева Е.Э., Шахова А.Р., Швейкина А.И. Цифровая экономика на службе общества: новые формы социальной защиты населения // Матер. Междунар. студ. науч.-практ. форума по финансовой грамотности / Волгогр. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2018. С. 320–328.

Бихдрикер А.С., Лисицына Т.В. Информационное обеспечение управления сферой социальной защиты населения в регионе // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 30–37.

Богданов И.Я. Цифровая экономика и ее риски в социальной защите общества // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 7–14. DOI:

<https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.01>

Борисова А.С. Определение уровня доверия населения к региональным органам власти в веб-пространстве // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 285–289.

Вертелецкая Е.А. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. форума. Ставрополь: ИИЦ «Фабула», 2018. С. 223–225.

Гусев А.Ю. Цифровизация и защита права на социальное обеспечение // Вопросы трудового права. 2019. № 7. С. 53–57.

Козырева Л.Д., Шкурпей О.В. Система социального обслуживания населения в эпоху цифровизации: социальные инновации и перспективы развития // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2018. Т. 9, вып. 4(36). С. 184–189.

Комарова О.М. Развитие социальной сферы в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, возможности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / Гос. гуманит.-технол. ун-т. Орехово-Зуево, 2019. С. 57–61.

Лужкова Т.С., Алданова В.М., Куликова Д.М., Дятлова А.О. Социальная защита населения в цифровом формате // Матер. Междунар. студ. науч.-практ. форума по финансовой грамотности / Волгогр. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2018. С. 154–176.

Маликова А.Х. Цифровизация как мера по повышению эффективности предоставления социальных услуг // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху: матер. Междунар. юр. науч. симпозиума / отв. ред. С.П. Бортников; Самар. гос. эконом. ун-т. Самара, 2019. С. 62–64.

Москвина Н.Б. Освоение пенсионерами цифровых технологий: от наличной ситуации к новым возможностям // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 148–156.

Сидоренко В.А. Использование мобильных приложений, ориентированных на людей с ограниченными возможностями // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 176–181.

Симченко Н.А., Троян И.А., Горячих М.В., Андрющенко Е.С. Цифровизация социально значимых услуг в условиях цифровой трансформации экономики республики Крым // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13, № 2(84). С. 223–234. DOI: <https://doi.org/10.24411/1995-042x-2019-10221>

Студеникин Н.В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 32–36.

Тетерина А.А. Проблемы и перспективы информационной открытости системы социальной защиты в Пермском крае // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: современные механизмы преодоления бедности: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов. Пермь, 2019. С. 94–98.

Худякова Т.И. Цифровизация социальных услуг в России // Интеллектуальные системы управления в цифровой экономике: сб. материалов Форума молодых ученых / под ред. О.Н. Пронской; Курск. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 245–248.

Чекалева С.В., Гасумова С.Е. Сравнительный анализ интернет-ресурсов региональных органов исполнительной власти в сфере социальной защиты в Приволжском федеральном округе // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: современные механизмы преодоления бедности: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов. Пермь, 2019. С. 99–106.

Шогенов М.З., Гуптеев Т.Б. Независимая оценка качества социальных услуг в условиях цифровизации государственного управления // Прорывное развитие экономики России: условия, инструменты, эффекты: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Нальчик, 2018. С. 280–288.

Яковенко А.В. Социальная защита населения в условиях цифровизации общества: проблемные аспекты // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 230–237.

Social Media Stats in Russian Federation. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/russian-federation/#monthly-201903-202003> (accessed: 30.08.2020).

Получено 16.05.2020

References

- Andreeva, O.V. and Sukhoveeva, A.A. (2019). *Tsifrovizatsiya kak instrument sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (na primere sistemy sotsial'noy zaschity grazhdan)* [Digitalization as an instrument of socio-economic development (on the example of the social protection system of citizens)]. *Tekhnologicheskie initsiativy v dostizhenii tseley ustoychivogo razvitiya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XV Yuzhno-Rossiyskiy logisticheskoy forum* [Technological initiatives to achieve the goals of sustainable development: proceedings of the international scientific and practical conference 15th South Russian logistics forum]. Rostov-on-Don, pp. 191–195.
- Andriyashkina, A.S. and Vantsev, R.Yu. (2019). *Sovershenstvovanie predostavleniya grazhdanam mer sotsial'noy zaschity v usloviyakh tsifrovizatsii sotsial'noy sfery* [Improving the provision of social protection measures to citizens in the digitalization of the social sphere]. *Tsifrovaya paradigma razvitiya obschestva: vzglyad iz buduschego. Sbornik nauchnykh trudov po itogam studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Digital Paradigm of the Development of Society: a Look from the Future: proceedings of student scientific and practical conference]. Saratov, pp. 85–87.
- Arutyunyan, V.A., Putintseva, E.E., Shakhova, A.R. and Shveykina, A.I. (2018). *Tsifrovaya ekonomika na sluzhbe obschestva: novye formy sotsial'noy zaschity naseleniya* [The digital economy in the service of society: new forms of social protection of the population]. *Materialy Mezhdunarodnogo studentsheskogo nauchno-prakticheskogo foruma po finansovoy gramotnosti* [Proceedings of the international student scientific and practical forum on financial literacy]. Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 320–328.
- Bikhdraker, A.S. and Lisitsyna, T.V. (2020). *Informatsionnoe obespechenie upravleniya sferoy sotsial'noy zaschity naseleniya v regione* [Information support at social protection management in the region]. *Sotsial'naya rabota: sovremennyye problemy i tekhnologii* [Social Work: Modern Challenges and Technologies]. No. 1, pp. 30–37.
- Bogdanov, I.Ya. (2019). *Tsifrovaya ekonomika i ee riski v sotsial'noy zaschite obschestva* [Digital economy and related risks in social protection of community]. *TSITISE [CITISE]*. No. 5(22), pp. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.01>
- Borisova, A.S. (2019). *Opreделение urovnya doveriya naseleniya k regional'nym organam vlasti v veb-prostranstve* [Determination the level of population confidence in regional authorities in the web space]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investments]. No. 9, pp. 285–289.
- Chekaleva, S.V. and Gasumova, S.E. (2019). *Sravnitel'nyy analiz internet-resursov regional'nykh organov ispolnitel'noy vlasti v sfere sotsial'noy zaschity v Privolzhskom federal'nom okruge* [Comparative analysis of Internet resources of regional executive authorities in the field of social protection in the Volga federal district]. *Sotsial'naya bezopasnost' i zaschita cheloveka v usloviyakh novoy obschestvennoy real'nosti: sovremennyye mekhanizmy preodoleniya bednosti: materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii uchenykh, prepodavateley, spetsialistov, aspirantov* [Social Security and Human Protection in the New Social Reality: Modern Mechanisms for Poverty Alleviation: proceedings of the 11th international scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, graduate students]. Perm, pp. 99–106.
- Gusev, A.Yu. (2019). *Tsifrovizatsiya i zaschita prava na sotsial'noe obespechenie* [Digitalization and protection of the right to social security]. *Voprosy trudovogo prava* [Labor Law Issues]. No. 7, pp. 53–57.
- Khudyakova, T.I. (2020). *Tsifrovizatsiya sotsial'nykh uslug v Rossii* [Digitalization of social services in Russia]. *Intellektual'nye sistemy upravleniya v tsifrovoy ekonomike: sb. materialov foruma molodykh uchenykh* [Intelligent Management Systems in the Digital Economy: Proceedings of forum of young scientists]. Kursk: KSU Publ., pp. 245–248.
- Komarova, O.M. (2019). *Razvitie sotsial'noy sfery v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [The development of the social sphere in the digital economy]. *Innovatsionnoe razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: usloviya, vozmozhnosti: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovative Development of Socio-Economic Systems: Conditions, Opportunities: Proceedings of the 12th international scientific and practical conference]. Orekhovo-Zuyevo: SHTU Publ., pp. 57–61.
- Kozyreva, L.D. and Shkurupey, O.V. (2018). *Sistema sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v epokhu tsifrovizatsii: sotsial'nye innovatsii i perspektivy razvitiya* [Social service system in the era of digitalization: Social innovations and development prospects]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS* [Scientific Works of the North-West IM of RANEPa]. Vol. 9, iss. 4(36), pp. 184–189.
- Luzhkova, T.S., Aldanova, V.M., Kulikova, D.M. and Dyatlova, A.O. (2018). *Sotsial'naya zaschita na-*

seleniya v tsifrovom formate [Social protection of the population in digital format]. *Materialy Mezhdunarodnogo studencheskogo nauchno-prakticheskogo foruma po finansovoy gramotnosti* [Proceedings of the international student scientific and practical forum on financial literacy]. Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 154–176.

Malikova, A.Kh. (2019). *Tsifrovizatsiya kak mera po povysheniyu effektivnosti predostavleniya sotsial'nykh uslug* [Digitalization as a measure to improve the efficiency of social services]. *Aktual'nye problemy razvitiya pravovoy sistemy v tsifrovuyu epokhu: Materialy Mezhdunarodnogo yuridicheskogo nauchnogo simpoziuma* [Actual Problems of the Development of the Legal System in the Digital Era: Proceedings of the international legal scientific symposium]. Samara: Samara State University of Economics Publ., pp. 62–64.

Moskvina, N.B. (2020). *Osvoenie pensionerami tsifrovyykh tekhnologiy: ot nalichnoy situatsii k novym vozmozhnostyam* [Mastering digital technologies by pensioners: from the current situation to new opportunities]. *Sotsial'naya rabota: sovremennye problemy i tekhnologii* [Social Work: Modern Challenges and Technologies]. No. 1, pp. 148–156.

Shogenov, M.Z. and Gupoev, T.B. (2018). *Nezavisimaya otsenka kachestva sotsial'nykh uslug v usloviyakh tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya* [Independent assessment of quality of the state social services in conditions of digitalization of public administration]. *Proryvnoe razvitie ekonomiki Rossii: usloviya, instrumenty, efekty: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Breakthrough Development of the Russian Economy: Conditions, Tools, Effects: Proceedings of the international scientific and practical conference]. Nalchik, pp. 280–288.

Sidorenko, V.A. (2020). *Ispol'zovanie mobil'nykh prilozheniy, orientirovannykh na lyudey s ograniченными возможностями* [Using mobile apps aimed at people with disabilities]. *Sotsial'naya rabota: sovremennye problemy i tekhnologii* [Social Work: Modern Challenges and Technologies]. No. 1, pp. 176–181.

Simchenko, N.A., Troyan, I.A., Goryachikh, M.V. and Andryuschenko, E.S. (2019). *Tsifrovizatsiya sotsial'no znachimyykh uslug v usloviyakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki respubliki Krym* [Digitization of socially significant services in the digital transformation of economy of the republic of Crimea]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Rus-

sia and Abroad]. Vol. 13, no. 2(84), pp. 223–234. DOI: <https://doi.org/10.24411/1995-042x-2019-10221>

Social media stats in Russian Federation. Available at: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/russian-federation/#monthly-201903-202003> (accessed 30.08.2020).

Studenikin, N.V. (2018). *Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na sotsial'nye uslugi: mirovoy opyt i perspektivy v Rossii* [Influence of digital technologies on social services: world experience and prospects in Russia]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences]. No. 1, pp. 32–36.

Teterina, A.A. (2019). *Problemy i perspektivy informatsionnoy otkrytosti sistemy sotsial'noy zashchity v Permskom krae* [Problems and prospects of information openness of the social protection system in the Perm region]. *Sotsial'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyakh novoy obschestvennoy real'nosti: sovremennye mekhanizmy preodoleniya bednosti: materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii uchenyykh, prepodavateley, spetsialistov, aspirantov* [Social Security and Human Protection in the New Social Reality: Modern Mechanisms for Poverty Alleviation: Proceedings of the 11th international scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, graduate students]. Perm, pp. 94–98.

Verteletskaya, E.A. (2018). *Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na sotsial'nye uslugi: mirovoy opyt i perspektivy v Rossii* [The influence of digital technologies on social services: world experience and prospects in Russia]. *Rossiya, Evropa, Aziya: tsifrovizatsiya global'nogo prostranstva: Sbornik nauchnykh trudov i mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* [Russia, Europe, Asia: Digitalization of the Global Space: Proceedings of the 1st international scientific and practical forum]. Stavropol: Fabula Publ., pp. 223–225.

Yakovenko, A.V. (2020). *Sotsial'naya zashchita naseleniya v usloviyakh tsifrovizatsii obschestva: problemnye aspekty* [Social protection of the population in a digitalized society: problematic aspects]. *Sotsial'naya rabota: sovremennye problemy i tekhnologii* [Social Work: Modern Challenges and Technologies]. No. 1, pp. 230–237.

Received 16.05.2020

Об авторе

Гасумова Светлана Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии, доцент кафедры
информационных технологий

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetagasumova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-8605>

About the author

Svetlana E. Gasumova

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Social Work and Conflictology, Associate Professor
of the Department of Information Technologies

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetagasumova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-8605>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гасумова С.Е. Самоинформирование населения по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в современной России в условиях цифровизации общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 506–519. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-506-519

For citation:

Gasumova S.E. [Self-informing of the population on social welfare and social services in modern Russia under the digitalization of society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 506–519 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-506-519

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Vard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «<—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное изображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2020 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2020 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	27 марта
в № 2 — до 01 мая	26 июня
в № 3 — до 01 августа	25 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2020.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 27
No 2 May 1	June 26
No 3 August 1	September 25
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2020
Выпуск 3

Редактор *В.А. Филимонова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 23.09.2020
Дата выхода в свет 25.09.2020
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,46
Тираж 500 экз. Заказ 1195

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке